

ЕЖЕГОДНИК
2017

Издание выходит с 2009 г.

Развитие и политика

Экономика и стратегическое
партнерство

Интеграция и финансы

Минерально-сырьевые
ресурсы

Портрет африканского
лидера

История и религия

Культура и образование

PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
CENTER OF AFRICAN STUDIES
SERIES "AFRICAN STUDIES"

YEARBOOK

**AFRICA:
SUSTAINABLE
DEVELOPMENT
AND THE DIPLOMACY
OF DIALOGUE**

2017

Moscow
Peoples' Friendship University of Russia
2017

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР
АФРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ
СЕРИЯ «АФРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

ЕЖЕГОДНИК

**АФРИКА:
УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ
И ДИПЛОМАТИЯ ДИАЛОГА**

2017

Москва
Российский университет дружбы народов
2017

УДК 32/39:2:9(6)(058)
ББК 95.3(6)я5
А94

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

Редакционная коллегия:
И.В. Андропова (ответственный секретарь), Н.В. Громова,
академик РАН А.Б. Давидсон, Е.А. Долгинов,
Л.В. Пономаренко, А.Д. Саватеев, И.В. Следзевский, А.М. Хазанов,
Л.В. Шкваря, В.И. Юртаев (зам. главного редактора)

Главный редактор – *Н.С. Кирабаев*

А94 **Африка: устойчивое развитие и дипломатия диалога :
Ежегодник – 2017 = Africa: Sustainable Development and the
Diplomacy of Dialogue : Yearbook – 2017** : сб. статей /
под ред. Н. С. Кирабаева, Л. В. Пономаренко, В. И. Юртаева,
Е. А. Долгинова. – Москва : РУДН, 2017. – 340 с. : ил.

Очередной выпуск ежегодной серии «Африканские исследования», подготовленный с участием ученых-африканистов РУДН и Института Африки РАН, Института востоковедения РАН, Института США и Канады РАН, посвящен актуальным вопросам мира и развития на африканском континенте, кризиса в африканских условиях евроцентрической модели «нация-государство». В центре внимания находятся проблемы диалога и созидательного сотрудничества стран Африки в интересах достижения целей устойчивого развития, формирования активной позиции мирового сообщества по предотвращению конфликтов в Африке, регионального сотрудничества по противодействию международному терроризму, особенностей дипломатии малых африканских стран (Габон) и политического процесса с участием АНК на Юге Африки. Также рассматриваются участие Китая в развитии транспортной инфраструктуры Африки, роль Северной Африки при проведении операции «Хаски» (1943), проблема имиджа первой леди как элемента имиджа главы государства, возможные направления сотрудничества России и Марокко в сфере изучения и добычи природных ископаемых.

This issue of the annual *African Studies* series, prepared with the participation of Africanist scholars from the Peoples' Friendship University of Russia, the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences and the Institute of the USA and Canada of the Russian Academy of Sciences, deals with topical problems of peace and development on the African continent and the crisis in the African conditions of the Eurocentric nation-state model. The main focus is on the problem of dialogue and constructive cooperation among the countries of Africa in the interests of achieving the goals of sustainable development, the formation of the world community's active stand on preventing conflicts in Africa, regional cooperation on opposing international terrorism, specific features of the diplomacy of lesser African countries (Gabon), and the political process with the participation of the African National Congress in the South of Africa. Particularly examined are such problems as the participation of China in the development of Africa's transport infrastructure, the role of North Africa in carrying out Operation Husky (1943), the problem of the image of the first lady as an element of the image of the head of state, and the possible areas of cooperation between Russia and Morocco in surveying and prospecting for mineral deposits.

ISBN 978-5-209-07926-2

© Коллектив авторов. Отв. ред. Н.С. Кирабаев,
Л.В. Пономаренко, В.И. Юртаев, Е.А. Долгинов, 2017
© Российский университет дружбы народов, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

В первой декаде XXI в. одной из центральных тем в исследованиях африканистов становится проблема идентичности в Африке как глубочайшего кризиса индивидуального и группового во всех его формах (этнических, морально-этических, социальных и др.). Этот глубочайший кризис втягивает в свой водоворот все новые поколения африканцев. Как отмечают авторы Ежегодника – 2017, проблематика цивилизационной идентичности возникает в условиях глобальных вызовов, когда проявляется угроза существованию самобытности национальных культур, а отсюда и бытия человека как субъекта историко-культурного развития. В этой связи особенно актуальной видится попытка проанализировать становление и развитие цивилизационной идентичности, увидеть перспективы усилий, направленных на дальнейшее единение, интеграцию африканских стран, их включенность в мировое хозяйственное пространство.

Исследователи обращают внимание на ряд ключевых проблем, осмысление которых критически необходимо при определении перспективных направлений развития на африканском континенте. Одной из наиболее значимых в африканских условиях представляется проблема политической и культурно-цивилизационной состоятельности европоцентрической модели «нация-государство». Современное африканское государство принимает вызовы глобализации в условиях «культурно-исторической неоднородности африканских обществ, сохраняющихся традиций африканского трибализма и специфики эволюции африканских общинных социумов, нарастания в регионе масштабных социальных кон-

фликтов и их деструктивного влияния на состояние национальной государственности» (И.В. Следзевский), кризиса модели «нация-государство». Речь идет о задачах, сочетающих в себе одновременно локальные и глобальные условия успешного общественного развития. Формирование современного гражданского общества сегодня во многом регулируется трансграничными сетевыми взаимодействиями и поэтому так важно утверждение собственных форм культурной идентичности, способных выдержать глобальную культурную конкуренцию и обеспечить интеграцию африканских сообществ на базе собственных традиций, культурного и религиозного опыта, преодолевая распространяющийся хаос конфликтов регионального и глобального масштаба. В качестве общественных самобытных форм, по нашему мнению, перспективны различные формы самоорганизации, но с участием и с помощью государства, привлекая современные технологии, с одной стороны, и использованием традиционного опыта организации, регулирования хозяйства и сохранения правопорядка – с другой. Как отмечают исследователи, А.Н. Мосейко и Е.В. Харитоновна, эти гибридные формы самоорганизации и самоуправления уже существуют и эффективно работают в Африке, хотя и приобретают порой причудливые очертания.

На этом общем фоне по-новому видится роль малых африканских государств, дипломатия которых вносит свежие краски в палитру международных отношений в Африке. Актуален опыт Габонской Республики, внешняя политика которой прошла путь от изоляционистской первоначально модели к дипломатии расширенного диалога и процветания в меняющихся глобальном и региональном контекстах. Интерес к этому опыту обусловлен также стремительностью вхождения Габона – одного из самых заметных представителей группы малых государств Африки – в процессы мировой политики. Диалог играет важную роль в государственной политике Га-

бонской Республики, особенно когда речь идет о формировании политики в различных областях и определении единой политики.

Базой экономического развития практически всех стран Африки традиционно являются разрабатываемые месторождения высоколиквидного сырья. При этом, как показано в анализе экспертов геологоразведочной компании «ОЗГЕО», геолого-экономические характеристики целого ряда полезных ископаемых еще недостаточно выявлены и перспективно проведение дистанционных исследований по современным технологиям на драгоценные, цветные, редкие, радиоактивные металлы, редкоземельные элементы и алмазы. Требуется также организация дальнейших поисково-оценочных работ на золото, серебро, медь, свинец, цинк, кобальт, карбонатиты, редкие металлы, платину и др. Целесообразна и прогнозная оценка различных районов на энергетическое сырье: нефть, газ, конденсат, уголь, горючие сланцы и уран. В целом Африка имеет благоприятные экономические предпосылки для развития горнодобывающей промышленности, богатейшая минерально-сырьевая база континента позволяет воплотить здесь самые смелые проекты развития.

Ученые и эксперты планеты отмечают высочайшую значимость расширения рамок обсуждения проблем мира и развития на африканском континенте. В центре внимания авторов Ежегодника, представляющих Институт Африки РАН, Институт востоковедения РАН, Институт США и Канады РАН, Российский университет дружбы народов, находятся проблемы диалога и созидательного сотрудничества стран Африки в интересах достижения целей устойчивого развития, формирования активной позиции мирового сообщества по предотвращению конфликтов в Африке, регионального сотрудничества по противодействию международному терроризму, особенностей дипломатии малых стран

Африки и политического процесса с участием АНК на Юге Африки, африканской транспортной стратегии КНР. Традиционен интерес к истории континента, в том числе к оценке роли Северной Африки при проведении операции «Хаски» (1943), проблеме формирования будущей элиты и роли в этом процессе первых леди государств, от имиджа которых все более зависит международная узнаваемость африканских государств.

Н.С. Кирабаев

РАЗВИТИЕ И ПОЛИТИКА

В.Г. Шубин

«ТОВАРИЩ МЗВАИ»

«Мзвандиле Пилисо... Его имя известно от мыса Горн до Каира. Для африканцев он стал символом борца за свободу Черного континента», – писал советский журналист в статье, посвященной этому члену Национального исполнительного комитета Африканского национального конгресса (АНК) в 1970 г. [1]. Отсутствие знаний географии у автора этой статьи очевидно, но и его знание африканской политики тоже вряд ли было достаточным.

Сказать, что имя Пилисо общеизвестно, что он стал «символом», несомненно, было преувеличением, хотя он действительно был хорошо знаком тем, кто в Африке и за ее пределами были вовлечены в поддержку южноафриканского освободительного движения. В самом деле, к тому времени, когда статья была опубликована в 1970 г., Мзвандиле Пилисо стал одним из наиболее известных лиц АНК на международной арене.

Журналист встретился с «товарищем Мзваи», как его часто называли, в Алма-Ате (ныне Алматы), во время международной конференции в ознаменование столетия со дня рождения В. И. Ленина. Это была лишь одна из многих конференций, на которых Пилисо представлял АНК, и, кстати, выступление Пилисо на конференции было замечено реакционными силами даже в далекой Австралии. В информационном бюллетене Австралийской лиге прав, крайней правой политической организации, особо не понравились слова Пи-

лисо о роли Москвы: «Без поддержки, которую мы получаем от социалистических стран, в частности, Советского Союза... наша борьба была бы невысказана» [2].

Участие Пилисо в освободительной борьбе началось десятью годами ранее. Через неделю после расстрела африканцев в Шарпевиле 21 марта 1960 г. и накануне введения запрета АНК Оливер Тамбо, тогда заместитель президента этой организации, тайно покинул Южную Африку и прибыл в Лондон. Тридцать лет спустя на первой национальной конференции АНК после его легализации Тамбо заявил, что руководство АНК приняло решение направить его за границу еще раньше, в 1959 г., «чтобы заручиться международной поддержкой для изоляции государства апартеида», а также «создать надежную тыловую базу для нашей борьбы» [3, с. 2]. Тамбо напомнил тогда о чаяниях и тяготах первого периода изгнания: «Это были дни надежд и волнений. Они были также особо скудные дни, когда мы зачастую не знали, откуда возьмем еду в следующий раз» [3, с. 3].

Среди южноафриканцев, живущих в Великобритании, с которыми Тамбо встретился, был Мзвандиле Пилисо, который, как и Тамбо, был выходцем из района Транскей на востоке Капской провинции Южной Африки. Пилисо окончил университет в Эдинбурге и работал фармацевтом, чтобы скопить достаточно средств для открытия собственной аптеки на родине. Однако Тамбо своим рассказом о событиях в Южной Африке убедил его полностью посвятить себя работе во внешней миссии АНК¹.

Превращение Пилисо из профессионального фармацевта в профессионального революционера произошло довольно быстро. Когда в июне 1960 г. АНК стал соучредителем Южноафриканского объединенного фронта (САУФ) Пилисо уже участвовал в этом процессе. Кроме АНК членами фронта, созданного при активном содействии президента Ганы Кваме

¹ Этот раздел статьи во многом основан на беседах автора с Пилисо.

Нкрумы и других африканских лидеров, были Panaфриканистский конгресс (ПАК), Южноафриканский индийский конгресс (ЮАИК) и Национальный союз Юго-Западной Африки (СВАНУ).

На заседании фронта, которое состоялось в Аддис-Абебе 19 июня 1960 г. (в ходе второй Конференции независимых африканских государств), было решено открыть его отделения в Аккре, Каире и Лондоне [4, с. 11]. Фронт сформулировал свои цели: свержение господства белых и уничтожение мифа об их превосходстве, создание демократического государства, основанного на всеобщем избирательном праве, агитация среди независимых африканских государств и других государств за индивидуальные и коллективные действия против Южной Африки, сбор средств и безоговорочное освобождение всех политических заключенных [5].

В следующем заседании САУФ 30 июня 1960 г. в Лондоне Пилисо участвовал вместе с Тамбо [6], а вскоре после этого отправился в Каир, где он первоначально представлял фронт совместно с членом ПАК.

«Многое было достигнуто на ранней стадии существования Объединенного фронта, – писал Юсуф Даду, представлявший ЮАИК в САУФ. Нам удалось завоевать широкую международную поддержку для нашего дела... во многом благодаря нашим усилиям Южной Африке пришлось покинуть Содружество». Однако, по словам Даду, «за спиной Объединенного фронта представители ПАК устанавливали привилегированные контакты с правительствами и общественными организациями за рубежом» [7, с. 21–22]. Резкие противоречия между АНК и ПАК вокруг Всеафриканской конференции в Питермарицбурге в марте 1961 г., и в особенности всеобщей забастовки в мае, разрушили основу единства в Южной Африке, и к концу 1961 г. Фронт практически прекратил свое существование. О его роспуске было официально объявлено 13 марта 1962 г. в Лондоне [7, с. 21]. Вслед

за этим АНК создал свой собственный офис в Каире, который возглавил Пилисо.

На рубеже 1960-х гг., до момента провозглашения независимости Танганьикой, Гана Кваме Нкрумы и Египет Гамаль Абдель Насера играли ведущую роль в поддержке борьбы за независимость, хотя освободительные движения сталкивались с некоторыми трудностями в обеих странах. В Гане, например, власти ввели контроль над средствами, поступавшими в распоряжение офиса САУФ в Аккре из Лондона, требуется, чтобы расходные документы подписывались и местным чиновником [4, с. 7]. Египетское правительство старалось контролировать освободительные движения через созданную там Африканскую ассоциацию. Однако столица Египта имела важное преимущество в связи с тем, что там находилась штаб-квартира Совета солидарности народов Азии и Африки, созданного на конференции общественно-политических сил двух континентов, состоявшаяся в Каире на рубеже 1957–1958 гг. (в 1960 г. Совет был преобразован в Организацию – ОСНАА).

Одной из главных задач ОСНАА была поддержка борьбы против колониализма и апартеида, и вскоре Пилисо стал членом ее Секретариата. Следует отметить, что освободительные движения имели равные права с другими членами этой **организации** и могли влиять непосредственно на ее решения и действия. Кроме того, Каир был очень полезным местом для связи АНК с иностранными правительствами, а также с международными неправительственными организациями.

В Секретариат ОСНАА входили представители советского и китайского комитетов солидарности, и Пилисо сразу же установил контакт с ними. Как он рассказывал позднее, первоначально он имел более близкие отношения с китайским представителем (Народный Китай в то время был очень популярен среди африканских освободительных движений), но отношения испортились, когда АНК и Южно-

Африканская коммунистическая партия (ЮАКП) не заняли сторону Китая в ставшем в 1963 г. явным советско-китайском конфликте. Когда Пилисо посетил Китай на пути в Японию на мероприятия памяти жертв Хиросимы 6 августа 1963, ему был оказан теплый прием, но на обратном пути, всего через несколько недель, те же люди старались его не замечать [8].

Участвовал Пилисо в установлении связей АНК и с другими социалистическими странами. В 1961 г. еще как представитель САУФ он посетил ГДР и провел переговоры с руководством местного Комитета солидарности, германо-африканского общества и нескольких профсоюзов. В том же году делегация Комитета солидарности ГДР еще раз встретила с Пилисо, на этот раз в Каире. Контакты стали регулярными, когда в 1964 г. этот Комитет и открыл там свое представительство для связи с ОСНАА [9, с. 243].

В 1960-х гг. Пилисо был в СССР нередким гостем. Вспоминается его фотография вместе с представителем Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА) Даниэлем Чипендой на церемонии возложения венков в Баку, столице Азербайджана, в то время Советской конференции афро-азиатской солидарности в 1964 г. Оба они были тогда почетными гостями, но судьба у них сложилась по-разному: Чипенда, ставший через десяток лет фактически вторым лицом в МПЛА, возглавил так называемое «Восточное восстание» против лидера этой организации Агостиньо Нето, а затем дважды порывал с ней, в то время как Пилисо оставался в рядах АНК, несмотря на все возникавшие сложности.

Судя по архивным документам, именно через Пилисо впервые была оказана финансовая помощь Москвой непосредственно АНК, хотя и в более чем скромном объеме². В

² Однако практически финансовая помощь АНК оказывалась и ранее, хотя и не напрямую. Во время пребывания в Москве Ю. Даду указывал, что ЮАКП предоставляла средства для Чрезвычайного комитета АНК,

Российском государственном архиве новейшей истории хранятся сведения о данном в марте 1962 г. согласии Секретариата ЦК КПСС на предложение СКССАА «об оказании помощи представителям Африканского национального конгресса», принимавшим участие в конференции писателей стран Азии и Африки в Каире. Эта средства в размере 100 рублей в иностранной валюте (эквивалент 111 дол. США в то время) были выделены по просьбе Мзвандиле Пилисо [10]. Имена представителей АНК в документе названы не были, но несколько лет спустя в Государственном архиве Российской Федерации был рассекречен другой документ – записка СКССАА в ЦК [11]³, где назывался состав делегации АНК – «Оливер Тамбо, Нельсон Манделла (именно так, с двумя «л») и Роберт Реш» (вместо «Реша»), причем эти лица характеризовались как «прогрессивные» и достойные поддержки из «ограниченного фонда» Комитета солидарности из-за их позитивного отношения к нашей стране. Примечательно, что именно в этом документе было, несомненно со слов Пилисо, упомянуто, что Нельсон Мандела являлся тогда членом Южноафриканской компартии [11].

Пилисо поддерживал тесные отношения с представителями Советского комитета солидарности в Каире, особенно с Латыпом Максудовым, который, кстати, в качестве члена делегации ОСНАА присутствовал на учредительной конференции Организации Африканского Единства в Аддис-Абебе в мае 1963 г. Максудов был столь неординарным и активным человеком, что некоторые искажали его функции. Так, бывший министр безопасности Мозамбика генерал Жасинто Велозу пишет в своих мемуарах, что «Максудов, несомненно,

созданного в 1960 г., и нет сомнений, что часть значительных средств, выделенных компартии в последующие годы, пошла на нужды АНК и «Умконто ве сизве».

³ Этот пример показывает, что руководители АНК использовали любую возможность для мобилизации общественности за рубежом, хотя ни один из членов делегации писателем не был.

был представителем спецслужб СССР для «работы» с освободительными движениями» [12, с. 51]⁴, хотя на самом деле тот прибыл в Каир с должности заведующего кафедрой востоковедения Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте.

Тем не менее другие спецслужбы, в первую очередь расистской ЮАР, действительно «вели работу» в отношении АНК. Агент полиции безопасности Претории Герард Луди, который «проник» в Москву в 1962 г. как участник конференции за мир, хвастался в своей книге, что он встречался с Пилисо, хоть и называл того «Палисо» [13, с. 101]⁵. Шпионили спецслужбы ЮАР за АНК и в Каире. Много лет спустя боец военной организации АНК – «Умконто ве сизве», который приехал в Москву на лечение после длительного срока заключения на острове Роббен, рассказывал, что во время допроса в Южной Африке ему показали фото его и его товарищей в пригороде Каира Гелиополисе.

В начале 1960-х гг. Пилисо принимал участие не только в организации подготовки бойцов «Умконто» в Египте, но и в их транспортировке из Танзании в Алжир – из Дар-эс-Салама в Найроби на самолете, затем из Найроби в Джубу (нынешнюю столицу Южного Судана) на нанятых такси по плохим дорогам; из Джубы в Хартум на судне вниз по Нилу; из Хартума в Каир на поезде; и, наконец, из Каира в Алжир вновь на самолете. Условия обучения в Египте были чрезвычайно суровыми, кроме того, после его завершения бойцам «Умконто» не разрешили встретиться с Пилисо. Возможно, египетские власти руководствовались жесткими правилами

⁴ Велозу, офицер португальских ВВС, перелетел из Мозамбика в Танганькику, чтобы присоединиться к ФРЕЛИМО, но был вынужден выехать из Дар-эс-Салама в Каир.

⁵ О «качестве» информации, распространявшейся Луди, можно судить по его утверждению о направлении Хартии свободы, принятой в июне 1955 г., на одобрение в Институт Африки в Москву, в то время как решение о создании этого института было принято четырьмя годами позднее.

конспирации, но, как уже упоминалось выше, это не помешало Претории шпионить за обучаемыми там южноафриканцами.

В 1965 г. Пилисо был переведен на другой пост – главного представителя АНК в Дар-эс-Саламе. Официально его отзыв из Каира объяснили состоянием здоровья [14, с. 447], но климат и медицинские учреждения в Танзании были несомненно лучше, чем в Египте. Возможно, слухи о «жизни в роскоши» лидеров, распространявшиеся врагами и конкурентами АНК, касались и Пилисо. В своем письме в штабквартиру АНК, он жаловался, что никто, кроме, пожалуй, Тамбо, не беспокоился о том, как он сводил концы с концами. Он с горечью продолжал: «Некоторые товарищи вдруг увидели, что я в одночасье разбогател. Мы писали статьи в этом офисе, за которые нам очень хорошо платили. Эти деньги не идут на вино, женщин и кабаре, а были использованы в офисе... Я нахожусь на службе, а не нанят на работу» [14, с. 447].

В том же духе уже в Дар-эс-Саламе Пилисо писал представителю Танзании в конце 1965 г.: «Те из вас, кто уже был здесь, должны знать, что мы живем на одной еде в день, а утром и вечером у нас хлеб и чай» [15].

Пилисо продолжал жить в скромных условиях в последующие годы. Хотя Советский Союз и его союзники, как правило, предоставляли авиабилеты и обеспечивали проживание для гостей из освободительных движений, но карманные деньги для них далеко не всегда были доступны. Вспоминается, как во время одной международной встречи в Москве в начале 1970-х гг. мы по-братски поделили четыре рубля, все, что у меня было с собой, – три достались ему и один остался со мной.

Пилисо был в гуще событий, предшествовавших консультативной конференции АНК, состоявшейся в Морогоро в конце апреля 1969 г. В частности, он был членом трибунала, созданного для суда над Крисом Хани и другими коман-

дирами и бойцами «Умконто», подписавшими меморандум, в котором они подвергли резкой критике руководство АНК. Этот поступок стали рассматривать как нарушение воинской дисциплины, даже как предательство, заслуживавшее самого сурового наказания. Однако именно возражения Пилисо предотвратили то, что могло стать трагедией [15]. А с другой стороны, по данным историка Хью Макмиллана, Пилисо стремился через третье лицо уговорить Хани и его товарищей, чтобы они извинились за свои действия [16, с. 109].

На указанной конференции Пилисо был избран членом Национального исполнительного комитета АНК. Как уже указывалось, вошел он в состав этого органа несколькими годами ранее, но в Морогоро число его членов было снижено с 20 до восьми [18], и тот факт, что «товарищ Мзваи» стал одним из них, свидетельствует о его ведущей роли в АНК в этот период. Он также стал членом Революционного совета, органа, созданного в Морогоро с конкретной миссией по созданию подпольной структуры внутри Южной Африки и ведения вооруженной борьбы [18].

В 1969 г. Пилисо был вновь направлен в Каир, и в том же году он стал первым лидером АНК, с которым мне довелось встретиться. Это было в июне, когда он находился в Москве проездом из Берлина где участвовал в международной конференции. Мне довелось тогда сопровождать его в Киев, где в то время обучалась группа активистов АНК. Дело в том, что руководство АНК просило Москву помочь в преодолении проблем, выявленных в ходе совместных боевых операций – АНК и Союза африканского народа Зимбабве (ЗАПУ) в Зимбабве в 1967–1968 гг., одной из которых была нехватка медицинского персонала. С этой целью активисты АНК, в основном девушки, и были направлены в медицинское училище в Киеве.

Когда мы с Пилисо посетили училище, его директор похвалила южноафриканцев, но сказала и о возникшей проблеме. В то время активисты АНК, а тем более из «Умкон-

то», как правило, находились в СССР в «закрытом режиме», и в училище они числились как замбийцы. Но попытка «замаскировать» студентов из АНК не удалась, так как в том же училище были и «настоящие» студенты из Замбии, которые никак не могли понять, почему их предполагаемые соотечественники не могли говорить на африканских языках, распространенных в этой стране.

1969 г. был чрезвычайно сложным для АНК. Месяцы до и после конференции Морогоро стали известны как «эпоха Лусакского манифеста». В документе, который был одобрен за спиной АНК и других освободительных движений на конференции государств Восточной и Центральной Африки в Лусаке в апреле 1969 г., они подтвердили, что освобождение Юга Африки было их целью, но заявили о своей готовности к нормализации отношений с колониальными и расистскими режимами и даже обещали призвать освободительные движения отказаться от их вооруженной борьбы при условии, что эти режимы признают «принцип равенства людей» и право на самоопределение (цит. по [19, с. 8]).

Вскоре после принятия Лусакского манифеста АНК пришлось, как об этом сказал Оливер Тамбо на конференции в Кабве в 1985 г., «эвакуировать нашу армию [из Танзании] в Советский Союз в очень короткие сроки» [20, с. 19]. Согласившись принять членов АНК на «переподготовку», Москва была обеспокоена будущим этой организации и ее вооруженного крыла. Это было, в частности, тема беседы в Алма-Ате во время вышеупомянутой конференции между Пилисо и профессором Р.Я. Ульяновским, заместителем заведующего Международного отдела ЦК, на которой мне довелось присутствовать.

К счастью, ситуация в африканских странах часто менялась, и та или иная страна выходила вперед в деле поддержки АНК. В тот период таким стал Судан, где после военного переворота в мае 1969 г. новое правительство первоначально занимало прогрессивные позиции. Не случайно по-

этому, что на встрече с Пилисо в Алма-Ате Ульяновский поднял вопрос о возможности использования территории Судана в качестве базы, с которой отряды «Умконто» могли бы двигаться на юг, даже при отсутствии поддержки от других правительств [21].

К этому времени у нас с Пилисо сложились теплые отношения взаимного уважения и доверия. Он никогда не был «сознательным трезвенником»; он любил и умел хорошенько выпить, а я был достаточно молод, чтобы не уступать ему, хотя, впрочем, не всегда это удавалось. Во время наших «посиделок» он был откровенен со мной, говоря и о своей жизни, и о развитии ситуации. Делился он и проблемами, с которыми сталкивался иногда в своих отношениях с товарищами. Его слабым местом было то, что он не был активным в структурах АНК в Южной Африке до своего отъезда в Великобританию. По его словам, в тот период структуры АНК в его родном Транскее были весьма слабыми, но он принимал участие в других формах общественной жизни, например в клубах регби.

Действительно, по словам историка Арианны Лиссоли, «Тамбо утверждал, что Пилисо официально не принадлежит к какой-либо организации, в то время когда он был включен во Фронт [САУФ] и только потом вступил в АНК» [22]. Стоит, однако, подчеркнуть слово «официально», потому что на практике Пилисо действовал в рядах АНК с момента, когда Тамбо «мобилизовал» его.

Не так много известно о жизни Пилисо до отъезда из Южной Африки. Английский историк Стивен Эллис и его соавтор, ренегат из АНК и ЮАКП, который бесстыдно использовал псевдоним «Сечаба» («народ»), писали, что Пилисо «вступил в АНК вместе с Уолтером Сисулу [23, с. 35]. К сожалению, эти авторы, как и во многих других случаях, не указывают источник, но в любом случае Сисулу уехал из восточной части Капской провинции в 1928 г. [24, с. 31], когда Пилисо был еще дошкольником.

Другой болезненной для него темой были его отношения с Южноафриканской компартией. Следует, наверное, пояснить, что ЮАКП была, если можно так выразиться, еще более нелегальной, чем АНК, и мы в Советском Союзе никогда не спрашивали южноафриканских собеседников, были ли они ее членами. Однако Пилисо не скрывал своих политических убеждений, намекая в то же время на имевшиеся сложности. «Никто не организовывал меня, чтобы я стал коммунистом», – говорил он, подчеркивая, что вступил в компартию Великобритании еще во время своего пребывания в этой стране «и никто не может отсечь меня от партии»⁶. Он не раз говорил мне в Москве: «Я принадлежу к этому месту», рассматривая советскую столицу как центр всемирного антиимпериалистического движения.

В начале 1970-х гг. в самый, пожалуй, мрачный и, казалось бы, бесперспективный период истории АНК после его запрета, Пилисо попросил руководство АНК направить его в Советский Союз для военной подготовки. Полученные тогда знания, несомненно, помогли ему, когда он сам превратился в одного из высших руководителей «Умконто». Но непосредственно после завершения его учебы приобретенные навыки не могли найти немедленного применения, так как в вооруженных операциях АНК был длительный перерыв, и ему было разрешено взять длительный отпуск, чтобы присоединиться к жене и детям в Бернли в Великобритании. Это был, кажется, единственный случай, когда он мог провести с ними несколько месяцев. Позже он мог видеть только свою жену Джойс и детей лишь раз или два в год, пожертвовав своей семейной жизнью ради борьбы против расистского режима.

⁶ По некоторой информации в начале 1970-х гг. членство Пилисо в ЮАКП было приостановлено, но к концу 1980-х гг. он был вновь в ее рядах.

В тот же период Пилисо был обеспокоен разногласиями в АНК, которые привели к появлению группы, состоявшей в основном из бывших членов руководства, ставшей известной (по аналогии с Китаем) как «Банда восьмерых». Как и другие члены Национального исполнительного комитета, он в конечном итоге проголосовал в 1975 г. за исключение этой группы из АНК.

Положение АНК и самого Пилисо начало меняться к лучшему после португальской революции 1974 г. и провозглашения независимости Мозамбика и Анголы. Вторая половина 1970-х гг. была, пожалуй, самым продуктивным и важным периодом в его жизни. Будучи назначен руководителем недавно сформированного Департамента (военной) подготовки и кадров, с 1976 по 1980 г. он непосредственно отвечал за создание сети учебных и транзитных военных лагерей АНК в Анголе [25], которая стала основной тыловой базой движения на многие годы.

Руководству АНК в Анголе было нелегко справиться с новой волной молодых южноафриканцев, которые вступили в его ряды после восстания в Соуэто в июне 1976 г. и стремились после обучения поскорее вернуться на родину, бороться с расистским режимом. Джеймс Нгкулу, ветеран «Умконто», писал в своих воспоминаниях:

«Всякий раз, когда у нас бывали общие собрания в Инженерном лагере, товарища Мзваи Пилисо, который всегда был среди нас, неоднократно спрашивали, когда мы отправимся на обучение. Мы говорили ему очень недипломатично, что мы прибыли только для борьбы, а не для чего-то другого. Он неоднократно говорил нам быть терпеливыми и информировал нас о необходимости принятия необходимых мер, особенно материально-технических, для обеспечения бесперебойной работы учебных программ» [26, с. 280].

Подготовка кадров АНК в Анголе не ограничивалась исключительно военными навыками. Пилисо и Эндрю Массондо, национальный комиссар АНК, отвечали за поставки в

лагеря «Умконто» различных книг, в основном политических и исторических, которые запрашивались у социалистических стран и западных анти-апартеидных организаций [25]. Пилисо также отвечал за организацию подготовки кадров «Умконто» за пределами Африки и его более ранние контакты, без сомнения, помогли договориться о создании в г. Тетереве на севере ГДР военной школы, в которой прошли подготовку около тысячи членов АНК [27. с. 1131].

В октябре 1978 г. Пилисо был членом делегации АНК во главе с Оливером Тамбо, выезжавшей во Вьетнам [24, с. 272]. Как и на других участников поездки, на него огромное впечатление произвели методы политической мобилизации и подпольной вооруженной борьбы в течение многих лет американской оккупации Южного Вьетнама. Ветеран южно-африканского революционного движения профессор Джек Симонс писал в своем ангольском дневнике: «Мзвай выступает перед отрядом [Умконто]... под палящим солнцем» о поездке во Вьетнам в лагере Нову Катенге [28, с. 7–9].

В начале 1981 г. Пилисо получил новое и еще более важное задание: он был назначен начальником Департамента разведки и безопасности, известным в АНК как «НАТ» [25]. Однако, по словам Нгкулу, его отъезд лишил регион «единственного высокопоставленного человека, который проводил все свое время в Анголе». Он считает, что «решение о переводе его в Лусаку было ошибкой. У Мзвай был дар читать любую ситуацию и предчувствовать опасность. Как только он чувствовал проблему, он созывал весь отряд, информировал о делах и тем самым предотвращал кризис.

Он был нашим главным связывающим звеном со штаб-квартирой в Лусаке, и его назначение в Лусаку создало разрыв, который впоследствии оказался опасным для руководства. Кроме того, после отъезда Мзвай никто не мог дать приемлемого объяснения нехваткам, возникавшим в лагерях, и решить другие проблемы кадров. Мзвай также играл центральную роль в мотивировании кадров.

Мзваи Пилисо был лидером, который буквально жил вместе с солдатами в годы формирования отрядов, которые следовали за Отрядом Лутули⁷. Он терпеливо справлялся с нашим нетерпением вернуться домой и «разобраться с бурями». Он объяснил, что «наша борьба – не расовая война, а борьба за демократию для всех». Мы назвали его Тата (отец), в знак признания его отцовского поведения и действий. Каждый, кто находился в лагерях или в домах в Луанде, с нетерпением ожидал его выступлений, когда бы он ни приезжал. Он никогда не был недоступен, чтобы побеседовать» [26, с. 280].

Когда сотни, а затем и тысячи молодых южноафриканцев начали покидать ЮАР после восстания в Соуэто в 1976 г., в АНК не было специальной структуры для их проверки, и она проводилась Департаментом подготовки и кадров. Это не было решением проблемы, и в 1977 г. практически заново был создан Директорат разведки и безопасности. В течение нескольких лет НАТ, как обычно называли эту структуру в АНК, возглавлял Сипо (Саймон) Макана⁸. Первоначально она действовала в Анголе, где тогда размещался Революционный совет АНК, но вскоре была переведена в Лусаку [29, с. 1–3].

Директорату предстояла очень сложная работа. Стоит напомнить, что министр полиции ЮАР хвастался в 1976 г.: «Из каждых десяти, кто пересекает границу, чтобы присоединиться к АНК, пятеро мои» [31]. В реальности же, в течение первых двух лет существования этого органа были опрошены 932 новобранцев, 26 из которых признались, что являются вражескими агентами, а расследование в отноше-

⁷ Отряд «Умконто», сформированный в 1976 г., носил имя погибшего в том же году президента АНК Альберта Лутули.

⁸ С. Макана, выпускник Плехановского института, был впоследствии представителем АНК в СССР, а затем первым послом демократической Южной Африки в России.

нии еще 35 человек продолжалось [29, с. 7]. Шпионы имели задание выяснить расположение домов и лагерей АНК в странах, соседних с ЮАР, установленный там распорядок дня, личности людей, которые жили там, и систему охраны и обороны этих объектов. Особое внимание было уделено выяснению имен и местоположения членов руководства [29, с. 12].

Тем не менее ряд агентов режима апартеида продолжал работать в рядах АНК, и их сеть была выявлена только в 1981 г. Они проводили различные подрывные и опасные действия, такие как попытки массового отравления кадров АНК, передача противнику разведывательных данных, что привело к бомбардировке лагеря «Умконтто» в Анголе, саботаж оборудования и поощрение нарушений дисциплины. Кроме того, некоторые агенты передали спецслужбам Претории информацию, которая «привела непосредственно к убийствах лидеров, арестам и пыткам активистов АНК» [30].

Эти события продемонстрировали необходимость создания более сильной структуры безопасности, что привело к замене Маканы, умного, честного, трудолюбивого, но, возможно, слишком «мягкого», человека, на Пилисо, который мог быть гораздо жестче.

Деятельность Пилисо в это время выходила за рамки исключительно вопросов разведки и безопасности. Например, в январе 1983 г. он возглавил делегацию, которая на переговорах в Хараре получила обещание властей Зимбабве оказывать некоторую помощь АНК, в частности, по содействию передвижения кадров АНК в ЮАР через территорию этой страны. Вместе с Джо Модисе и Крисом Хани (тогда соответственно командующим и комиссаром «Умконтто») он обсуждал в Мапуту 31 мая 1983 г. ситуацию в лагере АНК в Нампуле, на севере этой страны, с целью обеспечить дальнейшее пребывание там своих кадров.

Пилисо был вовлечен и с самого начала в «переговоры о переговорах» о политическом урегулировании в Южной

Африке. Именно он публично объявил о контактах руководства АНК в Лусаке в августе 1984 г. с профессором Хендриком ван дер Мерве из Университета Кейптауна, который был близок к некоторым важным фигурам в правившей в ЮАР Национальной партии: «Ван дер Мерве сказал, что как квакер он был обеспокоен состоянием насилия в Южной Африке». Подчеркнув, что эта встреча не представляла собой начало переговоров, Пилисо, тем не менее, заявил: «АНК не говорит, что никогда не будет никаких переговоров» [32, с. 3].

В то же время в своем новом качестве главы Директората разведки и безопасности Пилисо столкнулся со многими проблемами. Руководство АНК считало, что южноафриканский режим пытался создать «затор» в процедуре проверки новобранцев, направляя большое количество агентов, зачастую плохо подготовленных для выполнения тех миссий, на которые они предназначались. Расчет был на то, что структуры АНК не справятся с этим наплывом и будут «созданы условия, при которых более профессиональные агенты, которых они направят, могут проскользнуть через сеть» [33].

Следует подчеркнуть, что в целом АНК и его служба безопасности были мягкими (возможно, слишком мягкими) к тем агентам, которые давали признательные показания, почти 40 % из них никогда не были в заключении, хотя более опасные элементы и тех, кто совершил серьезные преступления, приходилось изолировать [33]. Местом такой изоляции был, как правило, Лагерь № 32, который был создан в Анголе, названный позднее Реабилитационным центром имени Морриса Сиабело, который ранее был начальником службы безопасности АНК в Анголе, а в 1985 г. погиб в Лесото.

После снятия запрета на АНК немало было сказано о недопустимых действиях, совершенных некоторыми сотрудниками сил безопасности АНК, особенно в этом лагере, и АНК, как организация, принял на себя коллективную ответственность за них. Однако справедливую оценку деятельности

сти АНК в этой области можно дать только при условии изучения архивов спецслужб Претории, хотя многие из них были уничтожены до смены власти в Южной Африке. В докладе о деятельности Директората разведки и безопасности (НАТ), представленном АНК действовавшей в ЮАР Комиссии истины и примирения, говорится:

«Учитывая очень ограниченные ресурсы, предоставленные этому департаменту, сложные физические условия, при которых он работал, природу миссий, порученных вражеским агентам их хозяевами, и отсутствие подготовки кадров для выполнения определенных обязанностей (таких, как тюремные службы), то, что произошло вызывающие сожаление инциденты, было, вероятно, почти неизбежно, но в любом случае непростительно» [33]. Но следует согласиться и с высказанным АНК мнением, что из-за успехов этой службы в срыве попыток врага уничтожить АНК этот самый орган стал целью постоянных атак со стороны структур режима апартеида и было намеренно создано ложное представление, что он «стал чудовищной силой беззакония, которая терроризировала членов АНК в изгнании, и убила большое число задержанных или “диссидентов”» [33].

Представляется, что эта формулировка – «практически неизбежно – но в любом случае непростительно» адекватно отражает сложившуюся ситуацию.

Предпринимались и попытки с разных сторон возложить вину за эксцессы, допущенные НАТ, на ЮАКП и социалистические страны. В докладе АНК говорилось, что «некоторые кадры были отобраны и направлены на специализированную подготовку по безопасности и разведке в различные страны, главным образом в Советский Союз и Германскую Демократическую Республику» и особо отмечалось: «Такая подготовка акцентировала внимание на то, что применение насилия является контрпродуктивным, и делала упор на использование интеллекта». В ответ на запрос указанной Комиссии АНК четко заявил: «Предположение, что кто-либо из

кадров АНК обучался именно пыткам отвергается с презрением» [30].

Ронни Касрилс, который в 1980-х гг. занимал пост руководителя военной разведки АНК, подтверждает это в своей автобиографии: «Что бы ни думали о методах допроса в коммунистических странах, я убедился, что при обучении в Советском Союзе и Восточной Германии подчеркивалась необходимость опираться на умственную работу, а не избивание для того, чтобы прийти к истине» [34, с. 193].

В то время когда Пилисо руководил НАТ, его сотрудники проходили обучение в основном в ГДР. И если уж винить их преподавателей, то лишь за то, что они, возможно, недостаточно настойчиво требовали от кадров АНК никогда не использовать методы, которые были характерны для режима Претории, да и (к сожалению) для служб безопасности некоторых независимых африканских стран.

Вышеупомянутые Эллис и «Сечаба» признают, что рядовые бойцы «Умконто ве сизве», в том числе и участники мятежа, произошедшего в 1984 г. в его лагерях в Анголе, давали, как правило, высокую оценку действиям Южноафриканской компартии, но утверждают, что те не знали, что служба безопасности АНК «была вотчиной партии» [23, с. 202]. Но архивные документы показывают, что именно ЮАКП (как и Москва) стремилась предотвратить злоупотребления.

Отнюдь не случайно, что Секретариат ЦК ЮАКП обсудил на заседании в Мапуту вопрос о «методе допросов в МК» [«Умконто»] 29 ноября 1982 г., сразу же после возвращения генсека компартии Мозеса Мабиды из поездки в Москву [35, с. 3]. Информация (или по меньшей мере слухи) о неприемлемых методах допросов в АНК доходила до Москвы, и вопрос об этом был поднят во время визита Мабиды. И тогда, и позднее руководителям и активистам ЮАКП и АНК советские представители напоминали о трагедиях, вызванных «шпиономанией» в СССР, особенно в конце

1930-х гг. На следующем заседании секретариата было решено, что «Вопрос о допросах в наших лагерях должен быть рассмотрен дополнительно» [35, с. 4] и, более того, из-за важности этого дела его передали в Политбюро этой партии, которое, свою очередь, постановило: «Делегация в Луанду должна обсудить этот вопрос далее с определенными товарищами» [35, с. 4].

Деятельность службы безопасности вызвала горячую дискуссию на Национальной консультативной конференции АНК, состоявшейся в Замбии, в г. Кабве, в 1985 г. Было принято решение о создании юридических структур, которое «Мзваи Пилисо полностью принял». Однако в указанном документе АНК отмечается, что, «учитывая уровень давления, под которым он находился на различных фронтах, он явно не проявлял энтузиазма в решении сложных и трудоемких логистических проблем по организации перелета в Анголу» сотрудников нового органа «для того, чтобы опросить всех заключенных и пересмотреть их дела» [30].

Нельзя назвать случайностью и то, что высшие руководители АНК решили во время своего визита в Москву в начале ноября 1986 г. (того самого, когда Горбачев в первый и последний раз встретился с Тамбо) кардинально изменить состав руководства НАТ. Все те же Эллис и «Сечаба» связывают эти перемены с межплеменной враждой между Пилисо (коса) и одним из его помощников, Питером Бороко (тсвана). Они пишут: «...компромисс был найден. Вся дирекция органа разведки и безопасности была распущена в январе 1987 года... таким образом, ответом АНК на проблему было снятие как Бороко, так и Пилисо. Несмотря на тот факт, что поведение Пилисо на тот момент не было под вопросом...» [23, с. 178].

Это утверждение неверно по нескольким пунктам. Как раз к тому времени «поведение Пилисо» вызвало вопросы, и основной причиной для роспуска директората НАТ было накопившееся недовольство руководства АНК его деятель-

ностью. Кроме того, Национальный исполком АНК принял официальное решение по этому вопросу позднее, в середине февраля [36, с. 8].

Эта статья не предполагает рассмотрения различных проблем в деятельности спецслужбы АНК, таких, как использование nepозволительных методов обращения с подозреваемыми и задержанными, это, скорее, попытка нарисовать «многомерный» политический портрет одного из лидеров АНК. Но все же отметим, что одной из основных причин ошибок и эксцессов было отсутствие должного уровня подготовки и опыта сотрудников этой службы. И именно вопрос о подготовке кадров АНК в этой области был поднят Оливером Тамбо на состоявшейся в Москве в начале ноября 1986 г. встрече его, Джо Модисе и Криса Хани с представителями соответствующего советского ведомства.

Вскоре после визита Тамбо в Москву Национальный исполнительный комитет АНК, наконец, принял решение о реорганизации службы безопасности АНК: «Нынешний директорат НАТ распущен, решение войдет в силу с даты, когда Президентский комитет официально объявит его» [36, с. 8]. Это состоялось 20 февраля 1987 г. [36, с. 14], и почти все высшие должностные лица Департамента получили другие назначения. Сам Пилисо стал руководителем Департамента развития трудовых ресурсов.

Барри Гилдер, в то время один из ведущих сотрудников разведки АНК (а впоследствии координатор разведывательных служб ЮАР), вспоминал, что когда Оливер Тамбо сообщил сотрудникам НАТ, что их руководители получают «другие назначения», Пилисо оставался спокойным и внимательным, сохраняя дисциплинированное и уважительное выражение лица и встречая эту новость с достоинством [37].

Было создано временное руководство спецслужб во главе с генсеком АНК Альфредом Нзо, а в июле 1987 г. Исполком АНК назначил нового постоянного директора – Джо

Нхланхлу, заместителем которого стал нынешний президент АНК и страны Джекоб Зума [33].

В начале 1990-х, после снятия запрета с АНК и «Умконто», Пилисо и ранее подчинявшаяся ему служба стали в ЮАР предметом как справедливой критики, так и недобросовестных обвинений. Когда после начала переговоров о политическом урегулировании лица, ранее задержанные НАТ, были освобождены, некоторые из них после возвращения в Южную Африку «немедленно вернулись к своим кураторам» из спецслужб Претории, создавшим «Координационный комитет вернувшихся изгнанников» [33].

Одним из членов этого комитета был Мвези Твала, бывший заключенный в Анголе, которому, после его освобождения и отправки в Танзанию, удалось в 1990 г. бежать в Малави, где он связался с посольством режима Претории. Его представители переправили Твалу в ЮАР, где власти стали активно использовать в пропаганде против АНК. Была издана книга о НАТ, подписанная его именем «в соавторстве» с Эдом Бернардом из сотрудничавшей с режимом партии свободы «Инката», и она до сих пор рекламируется наиболее реакционными приверженцами старого режима [38].

Но самым предвзятым среди критиков АНК и НАТ стал Пол Тревела, еще один ренегат, бывший когда-то членом подпольной ЮАКП, а ныне живущий в Англии. Он опубликовал немало работ по этой тематике: от журнальных статей до книги, в которую, кстати, включил и статью Твалы [39]. О качестве их можно судить хотя бы по такому примеру. Касаясь участия бойцов АНК в борьбе за освобождение в Зимбабве, Тревела писал: «Умконто се сизве функционировал как в продолжение КГБ в Африке... По словам бывших арестованных, аппарат КГБ в АНК даже послал его войска в Родезию в 1979 году для борьбы с партизанами Африканского национального союза Зимбабве, ЗАНУ, который не был советским клиентом» [40].

В представлении АНК Комиссии истины и примирения указывалось, что в 1993 г. Пилисо, тогда уже больной, открыто признал комиссиям по расследованию, созданным в АНК, свою «ответственность за то, что позволил определенным злоупотреблениям продолжаться» [30]. Говорилось также, что Пилисо «откровенно признался в личном участии», в том, что он присутствовал при применении насилия по отношению к подозреваемым в 1981 г., объясняя это тем, что был раскрыт заговор с целью убийства членов руководства АНК и ему нужно было получить информацию «любой ценой» [41].

Так или иначе, Пилисо был человеком, готовым принять на себя ответственность, защищая АНК всеми средствами, будь то от подрывной деятельности вражеских агентов в 1980-х гг. или из самозванных «защитников прав человека» в начале 1990-х. При этом следует отметить, что деятельность самой Комиссии истины и примирения можно оценивать неоднозначно. Некоторые ее члены были депутатами парламента расистской ЮАР или служили в других структурах режима апартеида, что не помешало им задать вопрос: «Как АНК оправдывает тот факт, что Мзвай Пилисо и Эндрю Масондо сохранили высокие посты в администрации после 1994 г.?» В ответ им было сказано, что им «были сделаны серьезные порицания руководством АНК... Оба этих должностных лица хорошо работали, проявляя лояльностью к АНК, на своих новых постах» и подчеркнуто, что они «не действовали из личной мстительности; они действовали в более широком контексте слабостей и проблем, затрагивающих АНК в целом... Подвергать преследованиям лояльных борцов против апартеида, которые сделали ошибки в ходе борьбы, было бы крайне несправедливо» [30].

Действительно, Пилисо никогда не жаловался, что был «понижен» в должности и оставался активным на своем новом посту руководителя Департамента развития трудовых ресурсов, будь то его поездка на Кубу в связи с подготовкой

там кадров АНК или обсуждение вопросов подготовки молодых южноафриканцев в советских вузах.

* * *

Я снова встретился с Пилисо в Кейптауне после того, как в апреле 1994 г. он был избран членом Национального собрания ЮАР на первых демократических выборах. Он был тем же «товарищем Мзвай», по-прежнему сильной личностью, хотя и сталкивался с разными проблемами. У него развился диабет, но беспокоило его больше всего то, что после нескольких десятилетий эмиграции ему негде было жить, кроме служебного домика в «парламентской деревне», предоставленного ему на время исполнения депутатских полномочий; его старый семейный дом в Транскее был занят одним из его родственников. Вскоре Пилисо подал в отставку и все же вернулся в родной Восточный Кейп, но ненадолго. В 1996 г., в возрасте 72 лет, он скончался от болезни. Противники его лично и АНК злорадно писали, что из руководства этой партии якобы только Табо Мбеки и Джо Модисе присутствовали на его похоронах [42]. Это неверно, потому что участвовали в них и другие, в том числе Джо Нхланхла и Ронни Касрилс, оба будущие министры разведывательных служб ЮАР. Однако нельзя исключать, что кто-то в АНК действительно хотел дистанцироваться от человека, честно принявшего личную ответственность за ошибки, совершенные, когда он был руководителем.

Так или иначе, его памяти в конце концов было отдано должное: главному кампусу Южноафриканской академии разведки в г. Мафикенг присвоили его имя, и на церемонии открытия в 2003 г. Джекоб Зума, тогда заместитель президента ЮАР, говорил о «добрых воспоминаниях» о Мзвандиле Пилисо. Одна фраза в речи Зумы представляется особенно важной: «Очень жаль, что многие ветераны борьбы, одним из которых был Мзвандиле Пилисо, ушли из жизни, не положив

богатство их опыта на бумагу для блага будущих поколений» [43]. Что ж, теперь наш долг честно рассказать о них.

Литература

1. Огонек. 18 апреля 1970 г. С. 25.
2. Australian League of Rights. On Target. Vol. 5. No 47. 9 December 1969.
3. ANC National Conference July 1991. Report. Johannesburg. (s.a.e.l.). P. 2.
4. Mayibuye Centre Historical Papers, ANC London Collection, Minutes of the South Africa United Front Conference held in London from August 25th to September 4th 1961. P. 11.
5. Mayibuye Centre Historical Papers, ANC London Collection, Dr Y. Dadoo (1960–1972) Papers, Minutes of a meeting held 19 June 1960.
6. Mayibuye Centre Historical Papers, ANC London Collection, Dr Y. Dadoo (1960–1972), Minutes of a SAUF conference 30 June 1960.
7. Spearhead. Dar es Salaam. April 1962.
8. Беседа с М. Пилицо, М., 20 июля 1973 г.
9. *Schleicher H.-G. / Schleicher I. Die DDR im suedlichen Afrika: Solidaritaet und Kalter Krieg (=Arbeiten aus dem Institut fuer Afrika-Kunde; 97). Hamburg: Institut fuer Afrika-Kunde, 1997.*
10. Российский государственный архив новейшей истории, решения Секретариата, № 17, п. 37г. 10 марта 1962 г.
11. Государственный архив Российской Федерации, фонд 9540гс, опись 2с, дело 47, л. 20.
12. *Veloso J. Memòrias em Voo Rasante. Maputo, Correia Paulo, 2006.*
13. *Ludi G. Operation Q-018, Nasionale Boekhandel. Cape Town, 1966.*
14. *The Road to Democracy in South Africa. Vol. 1. 1960–1970, Cape Town: Zebra Press, 2004.*
15. University of Fort Hare. African National Congress, Morogoro Box 4, Mzwai writing to Tanzania Representative. 1 November 1965.
16. Беседа с К. Хани. М., 27 апреля 1992 г.

17. *Hugh Macmillan*. The 'Hani Memorandum' – introduced and annotated. *Transformation: Critical Perspectives on Southern Africa*. 2009. No 69.
18. Further submissions and responses by the African National Congress to questions raised by the Commission for Truth and Reconciliation. 12 May 1997. Appendix one. ANC structures and personnel, 1960–1994.
19. *African Communist*. 1969. No. 40.
20. Mayibuye Centre Historical Papers, ANC Lusaka Collection, African National Congress National Consultative Conference, President's Statement.
21. Записи автора на беседе Р. Ульяновского с М. Пилицо. Алма-Ата, 2 октября 1969 г.
22. *Lissoni A*. The South African liberation movements in exile, c. 1945–1970. P. 103. URL: http://www.sahistory.org.za/sites/default/files/Arianna_Lissoni_PhD_thesis.pdf.
23. *Stephen Ellis, Tsepo Sechaba*. Comrades against Apartheid. The ANC and the South African Communist Party in Exile. James Curry. London: Indiana University Press, Bloomington & Indianapolis, 1992.
24. *Elinor Sisulu*. Walter and Albertine Sisulu. In *Our Life Time*. Claremont: David Philip Publishers, 2002.
25. Further submissions and responses by The African National Congress to questions raised by The Commission for Truth and Reconciliation. Appendix 2. Two. MK Camps and commanders. 1997.
26. *James Nqulu*. The Honour to Serve: Recollections of an Umkhonto Soldier. Cape Town: David Phillip Publishers, 2009.
27. *Hans-Georg Schleicher*. GDR Solidarity. The German Democratic Republic and the South African Liberation Struggle // *The Road to Democracy in Southern Africa*. Vol. 3: International Solidarity. Part 2: Pretoria: South Africa Democracy Education Trust, 2008.
28. *Tomas Karis, Gail Gerhart*. From Protest to Challenge. Vol. 5. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1997. Tomas Karis and Gail Gerhart. From Protest to Challenge. Vol. 5. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1997.
29. Report of NAT. May 1979.
30. Further submissions and responses by the African National Congress to questions raised by the Commission for Truth and Recon-

ciliation. 12 May 1997. URL: <http://www.anc.org.za/content/further-submissions-and-responses-anc-questions-raised-commission-truth-and-reconciliation>

31. The Weekly Mail and Guardian. Johannesburg. 1993. October 8 to 14.

32. ANC Weekly News Briefing. 1985. No 2.

33. Operations Report: The Department of Intelligence and Security of the African National Congress. 12 May 1997.

34. *Kasrils R.* Armed and Dangerous: From Undercover Struggle to Freedom, Johannesburg and Cape Town: Jonathan Ball Publishers, 2004.

35. Mayibuye Centre Historical Papers, Yusuf Dadoo Collection, Secretariat activities since its formation.

36. Mayibuye Centre Historical Papers, ANC Lusaka Collection, Final Version, Decision and Recommendations of the NEC Meeting, 11 to 15 February 1987.

37. Беседа с Б. Гилдером. Йоханнесбург, 21 сентября 2011 г.

38. Excerpts: Mbokodo: Inside MK: Mwezi Twala – A Soldier's Story, by Mwezi Twala. URL: http://www.volkstaat.net/index.php?option=com_content&view=article&id=276:2109201003&catid=56:latest&Itemid=82

39. *Paul Trehwela.* Inside Quatro: Uncovering the Exile History of the ANC and SWAPO, Johannesburg Media: Jacana, 2009.

40. *Paul Trehwela.* Inside Quatro. End of an Era. Searchlight South Africa, 1990, No 5, 2009. URL: <https://www.marxists.org/history/etol/revhist/supplem/hirson/quadro.html>

41. Report of the Commission of Enquiry into complaints by former African National Congress Prisoners and Detainies. URL: <http://www.anc.org.za/content/skweyiya-commission-report>

42. *Gareth van Onselen.* DA director of research and communications. Who was the butcher? fasternews.com – 11/13/2005. URL: http://www.ever-fasternews.com/index.php?php_action=read_article&article_id=121.

43. Address by Deputy President Jacob Zuma on the occasion of the launch of the South African Academy of Intelligence, Mafikeng, 28 February 2003. URL: <http://www.polity.org.za/article/j-zuma-launch-of-sa-national-academy-for-intelligence-28022003-2003-02-28>

И.В. Следзевский

**ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЕ
АФРИКАНСКИЕ ГОСУДАРСТВА:
КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ**

Завоевание политической независимости африканскими странами утвердило у власти немногочисленные, но весьма влиятельные группы местной интеллигенции. Еще раньше – в период зарождения антиколониальных движений эти группы смогли обеспечить себе доминирующие позиции в сфере духовного и политического самоопределения африканских народов, в иерархии культурных ценностей и общественного престижа. Ключевым фактором социального возвышения африканской интеллигенции и превращения ее влиятельных групп и лидеров в могущественную политическую элиту стало привилегированное положение образованных африканцев в колониальной иерархии власти и престижа. Это положение обеспечивалось получением европейского образования, доступом к ресурсам европейского знания и европейского культурного доминирования. Став промежуточным слоем между представителями совершенно разных и противостоящих друг другу культурно-расовых сообществ и культурных групп – белыми господами и массой чернокожего населения, африканская интеллигенция породила особый тип исторического и политического сознания.

В центре ценностных и нормативных, философских и политических представлений европеизированной верхушки о себе и своих возможностях стало открытое возвышение своей роли, своих знаний, культурных и политических позиций в организации и консолидации постколониальных африканских сообществ, определении их исторических судеб и путей развития. В социокультурной и политической практике молодых африканских государств это породило явление элитарного национализма, носители которого, как пишет В.С.

Мирзеханов, «присвоили себе историческую миссию: вести африканские общества по пути модернизации, прогресса, а может быть, даже социальной справедливости» [19, с. 16–17].

Оценивая представления первых поколений африканской политической и интеллектуальной элиты о собственных возможностях переустройства общества, изменения самого хода африканской истории, важно выделить цивилизационную составляющую этих представлений – особую цивилизационную самоидентификацию сторонников скорейшего приобщения Африки к европейской модели нации-государства. Планы национально-государственного строительства – создания единых наций на основе привнесенных извне моделей национальных государств приобрели черты нормативного и во многих отношениях принудительного цивилизационного проекта, призванного обеспечить необходимый цивилизационный статус молодых африканских государств как полноправных, достойных участников системы международных отношений. И философия, и практика легитимации этого проекта сохранили историческую связь с идеями европейского цивилизаторства как переделки традиций и обычаев африканских народов по велениям колониальной власти и обязательно в ее пользу.

Однако с распадом колониальных империй исчезло или резко ослабло главное условие жизнеспособности этого проекта – наличие обособленного имперского центра, самостоятельного по отношению к локальным общинным мирам и способного практически и символически сопрягать их с «государством» и «обществом» в европейском понимании. Уже в колониальный период это условие выдерживалось с большим трудом, с постоянными и большими отступлениями от цивилизационных стандартов жизни в метрополиях. С превращением государственной власти в собственность африканских правящих группировок оно сохранило скорее символическое значение. Сокращение притока внешних ре-

сурсов, резкое падение интереса к Африке после окончания «холодной войны» подорвали и внешний (символический) цивилизационный статус многих африканских государств как членов системы международных отношений. Тем не менее восприятие современных африканских обществ во всей сложности и разнородности образующих их общинных, этнокультурных, конфессиональных структур сейчас уже трудно представить вне государственно-центрической модели организации общества – признания государства и присутствия ему иерархии органов власти центром социально-политической системы, основным регулирующим институтом, распространяющим свою власть на все общество. Главную роль в сохранении этих представлений как способа идентификации, категоризации, символизации современных африканских обществ, как кажется, играет не реальная организованность общественной жизни, общественного порядка на национально-государственном основании, а сложившийся в европейском историческом сознании самоочевидный (аподиктический) образ государственно-центрического мира. Этот образ четко выражает государственно-центрическая («контейнерная, по выражению известного немецкого социолога У. Бека) теория общества, в которой современные общества мыслятся «самостоятельными, отграниченными друг от друга обществами» только «во властном пространстве национальных государств» [4, с. 47–48]. Однако на фоне тех масштабных, комплексных и глобальных потрясений, с которыми страны южнее Сахары столкнулись в постколониальный период, самоочевидность национально-государственного принципа организации африканских обществ становится все более проблематичной, серьезно затрудняющей понимание факторов и тенденций африканского развития как развития эндогенного, идущего в широком историческом контексте на базе собственного культурного и исторического наследия. В данной статье мы остановимся на явных геополитических и геокультурных вызовах со стороны африканской действи-

тельности и реалий глобализации цивилизационному образу и проекту формирования современных обществ как обществ национально-государственного типа.

Высокая конфликтность африканского развития в постколониальный период

Усомниться в самодостаточности национально-государственного уровня организации африканских обществ заставляет прежде всего высокая концентрация именно на этом уровне – в сфере государственно-политического управления конфликтного потенциала африканского развития. Речь идет о тесной взаимосвязи низкого уровня развития стран регион, слабости его институциональной основы и слабости, неэффективности, имитационного характера национально-государственного контроля и регулирования баланса стабильности/нестабильности социальных изменений. Бедность, голод, эпидемии, низкий уровень образования, общая несбалансированность экономического развития не только создают объективные условия для роста социальной напряженности, но и непосредственно провоцируют острые конфликтные ситуации внутригосударственного и международного уровней. В то же время конфликтные ситуации в регионе возникают так часто, и их разрушительные последствия настолько тяжелы и масштабны, что динамика конфликтов не может не сказаться на динамике африканских обществ, самом укладе повседневной жизни, устройстве многих из них¹.

¹ Неразделимость бедности и социальной нестабильности африканских обществ как единого, по существу, поля социальных проблем подчеркивается в фундаментальном исследовании Института Африки «Конфликты в Африке»: «Отсутствие достаточных средств к существованию... ведет к политической нестабильности и социальной дезинтеграции общества, проявлением которых являются различного рода конфликты. Социальную напряженность в большинстве африканских стран усиливают процессы распада привычных связей и отношений, которые раньше органи-

Уровень конфликтогенности африканских обществ на уровне отдельных стран и региона в целом остается самым высоким в мире – и по размаху этих конфликтов, и по количеству вызванных ими жертв. По некоторым оценкам, доля Африки в мировых человеческих потерях от вооруженных конфликтов за 1990–2007 гг. составила 88%, в зоне вооруженных конфликтов в конце XX в. оказалось от четверти до трети всего населения Тропической Африки [16, с. 9, 14]. За последние 40 лет в более чем 50 вооруженных конфликтах в странах южнее Сахары погибло свыше 5 млн человек, 24 млн человек лишились крова, 18 млн оказались в положении беженцев. В 1990-е гг. боевые действия велись на территории более чем 15 африканских государств (Ангола, Эфиопия, Либерия, Республика Конго, Сьерра-Леоне, Мозамбик, Сомали, Чад, Мавритания, Сенегал, Судан, Мали, Уганда, Бурунди, Руанда, Заир). В 2000-е гг. возникли новые очаги напряженности в Демократической Республике Конго (бывший Заир), Центральноафриканской Республике, Нигере, Кот-д’Ивуаре, Либерии, Чаде, Мали, Нигерии, Гвинее-Бисау, на Мадагаскаре [8]. Межгосударственные и гражданские войны остаются главной угрозой безопасности Африки.

Столь высокий уровень вооруженных конфликтов выявляет наличие большого числа нерешенных внутренних проблем и противоречий модернизации по образцу нацио-

зовали социум, а в настоящий момент еще не обрели замены в африканском обществе... Увеличение маргинализованной массы, озабоченной собственными проблемами выживания, до критической приводит к социальному взрыву и общей социальной нестабильности. Это – стихийные выступления, городские беспорядки, направленные против других составляющих общества, прежде всего против политических структур и власти, но также и против “виновников” своего плачевного положения – других народностей, этнических групп, кланов, беженцев, мигрантов, иноверцев и т.д. Так экономические и социальные трудности сплетаются в один узел с политическими и этническими проблемами» (Конфликты в Африке: причины, генезис и проблемы урегулирования (этнополитические и социальные аспекты). М.: Институт Африки РАН, 2013. С. 10).

нально-государственного развития и в целом кризисный характер ее результатов. В самом наличии таких противоречий нельзя видеть нечто исключительно африканское – динамика модернизации и динамика конфликтов, рост движений протеста неотделимы друг от друга. Именно выделение противоречий модернизации (в разных ее формах) стало основой появления неклассической, так называемой многомерной теории модернизации, делающей акцент на разнообразии путей и принципов модернизационных процессов и роли традиций в их стабилизации. Новая теория признает принципиальную, системную жизнеспособность переживающих эти процессы переходных обществ, при этом подчеркивается значение создания собственных (т.е. культурно независимых) механизмов управления, стабилизации и самосохранения общества. Однако в африканских странах, особенно в странах Тропической Африки, создание таких механизмов наталкивается на большие препятствия.

В первые десятилетия политической независимости причины возникновения и нарастания острых конфликтов, падения роли и эффективности государства объяснялись господством на внутривнутриполитической арене авторитарных режимов, изоляцией от общества африканской правящей верхушки. Возможность снижения конфликтной динамики модернизации и повышения эффективности модернизационных процессов в масштабе всего общества связывалась многими западными экспертами с развитием политической демократии и укреплением позиций гражданского общества как главного ее инструмента, то есть с дальнейшим укреплением модели национальной государственности. Возникла концепция «гражданского общества для Африки», к нему предлагалось отнести не только независимые от государства неправительственные организации (НПО), но также большинство массовых и политически активных организаций и социальных образований, включая «почвенные» этнические и религиозные образования. (Авторы концепции – британские политологи

Р. Кассимир, Н. Касфир, И. Л. Марковиц, Р. Тангри, Э. Трипп (см. подробнее [26]). Обосновывая необходимость признания особой африканской модели гражданского общества как необходимого элемента модернизации Эйли Трипп подчеркивала необходимость более широкого и интегрального определения политического пространства Новой Африки: «Политическое пространство следует определить как арену борьбы за ресурсы, влияние и власть, непререкаемыми участниками которой являются не доминирующие слои общества» (к ним автор отнесла прежде всего женщин) [26, р. 105].

В 90-е гг. XX в. политическое развитие многих африканских стран как будто «шагнуло навстречу» идеям и моделям демократизации правящих режимов и механизмов модернизации. Под влиянием мировой «демократической волны» и собственных демократических движений, в сфере политической власти произошел сдвиг от авторитарных режимов к многопартийным демократическим формам правления. Возникла группа новых африканских лидеров-реформаторов, возглавивших демократический процесс: президент Эфиопии М. Зенави, президент Эритреи И. Афверки, президент Уганды Й. Мусевени, президент Руанды П. Кагаме. В качестве основной цели политики новые лидеры выдвинули принцип создания ответственных и подотчетных отношений между государством и африканским обществом, основанных на приверженности государства рыночной экономике, систематической борьбе с коррупцией, на соблюдении законности и создании контролируемых силовых структур. Важным практическим шагом в направлении демократизации правящих режимов стала либерализация во многих странах законодательства о регистрации политических партий, это породило настоящую волну появления и регистрации новых партий в ЮАР, Мали, Эфиопии, Чаде, Сенегале, Кении, Буркина-Фасо, Нигерии, Гане.

Африканская общественность проявила достаточно большую заинтересованность в проведении демократических

преобразований национально-государственного уровня. В англоязычной Африке легитимация демократических преобразований осуществлялась в основном через конституционные реформы и выборные процедуры, во франкоязычных странах региона важным способом достижения политического согласия стали выборные Национальные Конференции, открывшие диалог официальных властей с общественными религиозными и этническими организациями по ключевым вопросам перехода к новой форме национально-государственного управления: введение многопартийности, легализация свободной прессы, принятие новых конституций и создание выборных систем. Став живыми символами национального согласия и политического диалога, Национальные Конференции вобрали в себя многие обычаи традиционных африканских собраний, что должно было подчеркнуть их оппозицию современным государственным институтам, погрязшим в противоречиях и конфликтах. («Национальная Конференция, – пишет В. С. Мирзеханов, – это проявление подавленного, реванш непризнанных властей, возрождение власти обычая... после разрушения, гибели, забвения, которые назвали африканской катастрофой, Национальная конференция предлагает свод правил возрождения. Именно в терапии главный смысл Национальных Конференций. Причем терапия понимается как поиск средств и методов разрешения кризисов и конфликтов путем обращения к своей культуре. К своему опыту, к себе самому» [19, с. 95]).

Для процесса самих демократических выборов основное значение имел фактор сплоченности оппозиционных движений в борьбе за национально-демократические преобразования. Практически во всех странах, где сложились единые оппозиционные движения – ЮАР, Замбия, Намибия, Мозамбик, Лесото, Мадагаскар, Бенин, Гвинея-Бисау, Нигер, Острова Зеленого Мыса и т.д., состоялись выборы, и в большинстве случаев лидеры оппозиции одержали победу; разрозненные оппозиционные движения, как правило, выборы

проигрывали [25, р. 83]. Своего апогея либерализация правящих режимов достигла в 1992 г., в следующем году было проведено наибольшее число выборов.

Однако и новые африканские демократии не добились снижения ярко выраженной конфликтогенности постколониальных африканских государств, сближения общественных движений и действующей иерархии государственного правления. Это ясно следует из анализа условий и результатов проведения демократических реформ в целом ряде стран южнее Сахары. Демократизация власти ограничилась в основном проведением многопартийных выборов, что далеко не всегда приводило к замене авторитарных методов правления демократическими. Чтобы сохранить власть, авторитарные правители выдавали себя за демократов, выигрывали выборы и оставались у власти (Буркина-Фасо, Габон, Гана, Камерун, Кот-д'Ивуар, Мавритания) [31, р. 258]. Многопартийные выборы были проведены в 29 африканских странах, но только в 16 случаях они были признаны соответствующими минимальным международным требованиям [25, р. 75]. В ряде стран (Ангола, Бурунди, Гвинея, Демократическая Республика Конго, Нигерия, Руанда, Сомали, Сьерра-Леоне, Танзания, Того, Уганда, Чад, Эфиопия) возник своеобразный феномен блокированной демократии. Политические режимы этих стран начали демократические реформы, но не завершили их, либо не допустив проведение выборов, либо не признав их результаты и не допустив победителей к власти (Нигерия, Того). В двух странах – Либерии и Судане многопартийные выборы вообще не состоялись: Либерию охватил длительный международный вооруженный конфликт, в результате которого центральная власть оказалась парализованной; в Судане после военного переворота к власти пришел Национальный исламский фронт.

В итоге и демократизация политической жизни африканских стран не привела к становлению устойчивого и регулируемого варианта национально-государственного

устройства общества. Более того, возникшая в условиях многопартийных выборов политизация массовых настроений и ожиданий значительно усилила в ряде случаев предпосылки кризиса постколониальных африканских государств, скорость нарастания этого процесса и его катастрофические последствия для мира и стабильности в регионе. На первый план в политической борьбе в массовых масштабах начали выходить этнические и конфессиональные ценности и установки – как новые, порожденные экономическими интересами, так и старые, связанные с самосохранением человека в рамках общинно-родовых и семейных институтов: «этнические и конфессиональные убеждения и стереотипы, социально-этническая и религиозная психология стали основными факторами в развитии конфликтов или в их провоцировании, создавая достаточно жесткие образы врага» [16, с. 21]. Первоначальные оптимистические оценки политических перемен («политическое обновление», «второе освобождение») сменились критикой реалий африканской демократии и ожиданием грядущих беспорядков². Возникла тяжелая в своих хаотических и опасных проявлениях проблема управляемости африканских обществ.

Проблема управляемости постколониальных обществ региона

В 2000-е гг. количество крупных вооруженных конфликтов в регионе Африки южнее Сахары сократилось. Прекращены боевые действия в зоне пограничного конфликта между Эфиопией и Эритреей, урегулированы конфликты в Руанде, Бурунди, Южном Судане. Тем не менее условия модернизации стран региона нельзя назвать оптимальными или стабильными. Анализируя кризисный потенциал развития африканских обществ, исследователи все чаще обращаются к проблеме (и категории) управляемости этих обществ – спо-

² Bratton M. Deciphering Africa's Divergent Transitions... P. 67.

способности политических и социальных институтов, средств политической культурной регуляции гасить конфликты и кризисы, которые могут угрожать стабильности и безопасности общества, эффективно контролируя и направляя в нужную сторону социальные процессы.

Состояние управляемости зависит от совокупности регулирующих факторов, включая количество и иерархию субъектов общественного регулирования, действий по регулированию и степени их совместимости, нормы, правила, режимы и институты регулирования [23, с. 145]. Однако – и для понимания проблем постколониального африканского развития это очень важно – основой согласованного системного действия этих факторов служит (конечно, в идеальном случае) всеобъемлющий социальный порядок, прочно соединенный с отношениями солидарности и самоценными, самобытными формами объединения и сплочения людей [15, с. 269–270; 20, с. 668–669]. Социальный порядок в его целостном виде и значении нельзя втиснуть в сферу формально-рациональных действий (например, в сферу рыночной деятельности или административно-политического и правового контроля). Системный аспект социального порядка, определяемый внутренним согласием членов общества на необходимый минимум изменений, общих интересов, ценностей и норм, неотделим от его жизненной (экзистенциальной) составляющей. Жизненное значение порядка и общественной управляемости выражают и обеспечивают представления о неслучайности поведения человека, существовании взаимности, согласованности, дополнительности и, следовательно, предсказуемости действий людей, об устойчивости и исторической длительности жизни общества, о существовании в социальной жизни принятых ограничений насилия и в конечном счете о возможности преодоления противоречий между должным и сущим, земным и высшим (идеальным, потусторонним) мирами (цивилизационный уровень социального порядка).

Трансформацию (эволюцию) социального порядка также нельзя отделять от сочетания объективных и субъективных условий жизни людей. Если естественноисторический процесс протекает настолько медленно, что вызываемые им общественные изменения практически не замечаются людьми, то социальный порядок приобретает смысл и значение порядка естественного, природно-космического (архаический порядок). Если же, в условиях значительного ускорения темпов социокультурной эволюции, эти изменения фиксируются, воспринимаются, переживаются как течение времени, «ход истории», то неизбежно возникает тяжелая, конфликтная в своей основе ситуация несовпадения сущего и должного. Необходимы целенаправленные действия по снижению уровня этого разрыва, выбору направления трансформации социального порядка и тех идеалов, которые в глазах большого числа людей способны определить контуры нового и стабильного общественного устройства. Роль жизненного мира человека, его представлений об идеальном устройстве общества резко возрастает, независимо от того, связываются ли эти представления с верой в Бога, в высшие этические ценности или с секулярно-либеральными представлениями о совместимости высшего нравственного закона со свободой индивида и индивидуальной совестью.

Категория управляемости социальных процессов позволяет сосредоточиться на конфликтной динамике модернизации африканских обществ и, самое главное, привлечь внимание к тому значению, которое приобретает в условиях нестабильности, неопределенности, катастрофичности подобного развития субъективный фактор – выбор людьми, социальными группами, крупными социокультурными общностями собственного будущего из множества альтернатив, возникающих в ситуации разлада или распада социального порядка. Понятно, что в этом случае речь идет не о классической модернизационной перспективе, ориентированной исключительно на исторический опыт Запада и построенной по

безальтернативному принципу «иного не дано», «только вперед и вверх к высотам современности», а о проблеме физического и культурного самосохранения миллионов людей, делающих подобный выбор.

Уже беглый взгляд на социально-политическое пространство Африки южнее Сахары свидетельствует о катастрофическом, неприемлемом с точки зрения стандартов современного мирового сообщества падении уровня общественной управляемости в регионе. Прежде всего обращает на себя внимание тупиковость, отсутствие сколько-нибудь значимой нормативной регуляции затяжных политических и военных конфликтов. По словам известного российского политолога-африканиста Н.Д. Косухина, «конфликт в африканском контексте – это нередко кровопролитная полномасштабная война, продолжающаяся порой вплоть до взаимного уничтожения сторонами друг друга. Африканские конфликты страшны еще и тем, что втягивают в свои жернова детей. За последнее десятилетие в них погибло более 2 млн детей, а около 6 млн детей серьезно ранены или покалечены» [16, с. 24–25].

Одним из наиболее жестоких и бескомпромиссных вооруженных столкновений в истории постколониальной Африки стало противостояние между двумя основными культурно-историческими группами Руанды – *тутси* и *хуту*. Давние социокультурные противоречия между этими группами переросли в апреле-июле 1994 г. в геноцид *тутси* после убийства президента страны Ж. Хабиариманы (*хуту*), повсеместные убийства *тутси* продолжались несколько месяцев и за это время унесли жизни более 1 млн человек.

Ярким примером неуправляемости африканских конфликтов, а нередко и открытой заинтересованности правящих кланов в решении внутренних проблем силой оружия, может служить и так называемая «великая африканская война» в районе Великих озер. Возникнув в результате нарастания внутривнутриполитической напряженности в Демократической

Республике Конго (ДРК) как серия эпизодов гражданской войны, столкновения между плохо вооруженной и слабо организованной конголезской армией и группами *хуту* и *тутси* руандийского происхождения (баньямуленге) быстро переросли в масштабный вооруженный конфликт без малого девяти государств – ДРК, Уганды, Руанды, Бурунди, Анголы, Центральноафриканской Республики, Намибии, Чада, Зимбабве. Суммарная площадь этих государств составляет $\frac{1}{4}$ часть территории Африки, а население более 14 % населения континента [10, с. 134–135].

Более дифференцированный количественный анализ дает картину ущербного или провального состояния самой контролируемости главных процессов и тенденций общественного развития. В последние 10–15 лет в практике международных организаций развивается методология ранжирования государств по уровню кризисных явлений и тенденций в социально-экономической и политической сферах, способности государств обеспечивать единство, безопасность, учитывается также необходимый для предотвращения конфликтов уровень создания и распределения важнейших общественных благ. Известность получил разработанный американским фондом «За мир» рейтинг состоятельности развивающихся (не западных) государств. В качестве основного признака несостоятельности государства выделяется утрата центральным правительством реального (физического) контроля над своей территорией и монополии на легитимное применение силы. Ранжирование проводится на основе суммирования разнообразных индикаторов, принимающих значение от 0 до 10 единиц (худшее значение оцениваемой проблемы). Социальные индикаторы фиксируют демографические проблемы и кризисные ситуации, вызванные дефицитом основных благ из-за высокой плотности населения; гуманитарные проблемы, обусловленные наличием беженцев и вынужденно перемещенных лиц; уровень недовольства со стороны отдельных социальных групп; усиление эмиграции

населения. Экономические индикаторы оценивают уровень социального неравенства и уровень экономического спада. Индикаторы политические и военные отражают уровень доверия граждан к своему государству; способность власти предоставить необходимый объем общественных благ и защитить граждан от незаконного насилия и атак террористов; уровень несоблюдения принципа главенства закона; масштабы выхода силовых структур из-под контроля общества; степень дезинтеграции общества и государственных институтов; зависимость государства от иностранных миротворческих миссий или зарубежной помощи [1, с. 60–75]. В 2006 г. эксперты фонда провели на основе этих индикаторов оценки уровня кризисных процессов в 146 государствах мира. Из 8 стран, занявших первые места по уровню общественного неблагополучия (10 единиц), 4 страны находились в Африке: ДРК, Кот-д’Ивуар, Либерия, Бурунди; в «красную зону» государств, полностью потерявших контроль над своей территорией, вошли 28 государств, 15 из них были расположены в Африке, 11 – в Азии и 2 – в Латинской Америке [1, с. 70–74].

Кризис и распад во многих случаях системы государственного управления имеют своим основанием и результатом нарастание разрушительных, деструктивных процессов и тенденций в самом социальном порядке, в устройстве современных государственных обществ. Проявления социальной деструкции – стремление к неограниченному самообогащению, коммерциализация политического процесса, преступность, коррупция, потеря стабильности жизни – не просто сопровождают процессы развития африканского общества в качестве сопутствующих негативных феноменов, по обыкновению они встроены в макросоциальный порядок общества, приобретают институциональный и системный характер. Даже при отсутствии вооруженных конфликтов снижение уровня общественной управляемости и безопасности систематически поддерживается развитием худших видов «тене-

вой» и «черной» экономики»: контрабанда оружия и наркотиков, бандитизм и морское пиратство, браконьерство (в том числе поставленное на коммерческую основу уничтожение редких видов животных), работорговля, противозаконная разработка природных ископаемых. На этой основе возникает и получает широкое распространение первичный уровень возникновения деструктивного (криминального) порядка – уровень организованной преступности и криминального самообогащения. Не меньшее, а в ряде случаев даже большее значение имеет следующая (вторичная) ступень деструктивной организации власти, она базируется на открытой коммерциализации политического процесса, институционализации коррупции и сосредоточении в руках высокопоставленных государственных чиновников огромных материально-финансовых ресурсов. Системный характер деструктивного порядка отражает тесная и постоянная связь верхнего и нижнего «эшелонов» криминализованной власти, несмотря на различия образующих их структур и подчас конфликтные условия их сосуществования, раздела сфер влияния. Формы, масштабы и направленные системные тенденции формирования деструктивного порядка в его африканском варианте обстоятельно проанализированы Л. В. Гевелингом³. Опираясь в основном на нигерийские материалы, автор выделяет две, по его определению, «наиболее опасные формы организации власти» – низший уровень ее криминализации («плутократия», т.е. «власть грабителей») и уровень криминализации в масштабе всей политической системы («клептократия» или «власть воров»), а также общий для этих форм уровень референтной группы «плутократия» – «власть богатства» [9].

³ Гевелинг Л. В. Клептократия. Социально-политическое измерение коррупции и негативной экономики. Борьба африканского государства с деструктивными формами организации власти. М.: Изд-во «Гуманитарий» Академии гуманитарных исследований, 2001.

С точки зрения жизненных условий человеческого существования (жизненный аспект социального порядка) деструктивная составляющая африканского развития выражается больше всего в росте нерегулируемого насилия, включая самые жестокие и массовые его формы. «Насилие, – отмечает О. Б. Громова, – и физическое и психологическое как отличительная черта всех (и прошлых, и настоящих) вооруженных конфликтов на континенте приняло чудовищные, не поддающиеся какому-либо контролю и управлению масштабы. Порождаемая конфликтами субкультура насилия оправдывает насильственное поведение, которое воспринимается как неизбежное следствие войны и становится нормой, повсеместным, повседневным и систематическим деянием в условиях затяжной, длящейся годами кризисной ситуации» [16, с. 104–105]. Но, что самое страшное и, конечно, неприемлемое с точки зрения элементарных норм морали, – «убийства гражданских лиц, кампании массового изнасилования женщин и девочек, а также принуждение детей убивать и зверствовать всегда нацелены на дестабилизацию и устрашение мирного населения, превращение войны в привычный образ жизни, поддержку этнической, религиозной и племенной напряженности и не только на продолжение, но и на расширение боевых действий. Для оппозиционных вооруженных группировок, заинтересованных в перманентном кризисе с беженцами, в хаосе, эскалации конфликта, насилие, особенно сексуальное, – это акт демонстрации превосходства над противником, наилучший способ сломить его сопротивление, поскольку во время войны массовое изнасилование женщин, принадлежащих к определенной группе, символизирует не только доминирование мужчин над женщинами, но и триумф одной группы мужчин над другой» [16, с. 108]. И далее О. Б. Громова приводит примеры того, как во время десятилетней гражданской войны в Сьерра-Леоне боевики Революционного объединенного фронта «успешно осваивали» новые «методы» ведения войны – «от-

резали женщинам носы и уши, выкалывали глаза, рубили руки и ноги».

На фоне этих разрушительных процессов трудно сохранить веру в строительство национального государства как движение исключительно по пути прогресса, к лучшим и оптимальным для человека условиям существования. Высокие ценности прогресса быстро меркнут и теряют «земное основание». Скорее приходится констатировать перевес в практике африканских процессов социально-политического развития (в рамках модели догоняющей модернизации) антипрогрессивных составляющих: дезинтеграция социальных общностей на почве чисто утилитарных и часто криминальных интересов; возвышение девиантного поведения и привыкание к насилию (не только в зонах вооруженных конфликтов, но и в повседневной жизни африканских городов); совершенствование и распространение средств насилия; превращение агрессии в повседневный способ существования и рост количества жертв от агрессивных столкновений; моральная деградация социальных отношений в процессе их рыночной трансформации и т.д. Значение антипрогрессивных составляющих развития состоит не только в ухудшении условий существования основной массы населения, но и в возвращении к более низким уровням социокультурной организации. Регресс проявляется в усилении роли адаптированных к задачам выживания простых и простейших форм социальных отношений, восходящих к первичным кровно-родственным и общинно-земляческим связям (семья, клан, этническая группа). Но и эти структуры часто подвергаются дополнительному «упрощению», выражающемуся в снижении самоконтроля и самопринуждения и росте девиантного поведения. В криминогенной среде развивается то, что А.А. Пелипенко назвал «состоянием “глобальной инверсии”, – резкий переход фрагментированных социальных групп от “партиципации к упорядоченным и упорядочиваю-

щим структурам культуры” к «процессу их разрушения”» [21, с. 262].

Длительное ухудшение социально-экономического положения не только лишает бедные слои населения материального достатка, но и негативно меняет их мировосприятие, психологию, стиль поведения и образ жизни. На этот аспект социальной деструкции обращает внимание американский исследователь Дж. Фергюсон, сравнив восприятие жизни и стиль поведения горожан в индустриальных центрах Замбии в годы бурного экономического подъема страны в 1950-х – первой половине 1970-х гг. (в этот период Замбия стала одной из наиболее урбанизированных стран Африки) и в период затяжного экономического кризиса в конце 1970-х – 1990-е гг., обрушившего надежды замбийцев на превращение центров меднорудной промышленности их страны в «Бирмингем африканской промышленной революции» [29, р. 2–233]. Дж. Фергюсон выделяет два стиля городской жизни в Замбии – универсалистский (космополитический) и локальный. Сторонники универсалистского стиля отдаляются от своего родного деревенского социума или порывают с ним связи: отказываются соблюдать обязательства перед своими деревенскими родственниками и целиком ориентируются на западный образ жизни. Второй – локальный тип охватывает горожан, сохраняющих тесные связи со своим деревенским сообществом и подчиняющихся его социальному порядку, причем заинтересованность в сохранении таких связей обоюдная. В годы экономического подъема культурный универсализм являлся главным направлением культурных изменений: городские рабочие получали объективную возможность дистанцироваться от своих деревенских родственников и обязательств перед ними. Но последовавший экономический кризис остановил «Великий переход от традиционного к современному обществу»: то, что «ранее считалось отсталым и исчезающим явлением (маятниковая миграция между городом и деревней, большая семья, локализм

и пр.), в настоящее время представляется «наиболее жизненным, лучше приспособленным к современной социально-экономической ситуации». И общий вывод: «...новейшая история принесла многим замбийцам, особенно жителям Медного пояса (вопреки оптимистическим прогнозам теории модернизации), горькие разочарования. Не успев воспользоваться плодами быстрой индустриализации и урбанизации, они оказались отброшенными далеко назад, в нищету и бесперспективность. Многие горняки Медного пояса считают, что их «ожидания, связанные с модернизацией, оказались обманутыми, а сами они выброшены из круга цивилизованного человечества» [29, р. 236].

Глобальная составляющая кризиса управляемости в регионе

Опасность деструктивных процессов, охвативших африканские общества в конце XX в. и ставших базой конфликтной динамики африканской модернизации, заключается в возможности дальнейшего регресса современных общественных институтов: регресса социального порядка к догосударственному состоянию, усиления роли локальных групп как основного элемента социального устройства, возрождения норм и обычаев этнического суверенитета и т.д. Такие изменения означали бы очень глубокий уровень общественного регресса. Насколько вероятна эта опасность и каковы возможные факторы ее реализации в региональных масштабах? Основанием для постановки этого вопроса может служить дискуссия в научно-экспертных кругах о деструктивных тенденциях и процессах современной глобализации⁴. В пору возникновения теории глобализации –

⁴ Идущая уже несколько десятилетий дискуссия о природе глобализации создала очень широкое смысловое пространство ее значений. Мы придерживаемся интегрального смысла этого понятия, позволяющего придать ему более упорядоченное терминологическое значение: глобальный

в 1990-е гг., когда фоном восприятия мировых процессов и мира в целом стало казавшееся чудодейственным преодоление прежних национальных барьеров на пути распространения информации, инвестиций, форм культуры и миграционных потоков, – могло показаться, что глобализация такого уровня неминуемо приведет к формированию мирового общества модернистского типа, стиранию различий в мировом экономическом, политическом и культурном пространстве. Символом и в значительной степени основанием этих надежд стало распространение массовой глобальной культуры, проникновение ее потребительских образцов и стандартов в широкие слои населения по всему миру. Казалось, что культурная глобализация не только охватит весь мир, но и осуществит, наконец, во всемирном масштабе идеалы европейской Модернити – сделает поведение индивида более самостоятельным и рациональным, разрушит господство традиций и дух коллективизма в других мировых культурах [6, с. 16]. Новая и, казалось, всепроникающая сила культурной глобализации возродила и свойственные еще ранним теориям модернизации надежды на то, что уже само по себе распространение по всему миру отдельных «блоков», фрагментов современной западной культуры – рыночных механизмов, культуры демократии и автономного от государства гражданского общества, новых информационных технологий и т.д., сблизит центры и периферию мирового сообщества и приведет к глобальной модернизации мира. Представлялось также, что глобализация как продолжение модернизации (но, по выражению П. Л. Бергера, в более сильной и глубокой

переход человечества к новому, еще неясному, не определившемуся в достаточной степени историческому состоянию. Глобальный переход не просто снижает управляемость мировых процессов, но означает их переход в нестационарную, хаотическую фазу развития, резко возрастает значение рисков (рисковых ситуаций) непредвиденного изменения факторов и направлений мирового развития под влиянием случайных и неконтролируемых событий.

форме) способна установить и универсальный социальный порядок, основанный на синтезе (гибридизации) западных и местных культурных форм, поиске и обретении в процессе их глобального взаимодействия «средних позиций между приятием и агрессивным сопротивлением, глобальной однородностью и провинциальной изоляцией» [6, с. 18, 24]. Геополитическим гарантом нового порядка виделась однополюсная система международных отношений во главе с США.

Но уже к концу 1990-х гг. обнаружилось, что порядок, формируемый глобальными информационными, финансовыми, миграционными потоками «под сенью» глобальной культуры, отнюдь не равнозначен «срединной культуре» универсализма и локализма, новаций и традиций. Если понимать под порядком очевидное и устойчивое распределение вероятностей каких-либо событий, процессов и явлений, то в происходящем глобальном переходе трудно уловить элементы какой-либо упорядоченности, определенности и просто внятной предсказуемости изменений. Сам глобалистский дискурс (дискурс глобального перехода), по существу, исключает представления о порядке как необходимом условии миропонимания. На это обращает внимание британский социолог З. Бауман: дискурс следования установленным свыше правилам («дискурс Иисуса»), который явно или неявно предполагал мироздание, управляемое законами, по сути, заданное или предопределенное», заменяется «противоположным дискурсом генезиса, изображающим мир как сферу нестабильности, изменений, лишенных определенного направления, как область спонтанности и вечного экспериментирования с неопределенными и практически непредсказуемыми последствиями; короче, как полную противоположность представлениям о порядке»; «“новый мировой беспорядок”, прозванный глобализацией, имеет... один подлинно революционный эффект: обесценение порядка как такового» [3, с. 43–44].

Но быстрое расширение глобальной культуры имеет и более определенные деструктивные последствия. Они заключены в самой способности современных коммуникационных взаимодействий выходить за рамки имеющего определенные культурные и политические границы легитимного социального порядка, создавать обширные информационные и социальные сети, в которых действуют свои принципы и нормы взаимности, согласованности, дополнительности действий участников. Можно ли представить современную криминальную сферу без организованной и неорганизованной электронной преступности? Легко ли и просто установить эффективный контроль над информационными и социальными сетями?

Очевиден и другой деструктивный эффект распространения массовой глобальной культуры. Присущие ей установки и ценностные ориентации прежде всего на потребление, деловой успех, получение и распространение сиюминутной информации, на возможность действовать независимо от расстояния неизбежно дистанцируются или отрываются от высокой культуры и заключенных в ней смысложизненных ценностей добра и добродетели, истины и веры, Спасения и духовного Откровения, преданности и устойчивой социальной солидарности. По словам З. Баумана, девальвируется даже пространственная близость, которая могла бы воплощать духовную общность: «Сотовый телефон, предлагающий независимость даже от кабельных сетей и разъемов, нанес завершающий удар по тем претензиям на духовную общность, которые могла бы предъявить пространственная общность [3, с. 48]. Но и регулятивные идеи и принципы самой глобальной культуры плохо согласуются друг с другом и мешают образованию ее целостного ядра. Например, принципы и ценности свободного рынка вступают в противоречие с экологическим принципом и нормой защиты окружающей среды, требование свободы слова слабо коррелирует с принципом политической корректности. Глобальный «обще-

ственный мейнстрим», – пишет Л. М. Капица, – подменяет все высшие устремления «идеалами потребительского общества, используя все имеющиеся в его распоряжении средства массовой информации. СМИ заменили семью, коммуны, школу, церковь, рабочий коллектив и т.д.» [14]. Кроме того, культурная глобализация во всей сложности ее проявлений и тенденций не может быть сведена исключительно к процессам синтеза локальных и глобальных культурных форм. Глобализация в разных ее проявлениях разрушает и без того хрупкие, спорные, деликатные, по выражению американского социолога С. Бенхабиб, демаркационные линии между культурами» [5, с. 8]. Не только границы своей культурной группы, но и место человека в обществе как основа социальной идентичности теряет устойчивость и надежность в качестве цели и условия стабильного социального поведения, становится больше похожим на бесконечный путь. Это чувство постоянного бега за своим «местом в жизни» хорошо отразил З. Бауман: «Сегодня в движение пришли не одни только люди, но также и финишные линии дорожек, по которым они бегут, да и сами беговые дорожки. Утрата четкого места в обществе становится ныне опытом, который может сколько угодно раз повторяться в жизни каждого человека, в то время как лишь немногие, а то и никакие из возможных статусов оказываются достаточно надежными, чтобы можно было говорить о длительном пребывании в них... Проблема, мучающая людей... состоит не столько в том, как обрести избранную идентичность и заставить окружающих признать ее, сколько в том, какую идентичность выбрать и как суметь вовремя сделать другой выбор, если ранее избранная идентичность теряет ценность или лишится ее существенных черт» [3, с. 184, 185].

Для стран со слабой экономикой и несложившимся в должной мере современным государством неконтролируемый характер глобализации означает малообещающее, если не сказать, разрушительное соревнование между движущимися

силами модернизации и силами социальной деструкции, использующими в своих интересах ситуацию неконтролируемого глобального перехода. Связь и динамику этих двух аспектов глобализации хорошо определил Б. С. Ерасов: «Глобализация превращается в интенсивную, но далеко не равную гонку между, с одной стороны, новыми активными ориентациями, высокими технологиями и функциональными институтами, а с другой – ползучей хаотизацией и разрушительными воздействиями, подрывающими жизнеспособность общества» [12, с. 480].

Новый и гораздо более широкий и сложный контекст приобретает в обстановке глобальной трансформации мира и вопрос об управляемости социальных и политических процессов и социальном порядке в африканских странах, общей направленности этих процессов в сторону прогресса или же, напротив, в сторону анти-прогресса. В то самое время, когда возникла идея нового глобального миропорядка (конец 1980-х гг.), в странах региона достиг пика жесточайший экономический кризис, доведенный до предела засухой и голодом в некоторых странах Западной Африки (в зоне Сахеля). К середине 1990-х гг. уровень производства на душу населения в большинстве стран Тропической Африки упал ниже уровня 1980 г., доля голодающих выросла до 30–35 % населения [2, с. 16–17]. Переход к политике создания нового мирового порядка, основанного на доминировании Запада, совпал с падением уровня управляемости в странах региона на всех уровнях: дезинтеграция отдельных социальных групп и рост напряженности в межэтнических отношениях, отрыв государственного аппарата и правящих групп от общества, от жизненных потребностей большинства населения.

Как крайняя форма кризиса государства в конфликтных районах Тропической Африки наметилась тенденция к распаду централизованной государственной власти. Ярким наглядным выражением этого процесса стал распад в 1991 г. государства Сомали. В этот год Сомали утратило все атрибу-

ты централизованной государственной власти и распалось на несколько независимых территорий, контролируемых враждующими между собой полевыми командирами. Северная часть страны в 1991 г. провозгласила себя независимой Республикой Сомалиленд, не получившей, впрочем, официального международного признания. О своей самостоятельности заявили и другие районы некогда единого государства.

К кризисным тенденциям нового периода надо отнести и обозначившуюся к началу нового столетия тенденцию к ускоренному росту населения, обусловленному успехами в области здравоохранения и ориентацией традиционных африканских культур на высокую рождаемость. (Значение этой тенденции как особого фактора социальных кризисов подчеркивают А. В. Коротаев и Д. А. Халтурина: «История показывает, что демографический взрыв, сопровождаемый падением среднедушевого потребления и/или появлением большого количества люмпенизированных мигрантов из сельской местности в городах, а также ростом удельного веса молодых когорт является серьезным вызовом для любого общества». И далее как пример возможных катастрофических последствий демографического взрыва авторы приводят основанный на прогнозах ООН расчет роста населения в Эфиопии с зафиксированных в 2000 г. 65,5 млн чел. до 171 млн чел. в 2050 г. и 222,2 млн чел. в 2100 г. В этом случае численность населения Эфиопии может значительно превысить современную численность населения Российской Федерации при том, что «одна лишь площадь российских черноземных земель превышает всю площадь Эфиопии, большая часть которой просто непригодна для земледелия» [17, с. 56–57].

Кризис 1980–1990-х гг. усилил противоречия, общее напряжение между претензиями африканского политического класса на высшее знание нужд и путей развития Африки и практическими результатами приложения этого знания, идеологической и реальной социальной динамикой развития.

Быстрота и масштабы этого кризиса свидетельствовали, по словам Э.Е. Лебедевой, «о крахе стратегии развития при опоре на государство, о провале попыток такого рода модернизации в рамках модели догоняющего развития и индустриально-модернистской парадигмы общественной эволюции» [18, с. 419]. Но, отмечает Э.Е. Лебедева, разрушительные последствия кризиса показали низкую результативность и даже провал также и «второго подхода» к решению проблем развития – модернизации по новейшим рецептам, проектам, моделям развития постиндустриального общества («постиндустриально-глобалистская парадигма общественной эволюции», в определении Э. Е. Лебедевой). Действительно, уже в 1980-е гг., в период начала и подъема кризиса, правящие элиты большинства африканских государств переориентировались на новые программы финансовой стабилизации и структурной перестройки экономики. Эти программы были разработаны международными финансовыми организациями, имели привлекательный имидж нового экономического порядка, направленного на оздоровление экономической жизни, устойчивое и успешное экономическое развитие, но фактически ориентировались на неолиберальные ценности и установки глобального управления, ограничения национального суверенитета и заимствования из глобальной культуры западных образцов постиндустриальной модели общества (потребления, образования, управления, политического устройства общества). Как бесспорные направления и цели «новой модернизации» эта модель включала в себя технологическое развитие и научный прогресс (достижения знания и технологического порядка), резкое сокращение государственного сектора экономики и государственного вмешательства в хозяйственную жизнь, экономическое стимулирование экспортного производства при сокращении объема импортозамещающего производства, максимальную либерализацию международно-хозяйственных связей (особенно в кредитно-финансовой сфере) и признание в качестве важ-

нейшего, определяющего путь экономического развития глобального (транснационального) порядка хозяйственной деятельности, ограничивающего сферу национального суверенитета, роль и функции государства.

Под давлением международных финансовых институтов – Мирового банка и Международного валютного фонда – большинство африканских стран приняли неолиберальную стратегию экономического развития. Для африканских стран были разработаны (как правило, иностранными специалистами, плохо знакомыми с этими странами), а затем претворены в жизнь программы перестройки национальных экономик и приспособления их к потребностям мирового рынка. Было приватизировано большое число государственных предприятий, упразднен или либерализован контроль над внутренними ценами, во многих странах отменены нетарифные барьеры в сфере внешней торговли, снижены импортные пошлины, введены единые свободные обменные курсы национальных валют, в большинстве стран отменены ограничения на платежи и трансферты по текущим международным сделкам, устранен прямой контроль над банковскими кредитами и установлены рыночные процентные ставки. Ключевой идеологической установкой и программой проведения этих преобразований стала концепция «разумного правления», разработанная Мировым банком при активном участии африканских технократов и финансистов из региональной сети банка. Таким образом, и новый подход к целям и условиям догоняющей модернизации Африки еще раз подтвердил ориентацию модернистского проекта африканского развития исключительно на ценности земного мира, его центры и структуры (правда, теперь в первую очередь финансовые).

Либеральные экономические реформы привели к некоторым позитивным изменениям в показателях экономического развития стран АЮС во второй половине 1990-х гг.: увеличение прироста ВВП в валовом и подушевом измерениях;

значительное снижение инфляции и бюджетных дефицитов, общее улучшение условий внешней торговли и иностранной помощи [30, р. 1–3].

В 1995–2010 гг. ряд наименее развитых стран Африки (Буркина-Фасо, Мозамбик, Руанда, Танзания, Уганда) провели структурные преобразования в различных отраслях народного хозяйства, включая сферы сельского хозяйства и услуг. Вместе с другими факторами – ростом мировых цен на аграрно-сырьевые товары, ростом прямых иностранных инвестиций и денежных переводов мигрантов, увеличением (до 2010 г.) официальной международной помощи развитию африканских стран, это привело к экономическому подъему указанной группы стран. С середины 1990-х гг. эти шесть стран демонстрировали быстрый и устойчивый экономический рост без опоры на добычу полезных ископаемых; во всех этих странах, особенно в Танзании и Мозамбике, выросла доля расходов на образование в валовом внутреннем продукте.

Но и новая политика развития Африки (в русле подчинения африканского правящего класса неолиберальным проектам, программам, правилам «разумного правления») не принесла ожидаемых результатов, можно сказать, обманула ожидания их организаторов. Важнейшей политической целью проведенных в конце XX в. структурных преобразований африканских экономик было предотвращение дальнейшего нарастания деструктивных процессов в странах региона, говоря конкретнее, социальной и политической дезорганизации государств региона. Достижение этой цели – в модели нового глобального порядка – должно было, в свою очередь, создать условия для «достаточного», т.е. самоподдерживающегося и стабильного развития в интересах нынешнего и будущего поколений. (Впервые это понятие («sustainable development») было использовано в докладе «Наше общее будущее», подготовленном Всемирной комиссией ООН по окружающей среде, и заняло центральное место в

новой глобальной концепции устойчивого развития. В качестве приоритетных целей мирового развития эта концепция выдвинула качественное обновление и совершенствование экономических и социально-политических систем на основе собственных внутренних ресурсов, а не чисто количественный их рост и ничем не ограниченную экспансию. [12, с. 581–582; 27]. Но реальные результаты осуществления новой политики оказались явно недостаточными с точки зрения перехода к модели самоподдерживающегося развития, стабилизации социального порядка, укрепления национального государства и хотя бы заметного улучшения условий жизни основной массы населения. К началу 2000-х гг., после 20 лет проведения реформ, экспорт из стран Африки южнее Сахары сократился на 14%; доля африканцев, занятых в «современной экономике» в этих странах (за исключением ЮАР и Нигерии), по-прежнему не превышала нескольких процентов активного населения [28, р. 21, 25, 27]. По мнению Ф. Энгельхарда, обратившего внимание на эти данные, в действительности структурные реформы африканских экономик, проведенные под руководством Мирового банка и МВФ, имели своей целью «не экономическое развитие, но принудительную интеграцию африканских стран в “мировой рынок” и “выплату их долга”; они – карикатурное отражение форсированной “глобализации”, в которую сегодня втянуты почти все народы мира» [28, р. 18].

Какие надежды на восстановление и стабилизацию африканских обществ, осуществление «разумного управления», могли сохранить проведенные реформы? «Результаты этой либерализации, – завершает анализ программ экономического и политического обновления Африки В.С. Мирзеханов, – ослабление и распад государственности, межэтнические конфликты, перерастающие в войны, толпы беженцев... Нигде так отчетливо не видны горькие плоды политики развития и глобализации, как в африканских странах, особенно к Югу от Сахары» [19, с. 440].

Но можно ли дальнейшую дестабилизацию общества и государства в регионе Суб-Сахарской Африки в конце XX в. связывать только с очередным провалом политики развития, на этот раз – в глобальном неолиберальном варианте? Сегодня этот вопрос представляется чисто риторическим. Уже в процессе осуществления структурных реформ африканской экономики, и особенно на этапе их завершения, неолиберальная модель догоняющей модернизации начала утрачивать свой идейно-политический авторитет. Главные постулаты этой модели о технологическом всемогуществе человека, способности международных институтов и международных режимов (то есть принципов, норм, правил и процедур принятия решений по ключевым проблемам международных отношений) обеспечить общее повышение управляемости мировых процессов, мобилизовать достаточные ресурсы и обеспечить распространение западных ценностей в глобальном масштабе не получили убедительного подтверждения в политической и социальной практике самих западных стран (падение прежнего значения либеральных представлений о самоценности и автономии личности, индивидуальной свободе, гуманизме и т.д.). Но не меньшее значение имел и пересмотр представлений о глобализации как пути развития мирового общества, способного утвердить модель единого, однородного, модернизированного мира и систему глобального (наднационального) управления. Лежавшая в основе этих ожиданий надежда на то, что новые передовые технологии и средства коммуникации придадут новый импульс прогрессивным тенденциям общественного развития, а структурная перестройка под влиянием научно-технического прогресса западных экономик сама по себе откроет новую эпоху в истории человечества и определит суть и содержание глобализации перестала определять восприятие смысла и значения глобализации.

Оценка информационно-технологического переворота конца XX в. и степени прогрессивности, «прорывного» зна-

чения постиндустриальной модели общества стала более взвешенной и очень быстро соединилась с критическим и алармистским восприятием глобализации, ее тенденций и ближайших результатов. Эксперты обращают внимание на то, что взаимосвязанное движение в сторону постиндустриализма и глобализации – финансовой, торгово-экономической, политической, культурной – не только открывает новые беспрецедентные возможности единения человечества, обмена информацией, рационализации международного разделения труда, урегулирования конфликтов, но и оказывается «проверкой на прочность» для устоявшихся форм социального порядка, социальных и государственных структур: «людям брошен вызов, на который они обязаны откликнуться» [23, с. 602].

В новом смысловом поле восприятия постиндустриализма и глобализации также возникает проблема управляемости социальными и политическими процессами, но в гораздо более широком, по существу, в макроисторическом контексте – в масштабе глобальных исторических процессов и глобальных концепций истории, возможностей наращивания или упадка прогресса в эпоху всемогущества техногенной цивилизации. С одной стороны, подчеркивается, что и в новую эпоху «сохраняют свою глобальную значимость (и должны быть удержаны в будущем!) базовые достижения, институты и ценности индустриальной эпохи – идеалы гуманизма, рациональности, национальной государственности, демократии, эгалитаризма», с другой – в русле алармистских настроений на первый план выдвигаются деструктивные процессы и явления перехода к постиндустриальной эпохе: падение роли государства и его институтов, деградация структур гражданского общества, падение роли секулярного мировоззрения и нерелигиозной системы ценностей, упадок демократических ценностей и принципов, сталкивающиеся в новом, гораздо более сложном обществе с «повышением дифференциации и сложности... в постиндустриальных об-

ществах», с «процессами потребительского и мультимедийного усреднения граждан-потребителей», с «новой, утонченной формой потребительства, уничтожающей саму идею полиса» [11, с. 311–313]. Б.С. Ерасов писал в 2002 г. о «криминализации значительной части мира как обратной стороне и составляющей процессов глобализации в различных сферах – технологии, политических методов, культуры», связывая это явление с противоречиями развития капитализма: «...будучи глобальной экономической системой, капитализм остается в цивилизационном плане привязанным к специфичной и локальной западно-европейско-североамериканской цивилизации... Финансовый капитал, не связанный напрямую с производством и с его непосредственными источниками, в еще меньшей степени озабочен собственно этическими соображениями, чем индустриальный капитал, вынужденный выполнять социальные функции и прибегать к моральной и ценностной легитимации» [12, с. 482–483].

Характерно, что даже те исследователи и эксперты, которые высоко оценивают потенциал прогрессивного развития постиндустриального общества, обращают внимание на растущую социальную поляризацию и растущую конфликтность внутри развитых стран (даже без учета влияния на социальную ситуацию нынешнего миграционного кризиса в Западной Европе) и на увеличивающийся разрыв в уровнях и моделях развития между Западом и не-Западом, что создает опасность общей дестабилизации мирового порядка, раскола мировой цивилизации [12, с. 615–619].

Если суммировать эти различные оценки общей направленности мирового развития в новую эпоху (как бы ни определять его главную движущую силу – постиндустриализм, глобализация), то можно и надо отметить нарастание напряженности социальной, духовной, моральной, интеллектуальной и в восприятии главных ориентиров новой эпохи (прогресс *versus* упадок мирового сообщества, мировой цивилизации), и в представлениях о ее возможном историче-

ском содержании (глобальная взаимозависимость стран и народов *versus* раскол мира и человечества). Следует выделить и основной, все более заметный и действенный источник этой напряженности. Это прежде всего осознание (в разных идейных, политических и культурных формах) антиномичности положения человека в глобализирующемся мире, тяжелых и непреходящих противоречий, перед которыми его ставит наступающая новая эпоха: между идеальным (идеалами прогресса, совершенствования и развития личности человека) и действительным (эскалация стихийных, неконтролируемых, часто угрожающих и рискованных процессов), должным и сущим (социальным порядком и нарастающим мировым хаосом), между повседневными интересами огромных масс людей, интересами и соображениями власти и ориентациями на высшие, трансцендентные, метафизические ценности. Носителем этих противоречий, их устойчивой средой становятся и процессы догоняющей модернизации, их характерной, определяющей чертой – жесткая антиномия между практическими мотивами и потребностями приобщения к современному образу жизни (социальный успех, свобода действий и передвижения в пространстве, индивидуализм и т.д.) и наличие альтернативных представлений о духовных принципах современности («Логос западничества» или его отрицание, превознесение высших ценностей демократического или авторитарного правления, духа свободы или духа веры). Выражением этой антиномии на уровне культурных норм и научных концептов стало возникновение представлений о множественности форм и типов «модернити», в том числе альтернативных культуре западной «модернити», процессам вестернизации, американизации не-западных обществ. Антиномия должного и сущего в этом случае дополняется и усиливается появлением множества пересекающихся конкурирующих образов современности, которые должны быть встроены «в институциональные и поведенческие паттерны общества» [22, с. 213].

* * *

Обобщая анализ кризисных тенденций развития государственности в африканских странах после достижения независимости, мы приходим к выводу о неприемлемости и даже опасности некритического, нерефлексируемого отождествления постколониальных государств в регионе южнее Сахары с эволюционно сложившимся политическим состоянием зрелого гражданского общества (историческое состояние «нация-государство»). Нельзя отрицать, что возникновение этого типа государства имело свою историческую основу, внутренние и международные общественно-политические предпосылки. Однако образование этих государств отражало не завершение процессов формирования наций (как гражданских, а не этнических общностей), появление общенациональных рынков, культурную интеграцию стран региона, а переход верхушечных, авторитарных по своему происхождению и институциональным основаниям административно-территориальных образований, возникших на основе отношений метрополии и колоний, в руки политически активных групп африканской интеллигенции. Национальное единство постколониального общества определялось деятелями африканского национально-освободительного движения не как наличная социальная и культурная реальность, а как цивилизационный проект, призванный поднять африканское общество до уровня требований и международных норм национального государства. Бесспорно, этот проект оказал значительное (а в нормативно-правовом плане – определяющее) влияние на реальные процессы политической трансформации бывших африканских колоний. Ясно проявились тенденции централизации и концентрации власти в руках африканских и политических элит, расширения институциональной основы государственной власти за счет политических партий, общественных движений, осуществления общей для страны внутренней политики и т.д.

Тем не менее – и сейчас это становится очевидным – проект постколониального политического развития по образцу «нации-государства» не проявил политической и исторической значимости и эффективности в той степени, чтобы его можно было считать успешным, видеть в нем проявление европеизации африканских стран. Заимствованные институты и формы национальной государственности: осуществление юрисдикции государства на всей его территории, унификация политической организации общества, институты представительной демократии, договорно-конституционные отношения народа-нации с центральной властью и т.д., не стали всеобщими и эффективными регуляторами социальных, экономических и межкультурных отношений. Устойчивым, а зачастую и доминирующим элементом политической жизни, адаптации к процессам модернизации архаических структур африканского общинного социума остался трибализм – сохранение в модифицированных формах обособленности общинно-родовых, племенных, земляческих, семейно-клановых структур и их взаимодействие с центральной властью в форме этнического клиентелизма, традиционной ритуализации действий субъектов власти. (Активная и во многом определяющая роль общинных традиций в политической эволюции доколониальных, колониальных и постколониальных обществ обстоятельно, на уровне этноисторического анализа, раскрыта известным российским этнологом-африканистом В.В. Бочаровым [7]).

В результате более очевидным, чем это казалось в период подъема африканского национализма (50–70-е гг. XX в.), начинает представляться историческое, культурно-цивилизационное своеобразие политического развития африканских обществ, не утратившее своего значения в период и после распада колониальных империй, а скорее даже получающее новое актуальное значение в эпоху глобализации, ослабления и распада слабых национально-государственных образований. Сохраняя связи с традициями африканских до-

колониальных и колониальных обществ, постколониальное государство должно решать задачи, намного превосходящие по своей сложности и объему исторические задачи европейских государств периода образований наций. Речь идет о задачах, сочетающих в себе одновременно локальные и глобальные условия успешного общественного развития: преодоление слаборазвитости и поддержание стабильности, управляемости местных обществ, формирование современного гражданского общества, регулируемого во многом трансграничными сетевыми взаимодействиями, и утверждение собственных форм культурной идентичности, способных выдержать глобальную культурную конкуренцию и обеспечить интеграцию крупных региональных сообществ, повышение уровня самоорганизации общества на базе собственных традиций, культурного и религиозного опыта и предотвращение распада государств, конфликтов регионального и глобального масштаба. Можно ли эти задачи решить в рамках европейской цивилизационной модели государства-нации? Реалии современного глобального и регионального развития подсказывают скорее отрицательный ответ. Кризис постколониальных африканских государств говорит в пользу именно этой позиции.

Л и т е р а т у р а

1. *Абрамова И. О., Фитуни Л. Л., Сапунцов А. Л.* «Возникающие» и «несостоявшиеся» государства в мировой экономике и политике. М., 2007.
2. Африка в меняющемся мире. Вып. 1. М., 1997.
3. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002.
4. *Бек У.* Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М., 2001.
5. *Бенхабиб С.* Притязания культуры: Равенство и разнообразие в глобальную эпоху. М., 2003.
6. *Бергер П. Л.* Введение. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация: культурное разнообразие в современном мире. М., 2004.

7. *Бочаров В. В.* Власть. Традиции. Управление. Попытка этноисторического анализа политических культур современных государств Тропической Африки. М., 1992.
8. Войны и конфликты в Африке. URL: www.modernarmy.ru
9. *Гевелинг Л. В.* Клептократия. Социально-политическое измерение коррупции и негативной экономики. М., 2001.
10. Демократическая Республика Конго. Справочно-монографическое издание. М., 2014.
11. *Дзоло Д.* Демократия и сложность: реалистический подход. М., 2010.
12. *Ерасов Б. С.* Цивилизации: Универсалии и самобытность. М., 2002.
13. *Иноземцев В. Л.* Расколота цивилизация: Научное издание. М., 1999.
14. *Катица Л.М.* Почему молодежь идет под знамена ИГИЛ // Портал МГИМО. 11.11.15. URL: <http://mgimo.ru/search/?q=>
15. *Ковалев А.Д.* Порядок социальный // Современная западная социология: словарь. М., 1990.
16. Конфликты в Африке: Причины, генезис и проблемы урегулирования (этнополитические и социальные аспекты). М., 2013.
17. *Коротаев А.В., Халтурина Д.А.* Современные тенденции мирового развития. М., 2008.
18. *Лебедева Э.Е.* Тропическая Африка и глобализация // Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001.
19. *Мирзаханов В.С.* Интеллектуалы и власть в Черной Африке. М., 2001.
20. *Оффе К.* Политэкономика: социологические аспекты // Политическая наука: Новые направления. М., 1999.
21. *Пелипенко А.А., Яковенко И.Г.* Культура как система. М., 1998.
22. *Саква Р.* Россия: альтернативная модернити? Неомодернизационные и цивилизационные вызовы // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 12. М., 2013.
23. *Суслов Д.В.* Можно ли управлять миром // Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет. Которые могут все изменить. М., 2008.

24. *Хорос В. Г., Красильщиков В. А., Сумский В. В.* Многообразие в конце (вместо заключения) // Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001.
25. *Bratton M.* Deciphering Africa's Divergent Transitions // Political Science Quarterly. New York, 1997. Vol. 112. № 1.
26. *Civil Society and Democracy in Africa.* L., 1998.
27. *Daly H.* The Economics of Sustainable Development. Boston, 1996.
28. *Engelhard Ph.* L'Afrique miroir du monde?: Playdoyer pour nouvelle economie. Paris, 1998.
29. *Ferguson J.* Expectations of Modernism: Myths and Meanings of Urban Life on the Zambian Copperbelt. Berkeley, 1999.
30. *Fischer S., Hernandez-Cata E., Khan M. S.* Africa: is this the Turning Point // IMF Paper on Policy Analysis and Assessment. Wash., 1998.
31. *Nwokedi E.* The Fragility of Democracy in West – Central Africa // Africa insight. Pretoria, 1997. Vol. 27, № 24.

П.В. Иванов

ОСОЗНАННОЕ БЕЗДЕЙСТВИЕ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА КАК КАТАЛИЗАТОР ПРИ ВОЗНИКНОВЕНИИ ГЕНОЦИДА

Введение

С древних времен человечество предпринимало попытки стандартизировать общество, образовать единое юридическое и политическое поле с целью продуктивного мониторинга и предупреждения возникающих конфликтных ситуаций. Данная тенденция выражалась в попытках создания паритетных межнациональных объединений, будь то торговый, военный и дипломатический союзы. Ввиду перманентного цивилизационного прогресса именно двадцатый век был обречен стать предтечей наиболее широкомасштабного объединения суверенных государств. Несмотря на позитивные креационистские потуги, изначально направленные на достижение мира и гармонии, на практике оказалось, что принципы равенства, справедливости, честности и прозрачности, прописанные сначала в уставных документах Лиги Наций, затем в ООН, не имеют ничего общего с действительным положением дел. Историческая тенденция такова, что настоящим актором на мировой арене является выгода, алчность и стремление отдельных государств навязывать свои геополитические и иные интересы другим партиципантам, ставить собственный гедонизм выше священного понятия человеческой жизни. Однако наиболее деструктивным качеством служит отнюдь не выраженное желание доминанты или выгоды, а безучастность и равнодушие общей массы, наблюдателей, с молчаливого согласия которых и происходят чудовищные продукты апогея низменных человеческих качеств и обесценивавшейся морали.

Латинская Америка. Чакская война 1932–1935

Первые предпосылки возникновения ситуаций пассивного или активного невмешательства мирового сообщества в лице крупной международной организации – Лиги Наций имели место в начале XX века.

В 1928 году учеными-геодезистами были спрогнозированы крупные месторождения нефти в буферной пограничной зоне Андского хребта – слабозаселённый, жаркий тропический регион с полупустынным ландшафтом в бассейне реки Парана, именуемый Гран-Чако. Данная территория являлась де-факто спорной, так как на нее претендовали соседствующие Боливия и Парагвай. В этом же году свои экономические интересы в данном регионе представляли две крупные нефтяные корпорации: американская “Standard Oil” и британская – “Shell” [1]. Воспользовавшись затяжным политическим кризисом и продолжительной конфронтацией между двумя странами, корпорации инспирировали открытый военный конфликт, осуществляя финансовые вложения в государственные военные лобби и непосредственно спонсируя вооруженные силы враждующих между собой сторон: Standard Oil – Боливию, а Shell – Парагвай соответственно. Данный вооруженный конфликт стал наиболее масштабным и кровопролитным в латиноамериканском регионе за весь последующий двадцатый век – 130 000 человек безвозвратных потерь с обеих сторон [1]. Однако, несмотря на ожесточенные столкновения, места нефтеразработки компаний не подвергались каким-либо обстрелам или повреждениям, война «как будто» бы обходила представительства нефтяных компаний стороной. Фактически спор между частными корпорациями за возможность обладания нефтяными месторождениями осуществлялся за счет эскалации конфликта между двумя суверенными государствами.

Примечателен следующий факт, Боливийская сторона, при поддержке Standard Oil прибегла к помощи наемных комбатантов из Европы, в частности ветеранов Первой миро-

вой, среди которых были: генерал Ханс фон Кундт и будущий соратник Адольфа Гитлера, глава штурмовиков СА при партии НСДАП – Эрнст Рём [1]. За весь период войны имели место локальные этнические «чистки», где с помощью германских наемников аннигилировалось мешающее нефтяному промыслу коренное население области Гран-Чако – индейцы племен Аймак и Гуарани, и только личное вмешательство одного из командующих войсками Парагвая, ветерана Первой мировой и гражданской войны в России, генерала Ивана Федоровича Беляева [2], предотвратило полное уничтожение незащищенных национальных меньшинств в регионе Гран-Чако. Лига наций игнорировала вмешательство частных компаний во внутренние дела Боливии и Парагвая, а также спонсирование геноцида индейцев.

Азия. Демократическая Кампучия

После прихода к власти крайне радикальной партии «красных кхмеров» – Коммунистической Партии Кампучии, возглавляемой Пол Потом, исповедующей идеи крайнего марксизма-ленинизма и маоизма, началась фактическая реструктуризация государственной системы управления, её институтов и вектора политической мысли. Данный период ознаменовал себя как один из наиболее кровавых в современной мировой истории, где в очередной раз демонические лики коммунизма предавали деструкции понятия общечеловеческой морали, прав и свобод.

25–27 апреля 1975 г. в Пномпене прошёл Чрезвычайный Национальный конгресс, по результатам которого Пол Пот провозгласил политику непримиримости ко всем «проявлениям западного капитализма», религии и науки. Результатом подобных директив становится тотальный террор на территории всего Кампучийского государства. За период с 1975 по 1979 г. окончательные и безвозвратные потери среди мирного населения составили 3 млн человек (при общем населении Кампучии в 7 млн) [3]. Были арестованы и ликви-

дированы лица, подозреваемые в связях с предыдущим правительством или с иностранными государствами. Основной репрессивный вектор сосредоточивался на тотальном классовом истреблении представителей интеллектуальных (ученые, работники медицины и просвещения) политических (бывшие депутаты и чиновники) и культурных (писатели, актеры и т.д.) элит [4]. Кроме того, особое внимание уделялось казням по мотивам религиозной неприязни государства «воинствующего атеизма» по отношению ко всевозможным конфессиям, причем агрессия была направлена не только к исповедующим ту или иную религию персоналиям, но и к местам отправления культа и ритуалов.

Таким образом, были истреблены 57 000 буддийских монахов, разрушено 90 % всех имеющихся статуй Будды, сожжены и разрушены все буддийские пагоды [5].

За 4-летний период экзекуций были убиты все представители христианских течений, а именно 67 000 человек; 1968 храмов было разрушено аналогично буддийским.

Из 20 000 мусульман в округе Каммпонгсием (провинция Кампонгтям) вживых не осталось никого [5].

Итогом существования режима Пол Пота стало: 141 848 инвалидов различных категорий, более 200 000 сирот. Что касается инфраструктуры, было разрушено 634 522 здания на всей территории Демократической Республики Кампучия, из них: 5857 школ, 796 больниц, фельдшерских пунктов и лабораторий. Вкупе с этим была выведена из строя сельскохозяйственная техника.

Возникает вопрос, как мировое сообщество в лице Организации Объединённых Наций реагировало на подобные проявления бесчеловечной агрессии и жестокости? С 1976 г. Демократическая Кампучия являлась официально признанным государством, фактически легитимизировав революцию и последующий геноцид местного населения.

С 1975 по 1979 г. не было выдвинуто ни одной ноты протеста против военных преступлений красных кхмеров.

Именно «полпотовцы» представляли Камбоджу в ООН, а с 1982 г. — формально в составе «коалиционного правительства Демократической Кампучии» [6].

Африка. Родезия

Родезия — одна из богатейших стран Африки, чьи полезные ископаемые: алмазы, каменный уголь, хромовая руда, асбест, золото, никель, медь, железная руда, ванадий, литий, олово, металлы платиновой группы. Вплоть до объявления независимости Великобритания использовала Родезию как благодатный сырьевой придаток, но с момента обретения независимости в одностороннем порядке бывшей британской колонии в 60-х гг. двадцатого столетия Родезия прекратила демпинговую продажу алмазов и иных полезных ископаемых, чем нанесла существенные финансовые потери крупнейшему экспортеру драгоценных металлов и камней Британской Южно-Африканской Компании (BSAC) [7]. С этого времени Родезии была уготована участь опального государства, вне зависимости от уровня её развития и социализации. Степень геополитического давления на данное государство возрастала перманентно, начиная с пропагандистской деятельности британских СМИ, где путем фальсификации действительного положения в стране действующему правительству Родезии во главе с её бессменным лидером и идейным вдохновителем — Ианом Смитом инкриминировалась преднамеренная организация масштабного дефицита продовольствия и, как следствие, голода среди незащищённых слоев населения, массовые убийства, заканчивая прямым военным вмешательством во внутреннюю политику суверенного государства, путем финансирования оппозиционных террористических группировок, снабжение их оружием и амуницией. В 1961 г. на спонсорские гранты британской разведки МИ 6 [8], в развивающейся и процветающей стране, где белое меньшинство бесконфликтно сосуществует с черным большинством, создается организация под названием Союз Аф-

риканского Народа Зимбабве. В 1963 г. была образована схожая террористическая ячейка – Зимбабвийский Африканский Национальный Союз. Несмотря на идентичность в политической деятельности, данные организации имели существенное различие. Этнически ZANU состояла из представителей народа шона, ZAPU – ндебеле [9]. Подобная дифференциация отразится на их совместной работе годами позднее, а пока руководители данных бандформирований проходили совместную подготовку под ведомством Великобритании, а затем инструктировались представителями стран социалистического лагеря [10]. ZANU и Роберта Мугабе поддерживали КНР и КНДР, а ZAPU – СССР [11]. Далее СССР начал поставки вооружения для военизированных «крыльев» описанных организаций. ZIPRA (Джошуа Нкомо) и ZANLA (Роберт Мугабе) Примечателен следующий факт, вплоть до 1970 г. оружие и боеприпасы поступали в сопредельные страны (Замбия, Мозамбик, Ботсвана), где располагались тренировочные лагеря и базы террористов [11].

Снабжение происходило под эгидой международного Красного Креста в виде гуманитарной помощи. С 1970 г. подобное снабжение происходило открыто, о чем правительство Родезии заявляло в ООН, однако никаких проверочных действий со стороны Совета Безопасности не было.

СССР планировал организовать масштабную интервенцию в Родезию, однако ограничился поддержкой в виде амуниции и предоставленных военных советников.

6 августа 1977 г. в столице Родезии Солсбери произошел крупный взрыв в торговом центре, мощностью в 27 кг тротилового эквивалента, взрывчатки, произведенной в СССР и присланной в качестве помощи «борцам за свободу» [12].

Находясь в полевом лагере в Мозамбике, Роберт Мугабе вечером того же дня оповестил мир, что ответственность за взрыв берет на себя его партия ZANU.

3 сентября 1978 г. боевое крыло партии ZAPU сбивают гражданский лайнер компании Air Rhodesia Flight 825 из со-

ветского ракетного комплекса «Стрела-2». Жертвами теракта становятся 52 пассажира (из них несколько детей) и 4 члена экипажа. Выживших на земле добивали боевики ZAPU [13].

12 февраля 1979 г. террористическая организация ZAPU вновь сбивает гражданский самолет, вновь с помощью советского вооружения погибло 59 человек [14].

Кроме описанных случаев насилия по отношению к мирным гражданам имели место захваты детских дошкольных учреждений и городских госпиталей.

ООН никак официально не реагировала на происходящие события. Примечателен следующий факт: операции родезийских вооруженных сил, направленные на ликвидацию террористических формирований осуждались. Так, например, ООН подвергла критике операцию “Eland” 9 августа 1976 г., в рамках которой элитные подразделения «Скаутов Селуса» в количестве 84 человек уничтожили до 2000 тысяч боевиков, но в отчете ООН лагерь с террористами почему-то фигурировал как лагерь с беженцами [15; 16].

Далее, после того как Родезия пала под гнетом всевозможных санкций, эмбарго и гражданской войны, пришедший к власти представитель партии ZANU Роберт Мугабе разворачивает кампанию по уничтожению людей согласно их расовой и этнической принадлежности. За период с 1979 по 2017 г. было уничтожено около 34 000 белых.

Далее Роберт Мугабе, желая устранить политического конкурента, сформировать однопартийный паритет, физически устраняет своего некогда бывшего соратника Джошуа Нкомо.

Закончив истреблять белых родезийцев, Роберт Мугабе переключается на черных. Так, по политическим и расовым мотивам были организованы концентрационные лагеря по всей стране, наиболее известным является лагерь пыток в Бхалагве.

1983-й год ознаменовал себя началом «очистительной» военной операции под названием «Гукурахунди» [17; 18], по

результатам которой было физически ликвидировано свыше 40 000 представителей народности ндебеле.

Ни международные СМИ, ни надзорные органы ООН не обращали внимания на военные преступления Роберта Мугабе, которые берут свое начало с 1960-х гг.

Руанда

После затяжной гражданской войны 1990–1994 гг. было достигнуто хрупкое «Арушанское» соглашение, по результатам которого и правительство действующего президента Жювеналья Хабиаримана, и повстанческие формирования РПФ (Руандийский Патриотический Фронт) [19] смогли вернуться к цивилизованной жизни и совместному проживанию в рамках единого государства хуту и тутси.

В январе 1994 г. ЦРУ информирует администрацию президента США Билла Клинтона о готовящемся политическом кризисе в Руанде, в частности, упоминаются крупный руандийский бизнесмен Фелисьен Кабуга и полковник вооруженных сил страны Теонесте Багосора [20] в качестве основных акторов теневой радикальной экстремистской организации Аказу (Akazu) [21], недовольных уступками президента в отношении национальной политики тутси. Однако, избегая повторения политического и военного провала в Сомали, американская сторона решает не вмешиваться в грядущий конфликт. Тем не менее руководство США отправляет около 350 морских пехотинцев для обеспечения безопасности своих граждан [22].

6 апреля 1994 г. самолёт, на борту которого находились действующий президент Руанды Жювеналь Хабиаримана и президент Бурунди Сиприен Нтарьямира, был сбит на подлёте к столице Руанды Кигали. Ввиду гибели первого лица государства, дестабилизации вертикали власти и функционала парламента, представители аказу (Akazu) начинают претворять в жизнь план по истреблению тутси. В этот же день солдаты, ведомые полковником Багосорой, полицейские и

ополченцы быстро расправились с ключевыми военными и политическими фигурами как среди тутси, так и среди умеренных хуту, которые могли бы заполнить образовавшийся вакуум власти, соорудили КПП и баррикады и приступили к массовым убийствам тутси, национальность которых устанавливали по документам. Организаторы геноцида, используя средства массовой информации, в частности радио, методично, путем широкомасштабной пропаганды, призывали хуту вооружаться с целью физической ликвидации тутси, уничтожать и присваивать их имущество.

Находящийся в стране еще со времен гражданской войны, ограниченный контингент ООН во главе с полковником Ромео Даллером отправляет запрос в ООН о возможности вмешательства и предотвращения резни, однако действующий на тот момент Генеральный секретарь ООН – Кофи Аннан по каким-то причинам отказал в легитимации ведения боевых действий.

Примечательный факт: Багосора взаимодействовал с французским правительством, они были в курсе планов геноцида, оказывали содействие при покупке огнестрельного оружия. Французы были в курсе задолго до геноцида и начали эвакуацию своих граждан.

9 апреля порядка 1000 бельгийских десантников прибывают в аэропорт Кигали без всякого предупреждения. Данный контингент не принадлежал к миротворческим силам ООН, он был предназначен для обеспечения безопасности и последующей эвакуации бельгийских подданных и иных европейских граждан.

После захвата городского аэропорта силы бельгийских парашютистов приступили к поиску и трансферу целевого гражданского населения в аэропорт. Вместе с парашютистами в Руанду прибыло около 12 журналистов, освещавших наземную операцию.

С 7 апреля по 15 июля 1994 г. было жестоко убито более 800 000 человек [23].

После того как боевики РПФ заняли северную часть государства и к середине июля захватили Кигали, положив конец массовым убийствам тутси, ООН внезапно активизировалось и вышла директива о вмешательстве. Прекратился геноцид.

В конечном итоге ООН, США, Великобритания и Бельгия подверглись критике за бездействие, в том числе за неспособность усилить миссию ООН по оказанию помощи Руанде (МООНПР) и расширить её полномочия [24]. Франция обвинялась в поддержке властей Руанды после 6 апреля.

Сербия

Балканский кризис 1999 г. является наиболее красочным примером бездействия Совета Безопасности ООН, организации Красного Креста, повторяющихся нарушений всевозможных конвенций и деклараций ООН с целью сокрытия ряда военных преступлений со стороны интервентов, а именно войск коалиции НАТО и США.

В качестве предпосылок можно рассматривать как политические мотивы, так и экономические. Например, Соединенное Государство Югославия являлось крупным экспортером стрелкового оружия в Африке и странах Ближнего Востока, являясь прямым конкурентом США в идентичном бизнесе.

А сербская табачная промышленность «ставила палки в колеса» представителям американских табачных корпораций на восточно-европейском рынке сбыта [25]. Данная совокупность аспектов, подкрепляемых и усугубляемых мощным давлением извне со стороны США и ряда заинтересованных в территориальном разделе стран Европы, могла служить катализатором при принятии решения по реализации военного вмешательства во внутренние дела СРЮ (Союзной Республики Югославии) и Косово.

Имели место случаи открытой фальсификации предоставляемых в СБ ООН данных от НАТО, например январь-

ский инцидент 1999 г. в косовском селе Рачак, где, по неподтвержденным данным, погибло около 45 албанцев. Или, например, подконтрольные СМИ стали раскручивать другой миф, где сербским вооруженным силам предписывают организацию лагеря для тысяч албанских военнопленных на стадионе в Приштине [26; 27]. Немецкий министр обороны Рудольф Шарпинг с ужасом в глазах рассказывал, что там применяют настоящие нацистские методы, расстреливают учителей на глазах у детей [26]. Опросы проживающих рядом людей показали, что стадион был пуст, если не считать того, что его иногда использовали в качестве аэродрома. Несмотря на изначальную позицию по данному стадиону, ВВС Североатлантического Альянса разбомбили данный спортивный объект, вопреки собственным заверениям и гарантиям о наличии лагеря военнопленных.

24 марта 1999 г. самолеты НАТО начали бомбардировки территории Союзной Республики Югославия. Первые ракетные удары, согласно ратификации со стороны Генерального секретаря НАТО Хавьера Соланы, были нанесены около 20:00 по местному времени (22:00 мск) по радарным установкам армии Югославии, находящимся на черногорском побережье Адриатического моря. Одновременно ракетным атакам подверглись военный аэродром в нескольких километрах от Белграда и крупные промышленные объекты в городе Панчево, находящемся менее чем в двадцати километрах от столицы республики. В большинстве крупных городов Сербии и Черногории впервые после Второй мировой войны было объявлено военное положение.

В военной операции против Югославии, которая продолжалась 78 дней, в той или иной форме участвовали 19 стран НАТО. Североатлантический альянс принял решение о начале агрессии после неудавшихся переговоров с руководством СРЮ по проблеме Косова и Метохии во французском городе Рамбуйе и Париже в феврале и марте 1999 г. Бомбардировки прекратились 9 июня 1999 г. после того, как

представителями армии СРЮ и НАТО в македонском городе Куманово был подписан военно-технический договор о выводе с территории Косова войск и полиции Союзной Югославии и о размещении на территории края международных вооруженных сил.

Ущерб, который был нанесен промышленным, транспортным и гражданским объектам СРЮ в результате почти трехмесячных бомбардировок, по разным оценкам, измеряется суммой от 60 до 100 млрд дол. Число погибших военных и гражданских лиц до сих пор точно не установлено. Оно колеблется от 1200 до 2500 человек [28]. «Только детей было убито 800. Они бомбили не только мосты, промышленные предприятия, но и железнодорожные станции, больницы, детские сады, храмы, построенные в средние века», – утверждает Борислав Милошевич, в 1998–2001 гг. посол Югославии в РФ [29].

Йемен

25 марта 2015 г. ВВС Саудовской Аравии, не имея прямого разрешения в СБ ООН, начали массивные авиаудары по позициям своих визави из хуситской организации «Ансар Алла», однако кроме уничтожения военных объектов аннигиляции были подвергнуты жилые здания, больницы и школы.

Данные действия являются прямым нарушением Резолюции 2225 Совета Безопасности ООН.

«Коалиция, возглавляемая Саудовской Аравией, нанесла серию незаконных авиаударов по школам, использовавшимся в образовательных, а не в военных, целях, что является вопиющим нарушением законов и обычаев войны», – заявила Лама Факих, старший эксперт по кризисным ситуациям в Amnesty International

В результате конфликта пострадала вся образовательная система страны. По данным ЮНИСЕФ (Детский фонд ООН), как минимум 34 % детей в Йемене не посещают школы после начала авиаударов в марте 2015 г. Министерство об-

разования, находящееся в Сана, также поделилось с Amnesty International информацией, из которой следует, что сейчас не работает более 1000 школ: 254 полностью разрушены, 608 разрушены частично и 421 используются в качестве убежищ для внутренне перемещённых в ходе конфликта лиц [30].

Ранним утром 12 июня 2015 г. старый город Сана, который включен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, подвергся бомбардировкам. Несколько исторических зданий были разрушены. Погибли люди. На текущий момент арабская коалиция продолжает уничтожать объекты культурного наследия и городскую инфраструктуру без уведомления СБ ООН [31].

Заключение

Приведенные в данной статье факты призваны наглядно продемонстрировать как частность, так и массовость событий, являющихся лицемерным отражением бездействия уполномоченных надзорных органов и всего человечества в целом. Примечательный факт, что объединяющим катализатором между государствами, будь то страны с экстрактивными политическими институтами или инклюзивными, как ни печально является элемент пассивного или активного невмешательства в разрешения конфликтов, помощи мирному и незащищенному населению, вопреки действующим декретам, вопреки понятиям равенства и морали. Наличие в новейшей истории ряда прецедентов, подкрепленных и проверенных фактами и сведениями, отчетливо проецирует некомпетентность или невозможность существующих нормативно-правовых актов регулировать и предупреждать конфликтные ситуации. Вместо верховенства закона действительной движущей силой выступают частные интересы транснациональных корпораций или отдельно взятых государств, в угоду которым по тем или иным причинам мировое сообщество готово уступать в юридическом контексте и практическом. В результате систематических нарушений

принятых конвенций мировое сообщество в лице ООН фактически провоцирует и поощряет даже такие чудовищные и беспрецедентные случаи, как геноцид.

Л и т е р а т у р а

1. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D0%B0%D0%BA%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B0
2. URL: www.aif.ru/society/history/dve_zhizni_ivana_belyaeva_kak_russkiy_general_stal_geroem_paragvaya
3. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B4_%D0%B2_%D0%9A%D0%B0%D0%BC%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D0%B6%D0%B5
4. URL: www.genocide.ru/lib/genocides/cambodian.htm
5. URL: tourweek.ru/guide/different/231668/
6. URL: countrystudies.us/cambodia/72.htm
7. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/British_South_Africa_Company
8. URL: archive.spectator.co.uk/article/11th-november-1989/13/secrets-of-the-rhodesian-war
9. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B0_%D0%B2_%D0%AE%D0%B6%D0%BD%D0%BE%D0%B9_%D0%A0%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D0%B8
10. URL: <https://books.google.ru/books?id=BpxzAgAAQBAJ&pg=PA16&lpg=PA16&dq=zanu+china+north+korea+zapu+ussr&source=bl&ots=CVUvPpjnBc&sig=Z4y5xmXVDXmHvAQS5XQ5dw7EPGc&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwirmqz-sdHSAhWLCCwKHZdvBIQ6AEIKjAC#v=onepage&q=zanu%20china%20north%20korea%20zapu%20ussr&f=false>
11. URL: www.rhodesia.nl/commsupp.htm
12. URL: <https://adsl.zveronline.ru/projects/articles/2013/03/23/neizvestnaya-afrika/>
13. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Air_Rhodesia_Flight_825

14. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Air_Rhodesia_Flight_827
15. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Operation_Eland
16. URL: www.memoriesofrhodesia.com/media/documents/war-4.pdf
17. URL: <https://www.nknews.org/2013/10/zimbabwe-and-north-korea-uranium-elephants-and-a-massacre/>
18. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Gukurahundi>
19. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D1%83%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BF%D0%B0%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%BE%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%BD%D1%82
20. URL: nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB117/
21. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Akazu>
22. URL: www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/shows/ghosts/etc/script.html
23. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B4_%D0%B2_%D0%A0%D1%83%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B5#.D0.9C.D0.B5.D0.B6.D0.B4.D1.83.D0.BD.D0.B0.D1.80.D0.BE.D0.B4.D0.BD.D0.BE.D0.B5_.D0.B2.D0.BC.D0.B5.D1.88.D0.B0.D1.82.D0.B5.D0.BB.D1.8C.D1.81.D1.82.D0.B2.D0.BE
24. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Role_of_France_in_the_Rwandan_Genocide
25. URL: www.vesti.ru/doc.html?id=266550
26. URL: www.srpska.ru/article.php?nid=487
27. URL: www.slobodan-memoria.narod.ru/st/mif1.htm
28. URL: <https://www.hrw.org/reports/2000/nato/Natbm200-01.htm>
29. URL: <http://www.srpska.ru/article.php?nid=11087>
30. URL: <https://amnesty.org.ru/ru/2015-12-11-saudi/>
31. URL: www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=23912#.WMO6_bs49FQ

А.М. Хазанов

ОБСУЖДЕНИЕ ВОПРОСА О СУДЬБЕ БЫВШЕГО ИТАЛЬЯНСКОГО СОМАЛИ В ОРГАНИЗАЦИЯХ ООН И УСТАНОВЛЕНИЕ ИТАЛЬЯНСКОЙ ОПЕКИ

В результате военного разгрома во Второй мировой войне Италия потеряла все свои колонии и выбыла из числа колониальных держав. Разработанный Парижской мирной конференцией (июль – октябрь 1946 г.) мирный договор с Италией лишал ее всех прав и оснований на территориальные владения в Африке. Договор обязывал представителей четырех держав решить судьбу бывших итальянских колоний в течение одного года со дня вступления его в силу.

В результате проводившейся западными державами тактики оттяжек, проволочек и грубого нарушения мирного договора с Италией вопрос об итальянских колониях не был решен к установленному сроку и по предложению СССР был включен в повестку дня III сессии Генеральной Ассамблеи ООН, открывшейся в сентябре 1948 г. Ход обсуждения вопроса о бывших итальянских владениях в Политическом комитете ООН сразу же выявил наличие двух принципиально различных подходов к решению вопроса. Первая точка зрения была выражена в позиции колониальных держав и Италии, стремившихся лишь к сохранению и усилению своего влияния в Африке и увековечению режима колониальной эксплуатации экономически отсталых стран. Вторую точку зрения защищали представители СССР и стран народной демократии, твердо отстаивавшие интересы народов колоний и стремившиеся найти кратчайший путь к обеспечению им независимого развития.

Преследуя империалистические цели, США и Англия встали на путь тайного сговора с Италией в обход ООН. Эта заключенная в мае 1949 г. закулисная сделка (план Бевина –

Сфорца) предусматривала передачу Сомали в бессрочную опеку Италии.

Истинный смысл и политическую подоплеку плана Бевина – Сфорца вскрыл представитель СССР. Выступая на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи 17 мая, он заявил: «То, что Генеральная Ассамблея не смогла еще найти путь к урегулированию вопроса (о судьбе бывших итальянских колоний. – *А.Х.*)... можно объяснить лишь тем фактом, что определенные страны и, в первую очередь, Соединенные Штаты и Соединенное Королевство хотят иметь зависящую от них администрацию указанных территорий для того, чтобы... использовать их для стратегических целей, насаждая там военные базы» [1, р. 544].

Не собрав необходимого большинства голосов, англо-американская резолюция была отклонена и обсуждение вопроса отложено до IV сессии Генеральной Ассамблеи.

На IV сессии Генеральной Ассамблеи англо-американский блок предложил установить над Сомали на десять лет опеку Италии и учредить в помощь управляющей власти Консультативный совет из представителей Колумбии, Филиппин и Египта, но без представительства от местного населения. Эти предложения были с возмущением встречены всей прогрессивной мировой общественностью. Выражая позицию Советского Союза, советский представитель заявил 21 ноября 1949 г.: «Делегация СССР решительно возражает против установления итальянской опеки над Сомали, так как это решение противоречит желаниям подавляющего большинства населения этой страны» [2, р. 360]. Советский Союз предложил учредить над Сомали коллективную опеку ООН сроком на пять лет, после чего стране должна быть предоставлена независимость [3, 06/11/1949]. Защищая интересы угнетенных народов, Советский Союз предлагал учреждение консультативных комитетов с представительством от местного населения.

Против англо-американского проекта резолюции высказались представители СССР, УССР, БССР, Польши, Чехословакии и Эфиопии. Отношение народа Сомали к англо-американскому проекту учреждения итальянской опеки выразил в своем выступлении на IV сессии Генеральной Ассамблеи представитель Сомали Абдуллахи Исса, который заявил: «Народ Сомали предпочитает смерть итальянскому управлению».

Тем не менее под нажимом англо-американского блока Генеральная Ассамблея игнорировала справедливое желание сомалийского народа об учреждении хотя бы коллективной опеки ООН до получения страной независимости. 21 ноября 1949 г. англо-американский проект резолюции был принят. Генеральная Ассамблея вынесла позорнейшее решение – бывшая итальянская колония была отдана под опеку Италии.

Стремясь укрепить пошатнувшиеся после Второй мировой войны позиции империализма на африканском континенте, а также «отблагодарить» Италию за вступление в Североатлантический пакт, правящие круги США и Англии способствовали возвращению Италии в Африку.

На протяжении всего обсуждения вопроса о судьбе бывших итальянских колоний Советский Союз неизменно выступал в защиту интересов и прав малых народов и оказывал решительное противодействие колонизаторским устремлениям империалистических держав. Только благодаря твердой позиции Советского Союза удалось добиться хотя бы фиксированного срока опеки над Сомали.

27 сентября 1950 г. Совет по опеке утвердил проект соглашения об опеке, составленный Советом по опеке и правительством Италии. Не что иное, как стремление итальянских правящих кругов вновь навязать населению Сомали свое колониальное владычество, определило направленность этого документа. Характерно, что соглашение об опеке предусматривало право итальянских властей возводить на подопечной территории военные базы, размещать вооруженные силы и

вербовать в колониальные войска местное население. Соглашение об опеке не шло дальше декларирования прав местного населения на политическую деятельность, демагогически намечая при этом создание при итальянских административных органах совещательных советов, лишенных какой-либо реальной власти.

ООН игнорировала справедливые требования сомалийского народа. Составленное в полном противоречии с духом и буквой Устава ООН соглашение об опеке означало для народа Сомали восстановление ненавистного ему гнета итальянских колонизаторов.

Возрождение Италией колониальных порядков в Сомалии. Пагубные последствия решения IV сессии Генеральной Ассамблеи сказались на жизни сомалийского народа немедленно. 27 января 1950 г. Совет по опеке утвердил проект соглашения об опеке, а уже 6 февраля из Неаполя были отправлены в Сомалию первые транспорты с итальянскими войсками. Свою «опекунскую» деятельность правительство Де Гаспери начало с того, что разместило в феврале 1950 г. в Сомалии экспедиционный «корпус безопасности» в составе 3 тыс. солдат для поддержания «мира и порядка».

Этот корпус включал сухопутные, военно-морские и военно-воздушные силы, ему были приданы моторизованные части, артиллерия, инженерные и вспомогательные отряды и три батальона, укомплектованных сомалийцами. Для «охраны общественного порядка» были сформированы местные полицейские отряды («илалос») общей численностью более 1500 солдат и офицеров.

К моменту официального вступления Италии в права опекуна (1 апреля 1950 г.) общая численность итальянских вооруженных сил в Сомалию достигла уже 5 тыс. человек [4, р. 31–32].

Прибытие столь крупных вооруженных сил в Сомалию вызвало взрыв законного возмущения местного населения,

но Британская военная администрация запретила всякие демонстрации протеста.

В начале февраля 1950 г., несмотря на оппозицию коммунистов, социалистов и некоторых республиканцев, итальянский сенат одобрил закон об ассигновании на нужды военной и гражданской администрации в Сомалии значительной суммы – 6 млрд лир (около 9600 тыс. дол.) [5, 09/02/1950].

Произнося по этому поводу речь в палате депутатов, Де Гаспери уверял, что Италия возвращается в Сомали «с братской цивилизаторской миссией». Однако он тут же пояснил, в чем будет заключаться эта «миссия», добавив, что «правительство обязуется подавить любые попытки повстанческого характера» (цит. по [6, р. 21]).

Таким образом, уже первые шаги правительства Италии со всей очевидностью показали, что оно намерено восстановить на неподпечной территории военно-полицейский режим и проводить колонизаторскую политику, ничего общего не имеющую с предусмотренной статьей 76 Устава ООН системой опеки – «способствовать политическому, экономическому и социальному прогрессу населения территорий под опекой... его прогрессивному развитию по направлению к самоуправлению или независимости...» [7, р. 32].

1 апреля 1950 г. состоялась официальная церемония передачи власти в Сомали правительством Великобритании правительству Италии. 2 декабря 1950 г. Генеральная Ассамблея ООН утвердила проект Соглашения об опеке.

Установление опеки под контролем ООН с фиксированным сроком предоставления независимости означало известный шаг вперед в политическом и социально-экономическом развитии Сомали. Однако возвращение в страну в качестве опекунов ненавистных народу Сомали итальянских колонизаторов имело чрезвычайно пагубные последствия для страны.

Политика итальянской управляющей власти в Сомалии на протяжении периода опеки претерпела существенные изменения, обусловленные рядом факторов внутреннего и международного порядка. Характер этих изменений в политике управляющей власти позволяет условно разделить период итальянской опеки над Сомалией на два основных этапа.

Первый этап – период от установления опеки над Сомалией в декабре 1950 г. до выборов в Законодательное собрание в феврале 1956 г.

Второй этап – с момента выборов в Законодательное собрание и создания первого в истории страны /58/ национального сомалийского правительства и до 1 июля 1960 г., т.е. до дня провозглашения независимости Сомалии.

Первый этап периода опеки характерен бесконтрольным колониальным владычеством Италии в стране, когда Сомалия, имея юридически статус подопечной территории, фактически была колонией итальянского империализма.

Уже с самого начала своей деятельности итальянская администрация стала грубо нарушать основные положения Соглашения об опеке, а также рекомендации Совета по опеке и других учреждений ООН. Созданный итальянцами в Сомалии административный аппарат выполнял по существу функции колониальной администрации.

Вся высшая законодательная и исполнительная власть была сконцентрирована в руках итальянского администратора по опеке.

При администраторе имелся Управляющий комитет, в который входили: сам администратор, генеральный секретарь и от семи до девяти начальников правительственных департаментов и советников. Только с 1955 г. нескольких сомалийских должностных лиц стали приглашать на заседания Управляющего комитета, однако они по-прежнему не имели в нем права голоса.

Кроме того, на подопечной территории Сомали постоянно находился Консультативный Совет от ООН, состояв-

ший из трех членов (по одному от Египта, Колумбии и Филиппин).

С самого начала опеки в 1950 г. был создан Территориальный совет, состоявший из 51 члена (21 представитель от районов, 18 – от политических партий, 8 – от экономической группы, по одному представителю – от культурной группы, от итальянцев, арабов, индийцев и пакистанцев).

Члены совета – от районов и политических партий – назначались администратором, который выбирал угодных ему лиц из списков, представляемых ему региональными собраниями и политическими партиями (кандидатов было в два раза больше, чем число мест в совете). Остальные члены совета назначались администратором по рекомендации комиссаров провинций.

Функции Территориального совета были чисто совещательными; совет обсуждал с управляющей властью различные вопросы жизни территории, не касаясь, однако, иностранных и военных дел.

Вся территория Сомалии делилась на 6 провинций, которые, в свою очередь, делились на 30 районов. Во главе провинций стояли комиссары (позже резиденты) провинций, во главе районов – комиссары районов.

В городах избирались из числа местного населения муниципальные советы; в сельских местностях – окружные советы, состоявшие из вождей племен и представителей политических партий. Местные советы были, по существу, совещательными органами при местном представителе администрации по опеке, в их функции входило оказание помощи администрации, а также решение межплеменных споров о пастбищах, водоемах и т. д. [22, р. 353]. Таким образом, местные советы имели крайне ограниченные функции и вся власть на местах находилась в руках итальянских комиссаров и резидентов.

Сомалийцы неоднократно обращались с петициями в Консультативный Совет и в Совет по опеке ООН, требуя из-

менения состава и расширения прав Территориального совета и муниципальных советов. Так, например, в одной из петиций от 5 июля 1955 г., посланной в Совет по опеке, ставился вопрос о составе Территориального совета, члены которого не выбирались, а назначались управляющей властью. В той же петиции говорилось о фактическом отсутствии в стране местного самоуправления.

«Все высшие административные посты занимают итальянцы», – отметил в 1955 г. побывавший в Сомалии американский журналист Дж. Гантер [8, р. 278]. Вплоть до 1956 г. коренное население было фактически отстранено от участия в управлении собственной страной. Самая высокая должность, какой мог достигнуть сомалиец, была должность клерка или переводчика [9, 22.03.1952].

Политические, судебные и финансовые чиновники назначались итальянским министерством по делам Африки в основном из числа лиц, служивших в Африке при фашизме. Командующим вооруженными силами Сомалии был назначен бывший фашистский генерал Феррара, большинство офицеров – набрано из числа ветеранов разбойничьих войн фашистской Италии в Африке [8, р. 278].

Администратором подопечного Сомали был назначен генерал Наси, бывший губернатором Харара при режиме Муссолини и снискавший мрачную славу душителя народов Эфиопии.

Не случайно правительство Эфиопии выступило со специальным заявлением, решительно протестуя против назначения администратором Сомалии генерала Наси – военного преступника, одного из организаторов итало-эфиопской войны 1935–1936 гг. [10, 30.01.1950].

Поскольку вопрос о границе между Сомалией и Эфиопией оставался нерешенным, назначение администратором подопечной территории военного преступника Наси и отправка туда крупных вооруженных сил таили опасность серьезных провокаций. В Италии это решение вызвало взрыв

возмущения прогрессивной общественности, особенно энергично выступила против него Итальянская коммунистическая партия. Выступивший в парламенте от имени коммунистической группы Пайетта указал, что, посылая в Сомалию «фашистскую гиену и убийцу» – генерала Наси, правительство сознательно совершает провокацию в отношении народов Эфиопии и Сомали. «Коммунистическая партия, – заявил Пайетта, – отказывается быть сообщницей такой политики... Вы собираетесь проводить в Африке политику Кротоне, Модены и Торре Маджоре! ...Мы не желаем быть сообщниками ваших преступлений» [6, с. 22].

В конце концов под давлением требований общественности в самой Италии и начавшихся демонстраций протеста в Сомали итальянское правительство вынуждено было в феврале 1950 г. объявить об отставке Наси и замене его на посту администратора генералом Джованни Форнари [10, 06.02.1950]. Но, сделав эту вынужденную уступку общественному мнению, правящие круги Италии отнюдь не отказались от своего прежнего курса, направленного на восстановление в Сомалии колониальной политики времен фашистской диктатуры.

В период опеки и особенно в первые ее годы управляющая власть последовательно осуществляла в отношении неевропейского населения Сомалии политику расовой дискриминации. Африканцев третировали как людей «низшей расы», подвергали дискриминации. Яркой иллюстрацией может служить письмо сомалийского школьника, в котором рассказывалось, как итальянские дети с собаками охотились на сомалийского мальчика, в то время как их родители и полиция смеялись над этим «спортом». Мальчик был жестоко избит и кричал от боли и ужаса. Юноша-сомалиец пытался помочь ему, но был арестован и предстал перед судьей, который сказал: «Если ты повторишь что-либо подобное, ты будешь наказан. Сегодня же ты просто получишь двадцать ударов плетью» [11, р. 439].

Система заработной платы строилась в годы опеки по расовому признаку. Заработная плата сомалийцев составляла от двух до одной трети заработной платы итальянцев за равный труд. Рабочий-африканец получал в час от 0,45 до 0,65 сомало⁵, в то время как рабочий-европеец с такой же квалификацией получал в час от 3,5 до 4 сомало. Сомалийцы – государственные служащие получали лишь треть или четверть окладов лиц, прибывших из Италии [13, р. 669]. Даже в тюрьмах дневной рацион арестованного африканца был на 400 калорий меньше, чем арестованного европейца [12, р. 867].

Еще свежая в памяти сомалийского народа фашистская форма колониальной политики воспроизводилась итальянской администрацией по опеке с педантичной точностью как в политической, так и в экономической и социальной областях.

Сразу же после учреждения опеки над Сомалией правительство Италии стало открыто поощрять итальянскую иммиграцию на подопечную территорию. В основе империалистических притязаний Италии на «Рог Африки» лежало не только стремление ее правящих кругов завладеть этим важнейшим военно-стратегическим плацдармом, но и желание дать выход «избыточному» безработному населению Италии с тем, чтобы ослабить остроту социальных противоречий и облегчить преодоление послевоенных экономических трудностей в стране.

В результате иммиграции итальянское гражданское население в Сомалии, насчитывавшее в 1950 г. всего 3 тыс. человек, уже к 1952 г. увеличилось до 6 тыс. (не считая 5 тыс. офицеров и солдат [9, 19.04.1952]), а еще через два года – до 10 тыс. человек.

Итальянская иммиграция крайне отрицательно сказалась на положении африканского населения. «Иммиграция, –

⁵ Сомало – местная монета, равная 87,5 итальянских лир.

писали сомалийцы в одной из петиций в ООН, – означает полное отчуждение наших плодородных земель и естественных ресурсов. Она будет также означать реставрацию фамильных итальянских монополий в торговле и хозяйстве и, таким образом, установление иностранного контроля над всей экономической жизнью нашей страны... Кроме того... она усугубляет и без того критическое положение с безработицей местного населения» [9, 19.04.1952].

Одним из первых и наиболее губительных результатов установления опеки явилось изгнание местного африканского населения со всех лучших земель. С помощью полиции и армии итальянские власти предприняли широкую кампанию по экспроприации плодородных земель сомалийцев в бассейне рек Веби-Шебели и Джубы; «освободившиеся» земли были переданы итальянским компаниям.

Массовое земельное ограбление сомалийцев в интересах итальянского аграрного капитала – одна из главных причин домогательства итальянским правительством опеки над Сомалией.

С самого начала опеки в Совет по опеке ООН хлынул непрекращающийся поток петиций от сомалийцев, протестующих против отчуждения их земель и передачи их итальянцам [9, 05.07.1952].

САИС захватила земли, принадлежавшие племенам валамой и сагало. В ответ на петиции и жалобы представителей племен управляющие власти заявили, что компания САИС стремится «оказать сомалийцам помощь в создании кооператива и в обработке земли».

В одной из петиций несколько сомалийцев пишут о возмутительном факте, когда 300 га их земли были отобраны помещиком Анджелери; после того как они пожаловались итальянскому резиденту, им было заявлено, что они никогда не получат эту землю даже в аренду.

Одна из петиций, поступивших в ООН, написанная вождями и знатными людьми 17 деревень, повествует о траге-

дии 3 тыс. человек, земля которых, служившая им единственным источником существования, была захвачена пятью итальянскими фирмами. В другой петиции – жалоба на отчуждение 400 га земли сомалийцев в деревне Маномофф: четыре человека при этом были арестованы, и резидент запретил почтовым служащим даже передать телеграмму протеста в Консультативный Совет.

15 сомалийцев из района Афгой жаловались на передачу принадлежавшей им пахотной земли итальянцу Дель Буфало. 80 человек жаловались, что синьор Пуччиони пытался завладеть 500 га пахотной земли. Когда они заявили об этом резиденту, тот арестовал троих из них и бросил в тюрьму. Пуччиони завладел землей с помощью резидента и полиции [9, 25.07.1953]. Две петиции содержали жалобы по поводу экспроприации земли в районе Маргерита шестью итальянскими фирмами [9, 31.10.1953].

Массовая экспроприация земель и передача крупных земельных массивов под плантации монополистическим компаниям расширили сферу колониальной эксплуатации страны и, лишив значительную часть коренного населения основного источника средств существования, превратили его в источник дешевой рабочей силы и объект жесточайшей эксплуатации иностранным капиталом.

В результате широкой экспроприации земель местного населения подавляющая часть земельного фонда страны была сосредоточена в руках итальянских помещиков и сельскохозяйственных компаний.

В первые годы опеки управляющая власть вопреки Соглашению об опеке и рекомендациям ООН не только не заботилась о предоставлении сомалийцам политических свобод и демократических институтов, но и пыталась возродить фашистские методы колониальной политики.

Итальянские власти подвергли репрессиям Лигу младосомалийцев, выступавшую против установления режима опеки и стремившуюся возглавить национально-

освободительное движение. Уже в первые дни итальянской опеки было арестовано 300 членов Лиги младосомалийцев. Активных деятелей этой партии под различными предлогами арестовывали, высылали в отдаленные районы страны, подвергали пыткам в застенках итальянской полиции. Судебные процессы над ними были тайными и закрытыми для широкой общественности. В июне 1950 г. был арестован известный сомалийский политический деятель Фарах Сегулле. Был арестован в полном составе Комитет Лиги младосомалийцев в Байдоа.

После этого управляющая власть предприняла целую серию репрессивных акций и против других прогрессивных национальных элементов, в которых она видела потенциальную опасность для итальянского господства в Сомалии. Одной из главных целей администрации было устранение части сомалийской интеллигенции и элементов, враждебно настроенных в отношении режима опеки. Только в мае 1950 г. в Могадишо было брошено в тюрьмы свыше 3 тыс. человек, в Байдоа арестовано 511, в Кисмаю – 475, в Мерке – 306 человек и т. д. [14, р. 223]. Результатом жестокого террора, проводимого итальянскими властями, явилось массовое бегство сомалийцев в Эфиопию.

Факты, приводившиеся в петициях местных жителей в ООН и в докладах выездных миссий ООН, свидетельствовали об усилении в Сомалии жестокого колониального гнета. В стране был установлен военно-полицейский режим с неограниченной властью итальянской полиции. По словам одного сомалийского политического деятеля, тюрьма в Могадишо была единственным институтом, использовавшимся итальянским опекуном для воспитания сомалийского народа, который ему доверила ООН [15, р. 18].

В первые годы опеки расходы итальянских властей на содержание армии и полиции в полтора раза превысили все бюджетные расходы для гражданских целей, включая расхо-

ды на администрацию, здравоохранение, просвещение и общественные работы [11, р. 65].

Один греческий журналист, побывавший в 1952 г. в Сомалии, писал: «Я видел своими глазами, как итальянские карабинеры обращаются с народом. Четыре карабинера и шесть-восемь вооруженных полицейских прогуливались вдоль улицы. Заметив группу из двух-трех сомалийцев, они немедленно останавливали их, сбивали с ног и избивали...» [9, 29.03.1952].

Только в ночь с 6 на 7 марта 1952 г. полиция арестовала более 500 лиц, которым было предъявлено обвинение в политической деятельности, направленной против итальянских властей.

В марте 1952 г. в Галакайо произошел инцидент, вызвавший взрыв возмущения по всей стране. Итальянский резидент провинции Миджуртини приказал поднять в городе итальянский флаг. Сомалийцы были возмущены этим приказом: «Это наша страна, и мы не хотим итальянского флага». Тогда карабинеры открыли по толпе огонь, в результате чего было убито пять сомалийцев [9, 29.03.1952].

Кровавым террором, реставрацией в стране фашистских порядков итальянские колонизаторы надеялись парализовать силы национального сопротивления и предотвратить назревавший взрыв народно-освободительной войны.

Итальянское правительство даже не считало нужным скрывать тот факт, что под предлогом опеки оно вновь поднимает над Африкой знамя Муссолини – знамя колониального разбоя, угнетения и беспощадного истребления африканских народов.

Так, в мае 1950 г. неподалеку от Могадишо в присутствии главы итальянской администрации Форнари и генерала карабинеров Феррари состоялась торжественная церемония: старое фашистское знамя итальянского колониального корпуса в Сомалии было вручено «корпусу безопасности» [16, с. 17].

В многочисленных петициях сомалийцев в ООН указывалось, что в стране реставрированы законы, существовавшие при фашизме. Это подтверждалось и материалами, собранными Комиссией Совета по опеке, посетившей Сомалию в 1951 г.

Местные органы власти – окружные советы в сельских районах и муниципальные советы в городах составлялись из племенных вождей и старейшин, выбранных на племенных собраниях, а также местных представителей политических партий. Никакой реальной власти местные административные органы не имели. 28 марта 1954 г. были проведены первые муниципальные выборы в стране. Итальянские власти постарались максимально ограничить число избирателей, затруднив доступ к избирательным урнам широким массам трудящегося населения. С этой целью избирательные права были даны только оседлому населению, составлявшему не более пятой части населения страны. В выборах могли участвовать лишь мужчины старше 21 года; кандидаты должны были уметь читать и писать. В муниципальных выборах участвовало только 75,1 % всех избирателей. Несмотря на все это, на выборах 1954 г. победила подлинно патриотическая партия – Лига младосомалийцев, получившая 47 % общего числа поданных голосов [17, р. 51]. Из 281 места в 35 муниципальных советах Лига младосомалийцев завоевала 141 [8, р. 51].

Демократизация местных органов власти явилась первым серьезным отступлением итальянского империализма от позиций, занятых им в начале опеки, первым вынужденным шагом Италии на пути подготовки территории к самоуправлению. Но итальянский империализм отступал с боями. Он не хотел отказываться добровольно от установленного в Сомалии режима колониальной эксплуатации.

Доминирующее значение в сельском хозяйстве территории получила система крупного европейского землевладения.

Политика итальянского империализма, направленная на эксплуатацию Сомалии в качестве аграрно-сырьевого придатка экономики Италии, определила характер сельского хозяйства территории и его ориентацию на экспорт. Управляющая власть всячески способствовала производству ведущих экспортных культур – бананов и хлопка, выращиваемых исключительно на орошаемых землях – итальянских плантациях. Правительство Италии покровительствовало итальянским концессионерам, предоставляя им крупные субсидии и ежегодно закупая фиксированное количество бананов по ценам, значительно выше мировых. Напротив, африканское земледелие переживало период деградации и застоя. Африканцы были оттеснены на неплодородные и безводные земли. Уровень агрикультуры в африканском секторе сельского хозяйства был крайне низок. Урожайность непрерывно падала из-за увеличивающейся эрозии, периодических засух, отсутствия удобрений и распространения болезней растений. Никакой помощи от администрации сомалийские крестьяне не получали. Направленная в 1952 г. в Сомалию комиссия экспертов ООН констатировала, что «правительственная помощь туземному сельскому хозяйству не оказывается, хотя предоставление кредита, складов, транспорта и рыночных услуг, займов и технической помощи необходимо для улучшения сельского хозяйства и, следовательно, поднятия жизненного уровня населения» [18, р. 12].

В еще худшем положении находились крестьяне-скотоводы. Кочевое скотоводство – важнейший сектор африканской экономики страны; две трети сомалийцев – кочевники. Тем не менее, несмотря на значительное число скота, в товарной сельскохозяйственной продукции этот сектор большого значения не имел. Побывавшая в Сомали миссия Международного банка отметила, что «ни один другой сектор хозяйства не влияет так сильно на жизнь столь многих людей и не имеет столь широкого нереализованного потенциального экспорта» [19, р. 1841]. Важным аспектом полити-

ки управляющей власти был взятый ею курс на экономическую изоляцию подопечной территории и монополизацию Италией экономических связей с Сомалией. Эта политика явилась грубым нарушением статьи 10 Соглашения об опеке, предусматривавшей, что на территории должны быть обеспечены равные права как для итальянцев, так и для других лиц – подданных государств – членов ООН.

Итальянские монополии, захватившие командные позиции в экономике Сомалии, стремились с помощью политики торговой исключительности создать необходимые условия для того, чтобы по окончании политического господства Италии над «Африканским Рогом» обеспечить сохранение Сомалии в качестве аграрно-сырьевого придатка итальянского империализма. «Имеется крайне серьезная опасность, что, когда итальянская опека придет к концу, все главные естественные ресурсы территории будут в итальянских руках» [9, 23.08.1953], – не без основания указывала в августе 1953 г. газета «Нью Таймс энд Эфиопия Ньюс».

«Совершенно очевидно, – писал американский корреспондент Р. Чапмэн, – что Италия надеется захватить в Сомалии в течение десяти лет такие позиции, что станет совершенно безразлично, будет или нет Сомали формально политически независимым» [11, р. 437].

Превратив Сомалию в рынок сбыта своих товаров, Италия предприняла ряд мер для ограждения этого рынка от конкуренции других империалистических держав. Был введен жесткий таможенный тариф, имевший преференциальный характер в отношении товаров, импортируемых из Италии. Специальными постановлениями была запрещена выдача лицензий на импорт ряда товаров из любой страны, кроме Италии. В отношении экспорта сомалийских товаров действовало постановление, по которому перевод валюты в Сомалию должен быть гарантирован прежде, чем будет выдана соответствующая лицензия [11, р. 437].

Ввоз в страну дорогостоящих итальянских товаров, увеличение масштабов эксплуатации на основе неэквивалентного обмена больно отзывались на стоимости жизни сомалийского населения. В то же время следует отметить, что путем применения системы жестких регламентаций Италии удалось сдержать экспансионистское наступление США и Англии, которые в период опеки имели сравнительно незначительную долю во внешней торговле Сомалии.

Подводя итог сказанному о политике Италии в подопечной территории в 1950–1955 гг., можно определить этот период как период политики колониального грабежа и эксплуатации, ничем принципиально не отличающейся от политики фашистского правительства Муссолини в отношении Сомалии. В одной из петиций, направленных жителями Сомалии в ООН в начале 1954 г., говорится: «Принимаемые итальянскими властями меры основываются на декретах и королевских указах, изданных в колониальную эпоху и при фашистском правительстве... Явно ведется холодная экономическая война против сомалийцев для того, чтобы заставить их исчезнуть с лица земли... Мы находимся на той же стадии развития, на какой были в течение колониальной эры и фашистского режима... Наше положение даже ухудшилось, так как теперь итальянцы, вероятно, из желания мести или из-за того, что Сомалия больше не их колония... не занимаются решением проблем сомалийского народа... Они стремятся только довести его до самой мерзкой нищеты и создать неразбериху»⁶.

Еще во время обсуждения в июне 1952 г. в Совете по опеке отчета правительства Италии об управлении подопечной территорией за 1951 г. представитель СССР А. А. Солдатов на многочисленных примерах и фактах показал, что правительство Италии проводит в Сомалии антидемократическую политику, грубо попирая права и интересы коренного

⁶ Петиция в Совет по опеке ООН от 29.I.1954.

населения страны: «На подопечной территории восстановлены и действуют законы, выработанные итальянской администрацией во время колониального фашистского режима, а бывшие фашистские чиновники, служившие в Сомали и других африканских колониях и известные своими жестокостями в отношении коренных жителей, вновь назначены на ответственные посты в Сомали... Уровень жизни сомалийцев исключительно низкий, большинство населения страдает от таких болезней, как малярия, туберкулез, сифилис, тропические язвы и др. Несмотря на поголовную неграмотность, управляющая власть совершенно не заботится об образовании коренного населения» [20, 19.06.1952.]. В связи с тем что итальянские власти грубо нарушали права сомалийцев, представитель СССР предложил, чтобы Совет по опеке рекомендовал управляющей власти создать на подопечной территории законодательный и исполнительный органы, а также провести мероприятия, которые обеспечивали бы участие коренного населения в законодательных, исполнительных и судебных органах. Советский представитель предложил также, чтобы Совет по опеке потребовал от управляющей власти прекратить антидемократическую политику в отношении коренного населения и провести ряд мер, направленных на улучшение материального и культурного положения трудящихся.

В августе 1954 г. во время обсуждения очередного доклада итальянской администрации об управлении подопечной территорией в Совете по опеке советский делегат констатировал, что, несмотря на требования местного населения отменить колониальные и фашистские законы, они остаются в силе и не заменяются демократическим законодательством, соответствующим целям опеки. Советский делегат отметил, что управление территорией все еще находится в руках бывших колониальных чиновников и структура управления, по существу, носит колониальный характер. Местное население совершенно отстранено от управления. Советский предста-

витель вновь предложил потребовать от управляющей власти немедленно принять меры для обеспечения участия коренного населения в административных, законодательных, исполнительных и судебных органах [21, р. 23].

Рост международного авторитета СССР и других стран социалистического лагеря и изменение соотношения сил в ООН в пользу государств, выступающих против позорной системы колониализма, а также активизация сил национального сопротивления в Сомалии оказали заметное влияние на положение в стране и заставили итальянские власти пойти на некоторые уступки мировой общественности по линии демократизации административно-политической системы. Такого рода уступкой была некоторая демократизация системы местных органов власти.

Л и т е р а т у р а

1. United Nations. Official records of the third session of the general assembly». Part II. New York, 1950.
2. Объединенные Нации. Официальные отчеты четвертой сессии Генеральной Ассамблеи». Нью-Йорк, 1951.
3. Правда, 6.XI.1949.
4. Rapport du Gouvernement Italien a l'assemblée generale des Nations Unies sur l'administration de tutelle de la Somalie, 1953.
5. New York Times. 09.II.1950.
6. Новое время. – 1950. – № 8.
7. Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного суда. – Нью-Йорк, 1946. – С. 32.
8. *Gunther J.* Inside Africa. – London, 1955.
9. New times and Ethiopia news. 1952, 1953.
10. New York Times. 1950.
11. *Pankhurst E. S.* Ex-Italian Somaliland. – L.: Watts, 1951.
12. Rinascita. – 1958. – № 11–12.
13. ООН. Совет по опеке. Доклад о Сомали под итальянским управлением, 1952.
14. *Райт М.В.* Рецензия на книгу Е. С. Панкхерст // Советская этнография. – 1953. – № 1.

15. U. N. Bulletin. – Vol. 13. – 1962. – № 1.
16. Новое время. 1950. – № 21.
17. U. N. Review. – Vol. I. – 1954. – № 1.
18. The trust territory of Somaliland under Italian administration. Report prepared by the experts of U. N. – New York, 1952.
19. Burma commerce. – Vol. 8. – 1957. – № 5.
20. Известия. – 19.VI.1952.
21. U. N. Review. – Vol. I. 1954. – № 3.
22. Castagno A. Somalia. – New York, 1959.

В.К. Пархоменко

АФРИКОМ ПРОТИВ АРМИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ ГОСПОДА

Среди военно-террористических группировок («Боко Харам» в Нигерии, «Аш-Шабаб» в Сомали, «Аль-Каида» в странах исламского Магриба, распространившая террор на Мали, Нигер и другие соседние государства), поддерживающих нестабильность на Африканском континенте, особое место занимает так называемая «Армия Спасения Господа», которая с 1987 г. бесчинствует в районе Великих африканских озер. Ее целью было и остается свержение находящегося у власти с 1986 г. правительства Уганды во главе с президентом Й. Мусевени и создание в Центральной Африке теократического государства, основанного на десяти библейских заповедях. В достижении этой цели, возглавляемые бывшим католическим пастором Джозефом Кони, выходцем из угандийской народности ачоли, который объявил себя воплощением Святого Духа и посланником Бога на земле, боевики АСГ активно применяли и продолжают использовать методы насилия и террора. Поскольку новое общество, как считает их духовный вождь и военный лидер, могут построить только нетронутые грехами юные души, то при налетах на населенные пункты они вырезали все взрослое население, а детей угоняли с собой. Мальчики становились солдатами или слугами-носильщиками, а девочки – секс-рабынями или «женами» террористов. Отбирая детей у родителей, АСГ навязывала десяти – тринадцатилетним мальчикам и девочкам собственную систему нравственных координат, в которой война, убийства и безоговорочное подчинение были священной миссией и правом их вождя. Кто не подчинялся, того калечили или убивали, причем самым жестоким образом. По данным правозащитников, за время своего террора эта экстремистская группировка погубила десятки тысяч че-

ловек; около двух миллионов стали беженцами или временно перемещенными лицами [1].

Со временем преступная деятельность АСГ вышла за рамки чисто угандийской проблемы. Как и многие другие террористические организации на Черном континенте, АСГ распространила свои акции за пределы страны, в частности на восток Центральноафриканской Республики (ЦАР), на северо-восток Демократической Республики Конго (ДРК), а также территорию Южного Судана и Республику Чад.

С самого начала борьба с АСГ велась силами сразу нескольких правительственных армий. Это были армии затронутых ее террором государств, к которым позже присоединились вооруженные силы нескольких миссий ООН в регионе (Миссия ООН в ДРК, Миссия ООН в ЦАР, Миссия ООН в Южном Судане), а также силы Региональной инициативы сотрудничества Африканского Союза, которые были созданы только и исключительно для борьбы с АСГ.

Неоднократные попытки этих силовых структур покончить с АСГ были безуспешными. Так, проведенная в марте 2002 г. угандийской армией численностью в 10 000 военнослужащих операция «Стальной кулак» на территории Южного Судана не достигла поставленной цели, в первую очередь из-за отсутствия точных разведданных, плохой связи и низкой мобильности армейских частей. Такая же участь постигла угандийцев и в марте 2004 г. при повторной операции под этим же названием. Более удачной оказалась проведенная в декабре 2008 г. с одобрения СБ ООН Угандой, ДРК и Южным Суданом операция «Удар молнии», в результате которой были вытеснены, но не уничтожены боевики АСГ в заповеднике Гарамба. Захватить в плен самого Кони тогда не удалось, и он в порядке возмездия провел несколько нападений на мирные селения в северо-восточной части ДРК [2].

Хотя на зверства, совершаемые АСГ в течение более двух десятилетий в мировом общественном мнении, и в частности США, мало обращалось внимания, поскольку не

рассматривали ее в качестве серьезной угрозы интересам безопасности Америки. На официальном уровне эта экстремистская группировка, тем не менее, была признана Госдепом как террористическая организация. Поэтому еще в начале 1990-х сменяющая одна другую администрация США в своих заявлениях не только осуждала чинимые АСГ теракты, но и оказывали значительную гуманитарную помощь пострадавшим жителям африканских деревень, а также осуществляли подготовку угандийских военнослужащих и предоставляли им вооружение и военное оборудование для ее ликвидации.

После известных событий 11 сентября 2001 г. к борьбе с АСГ активно подключились и США. Эта экстремистская организация и ее предводитель Кони были объявлены Вашингтоном одними из главных «глобальных террористов». Когда Международный суд в Гааге выдал ордер на арест Кони и других командиров АСГ, Конгресс и администрация США поддержали это решение. В августе 2004 г. Конгресс США принял специальную резолюцию по ситуации в Северной Уганде, в которой говорилось о преступлениях, совершаемых боевиками АСГ и более 1 млн беженцев и внутренне перемещенных лиц [3].

В конце 2008 г., когда объединенные ВС Уганды, ДРК и Южного Судана начали операцию под названием «Удар молнии» против бесчинствующих в Национальном парке Гарамба (ДРК) комбатантов Кони, президент Дж. Буш-мл. дал указание образованному в 2007 г. специальному региональному командованию США – АФРИКОМу оказать финансовую и логистическую помощь угандийскому правительству в ходе этой операции, причем на весьма значительную сумму для закупки спутниковых средств связи, приборов ночного видения и другого снаряжения [4]. И хотя ВС США не принимали прямого участия в этой операции, однако 17 американских советников и аналитиков оказали угандийцам помощь в обработке разведанных, применении специального

военного снаряжения и использовании горюче-смазочных материалов.

С приходом в январе 2009 г. в Белый дом нового президента США Барака Обамы участие США в борьбе с АСГ стало еще более активным. Окружившие его советники – госсекретарь Хиллари Клинтон, представитель США в ООН Сьюзан Райс и новый зам. Госсекретаря по африканским делам, бывший посол в Уганде Джонни Карсон – высказывались за более серьезную помощь США ввиду ситуации в Уганде. За помощь ей в борьбе против АСГ выступали и многие члены обеих палат Конгресса, принявшие 11 марта 2010 г. соответствующий законодательный акт, который 24 мая этого же года был подписан президентом. А 24 ноября 2010 г. администрация Обамы, как предписывал принятый американскими законодателями документ, обнародовала стратегический план США по оказанию помощи Центральной Африке в ликвидации угрозы гражданскому населению и региональной стабильности со стороны АСГ. Названный «Стратегия поддержки для содействия разоружению АСГ» он предусматривал: 1) поимку лидеров этой террористической организации; 2) защиту гражданского населения от нападения ее боевиков; 3) поощрение дезертирства из АСГ и 4) оказание гуманитарной помощи пострадавшим от действий АСГ общинам [4].

О начале новой силовой акции в Африке против АСГ президент Обама проинформировал Конгресс в октябре 2011 г. В специальном послании главы Белого дома сообщалось, что американские военные консультанты из АФРИКОМА будут оказывать помощь в борьбе против террористической группировки Кони властям четырех стран – Уганды, ЦАР, ДРК и Южного Судана. Непосредственного участия американцев в боевых операциях не предусматривалось – они могли использовать оружие «только в порядке самообороны». Целью операции была нейтрализация АСГ, а также захват или физическое уничтожение ее лидера [4].

До послания Обамы Конгрессу о намерении США оказать содействие одной из центральноафриканских стран в борьбе с АСГ – ДРК заявил в ходе своего визита в эту страну командующий АФРИКОМ генерал Р. Хэм во время встречи с начальником Генштаба ВС ДРК генерал-лейтенантом Д. Этумбой.

Еще до начала операции АФРИКОМ против АСГ многие эксперты и аналитики, комментируя это решение Белого дома, были убеждены, что истинная цель президента Обамы была иная: обезопасить маршруты нефтяного экспорта, установив порядок на территориях, по которым должны пройти стратегически важные для Вашингтона нефтепроводы и в первую очередь – разработанный американскими корпорациями амбициозный «проект века» – нефтепровод из Южного Судана в Камерун, откуда нефть могла бы доставляться на танкерах в США. Для реализации этого плана необходимо было устранить главное препятствие – присутствие в Южном Судане Кони и его боевиков. В результате успешных действий против них со стороны вооруженных сил Уганды, ДРК и ЦАР они были вынуждены переместить туда свои лагеря, из которых они не раз проводили операции против южно-суданских военных и местного населения, вырезая целые деревни, а однажды даже захватили пригород столицы Джубы [5].

В комментариях по поводу участия АФРИКОМ в поимке лидера АСГ также отмечалось, что власти нового африканского государства – Южного Судана воспринимают Вашингтон как главного стратегического союзника и даже готовы предоставить свою территорию для создания военной базы США – крупнейшей в Африке [6]. Такая постановка вопроса южноафриканским руководством отвечала стратегическим планам самих США в их стремлении закрепиться в Центрально-Африканском регионе. Именно на это указал в своей статье «Джозеф Кони, предлог Америки для завоевания Африки» директор Центра глобальных исследований

университета Оттавы М. Чоссудовски. Он подчеркнул, что за «дымовой завесой» похода против АСГ кроется намерение Соединенных Штатов закрепить в богатой на стратегические сырьевые ресурсы Центральной Африке [7, с. 181].

Открыв в октябре 2011 г. кампанию по борьбе с глобальным терроризмом, США направили в Уганду отряд из 100 спецназовцев АФРИКОМА на поимку или ликвидацию Кони и его боевиков. В январе 2012 г. к этой сотне американцев присоединилось 50 английских военных советников и 30 французских консультантов по безопасности. Кроме того, в операциях против отрядов АСГ, общая численность которых в тот период не превышала 10 тысяч человек, участвовало около 100 тысяч военных из четырех африканских стран – Южного Судана, ДРК, ЦАР и Уганды.

Параллельно со все большим вовлечением спецназа АФРИКОМ в борьбу с АСГ в США развернулась общественная кампания с требованием ускорить поимку Кони. Ее катализатором стал одновременный показ в начале марта 2012 г. по каналам You Tube и Vimeo документального фильма «Kony 2012». Получасовой ролик режиссера Джейсона Рассела, идеолога и активиста независимой американской правозащитной организации «Невидимые дети» (Invisible Children), который несколько лет занимался исследованием нарушений прав человека в Уганде, довольно эмоционально и доходчиво рассказал о жутких злодеяниях бандформирований Кони. Телефильм буквально взорвал американскую общественность и мгновенно стал вирусным: за несколько дней его просмотрели более 100 млн человек в США и по всему миру. Многие сторонники организации «Невидимые дети», в том числе звезды Голливуда Анджелина Джоли и Джордж Клуни, а также другие известные общественные и политические деятели Америки выступили в социальных сетях с призывом к немедленной поимке кровавого лжепророка – детоубийцы из Уганды. В ноябре 2012 г. в Вашингтоне состоялся «Глобальный саммит по АСГ». В нем помимо аме-

риканских правозащитников приняло значительное число их коллег из многих стран, которые также призвали поймать террориста-маньяка и положить конец его преступной организации [8].

Задача эта была непростой. Как было сказано выше, еще до решения об использовании в борьбе с бандформированиями Кони американского спецназа африканские страны, в которых бесчинствовали боевики АСГ, едва ли не ежегодно проводили операции по их уничтожению, которые каждый раз заканчивались неудачно. Дело в том, что эти акции осуществлялись в труднодоступной местности, которую боевики знали гораздо лучше, чем представители регулярных армий, проявлявших неспособность воевать с мобильными партизанскими формированиями. Серьезные проблемы у подразделений ЦАР, ДРК, Южного Судана и Уганды наблюдались и при разведке. Достаточно упомянуть о том, что донесения относительно численного состава АСГ расходились в диапазоне 500-9000 человек.

Неудачными были и попытки международного сообщества. Так, с 2006 г. ООН неоднократно пыталась провести спецоперации по нейтрализации Кони. Самыми известными были действия в 2008–2009 гг. гватемальского спецназа в Национальном парке Гарамба (ДРК), на территории которого находились старые базы АСГ. Эти попытки наглядно показали, что боевики Кони не являются простыми бандитами, способными воевать против мирного населения, как это казалось многим. Один из боев в январе 2009 г. завершился тем, что никто из 8 гватемальских спецназовцев, включая их командира, не вышел живым из джунглей. Трофеями бойцов АСГ стало новейшее американское вооружение, которое предоставили гватемальцам их коллеги из США.

Одной из причин неудач силовиков в противоборстве с боевиками Кони является сама обстановка, в которой приходилось действовать армейским подразделениям четырех африканских армий совместно с миротворцами ООН. При со-

храняющейся на территории обширного региона нестабильности, слабости или отсутствии государственной власти, неразвитости инфраструктуры и пористости межгосударственных границ боевики применяли весьма эффективную тактику ведения военных действий. Будучи не в состоянии противостоять превосходящим по численности и вооружению правительственным войскам, повстанцы старались избегать боев с крупными соединениями противника и отходили в горно-лесистые районы Южного Судана и ДРК. Оттуда они совершали набеги на Уганду, а попутно терроризировали население приютивших их стран. Их боестолкновения с регулярными войсками проходили в густых труднодоступных лесах (в джунглях), откуда высококомобильные отряды боевиков, отлично знающие местность и хорошо маскировавшие свои лагеря, всякий раз успешно ускользали и показали себя, по признанию некоторых военных экспертов, «живучей силой». Секрет этой «живучести» состоит в насильственном пополнении своих рядов малолетними солдатами в возрасте от 12 до 16 лет, которые несут службу наравне со взрослыми. У этих детей-солдат еще не развит в должной мере страх смерти, ими легче маневрировать и меньше шансов, что они дезертируют [9].

Банды АСГ заключали союзы с действующими в регионе другими экстремистскими группировками, что отвлекало внимание и значительные силы правительственных войск для борьбы с ними. В контролируемых боевиками районах велась незаконная торговля колтановой рудой, золотом, алмазами и другими ценными минералами, которые боевики реквизируют у местного населения, добывавшего эти полезные ископаемые в примитивных шахтах и рудниках. На вырученные средства закупалось оружие и медикаменты. Активно велась также контрабанда слоновой кости, которую боевики добывали сами браконьерским способом в национальном заповеднике Гарамба [10].

Немалую роль в выживании и сохранении боеспособности террористической группировки Кони сыграл Северный Судан. В отместку правительству Уганды за поддержку боровшихся за отделение Южного Судана повстанцев Народной армии освобождения Судана (НАОС) Хартум начиная с 1994 г. осуществлял военную подготовку, а также предоставлял оружие, убежище и продовольствие отрядам Кони. В 2004 г. это сотрудничество и поддержка Северным Суданом боевиков АСГ несколько ослабли, но после пятилетнего перерыва контакты между ними были восстановлены на прежнем уровне. Огромное число свидетельских показаний и фактов, как утверждают многие авторы, указывает на то, что с 2009 вплоть до 2013 г. террористическая группировка Кони действовала, находясь в анклав Кафия Куинги – одном из спорных районов на границе между Северным и Южным Суданом.

Этот анклав в настоящее время находится под контролем Хартума (Республика Судан). Именно в нем, согласно информации перебежчиков из АСГ, а также других источников, находились обустроенные лагеря и базы боевиков, а также их лидер после того, как большая часть из них была вытеснена с территории Северной Уганды и востока ДРК. Сам Кони впервые появился и оставался какое-то время в Кафия Куинги в 2010 г. Он возвратился туда в 2011 г. и находился в этом безопасном убежище вместе с другими высшими командирами АСГ в течение всего 2012 г. Скрываясь в этом анклав, Кони продолжал руководить нападениями на гражданское население в соседних странах, рассылая соответствующие указания остававшимся там отрядам своих сторонников [11].

Имеющаяся у АСГ возможность не только скрываться, но и действовать, находясь в анклав Кафия Куинги, представляет серьезную проблему для силовиков на региональном и международном уровне в исполнении поставленной перед ними задачи – полностью ликвидировать эту террори-

стическую группировку. Руководимые согласно мандату Африканского Союза (АС) ее собственные вооруженные силы и ее союзников по борьбе с АСГ не имеют права вторгаться в Кафия Куинги без согласия на то со стороны Хартума, поскольку такая акция явилась бы нарушением суверенитета Северного Судана⁷ и пока северосуданская сторона не даст на это «добро», вышеуказанный анклав будет служить надежным периодическим убежищем для Кони и его боевиков.

Происшедшие в марте 2013 г. политические потрясения в ЦАР, где повстанцы свергли предыдущее правительство, еще в большей степени дестабилизировали северовосточную часть этой африканской страны, которая также имеет общую границу с Кафия Куинги и делает этот анклав еще более привлекательным для командиров АСГ в качестве безопасного убежища.

Со всеми этими трудностями и проблемами в борьбе с АСГ пришлось столкнуться и спецназовцам АФРИКОМ. Прибывшие в конце октября 2011 г. в Центральную Африку они были расквартированы в пяти объединенных командных пунктах – своего рода штабах по проведению контртеррористических операций (в Энтеббе – Уганда, Обо и Джемме – ЦАР, Дунгу – ДРК и Нзаре – Южный Судан). Эти объединенные командные пункты представляют собой оборудованные компьютерной техникой и средствами оперативной связи небольшие офисы для координации действий четырех стран, участвующих в борьбе с боевиками Кони. В них осуществляется обмен информацией о перемещении бандформирований, а также планируется проведение боевых операций.

⁷ Под давлением АС правительство Северного Судана в 2011 г. было вынуждено согласиться на однократное проведение ВС Уганды такой операции. Но, видимо, Кони был об этом заранее предупрежден, поскольку ни его самого, ни его боевиков там не оказалось.

Командные пункты работают в тесном контакте с гуманитарными организациями и находящимися в вышеуказанных странах миссиями ООН, а также местными общинами, информируя их в целях безопасности об очагах террористической деятельности АСГ и возможном появлении боевиков Кони в том или ином населенном пункте. Главной задачей задействованных в этих опорных пунктах американских военных является обработка и оценка разведанных, подготовка наступательных операций, а также налаживание тылового обеспечения. Спецназовцам АФРИКОМ было запрещено участвовать вместе с африканскими военнослужащими в патрулировании и поисках отрядов АСГ. Вся их антитеррористическая деятельность – это консультирование местных военных как эффективнее готовить и проводить боевые операции.

В ряде публикаций относительно участия спецназа АФРИКОМ в борьбе с АСГ отмечается, что завезенные американцами сенсорные датчики, приборы ночного видения и другое новейшее оборудование оказались малопригодными для их применения в густых зарослях африканских джунглей. Поэтому в оценке разведанных при подготовке операции можно было полагаться только на донесения местных лазутчиков. Весьма эффективно использовались лишь средства мобильной связи, а также работающие на коротких частотах радиостанции, призывавшие на французском, английском и местных языках участников бандформирований к прекращению террора, дезертирству, возвращению домой, а также гарантировавшие им амнистию и оказание медицинской помощи [11].

Хотя при участии спецназа АФРИКОМ в борьбе с АСГ ликвидировать эту террористическую группировку вместе с ее лидером пока не удалось, некоторые сдвиги в этом плане все же произошли, что и было отмечено в Вашингтоне. После доклада в январе 2012 г. Совета национальной безопасности Конгресс США в целом позитивно оценил результаты

150-дневного пребывания инструкторов и консультантов спецназа АФРИКОМ на Черном континенте и принял решение в апреле 2012 г. резолюцию о продлении их миссии для дальнейшей координации действий, нацеленных на уничтожение боевиков АСГ. В октябре 2013 г. пребывание спецназа АФРИКОМ продлили еще на один год. В марте 2014 г. было принято решение увеличить их число еще на 150 военнослужащих, а также активно применять, в условиях джунглей, специальную авиацию, в частности самолеты (конвертопланы CV-22 Osprey) с вертикальным взлетом и посадкой, которые способны нести на борту, помимо членов экипажа, еще 24 десантника [12].

На наш взгляд, при анализе общих итогов и перспектив дальнейшего участия АФРИКОМ в борьбе с АСГ вплоть до ее полной ликвидации, следует исходить, прежде всего, из объективной оценки нынешнего состояния и потенциальных возможностей этой террористической организации. Как уже отмечалось, несмотря на все усилия по поимке ее лидера Кони, он не был ликвидирован или взят в плен, хотя в настоящее время он остается изолированным более, чем когда-либо. Руководимая им АСГ сохранила себя как самостоятельная сила, хотя лишена на сегодняшний день прежней материально-тыловой базы и расчленена на рассеянные по всему Центрально-Африканскому региону мелкие группировки, которые, как считают многие, в том числе военные эксперты, не представляют серьезной угрозы. По последним данным (2016 г.), у Кони при наличии нескольких десятков отрядов осталось в строю не более 200 боевиков – значительное сокращение их общего числа, когда на пике активности АСГ в период с 1987 по 2006 г. их насчитывалось около 20 тысяч. В последние годы на порядок сократилось число беженцев и перемещенных лиц. Если в начале 1990-х их было около двух миллионов, то в середине 2015 г. – менее двухсот тысяч.

Большие потери понесло и ближайшее окружение Кони. Несколько ключевых командиров было убито, захвачено

в плен или разбросано по всему региону. В январе 2015 г. сдался в плен последний из старших командиров АСГ и приближенный Кони Доминик Онгвен, который в январе 2016 г. был переведен в Гаагу, где в отношении его начались слушания в Международном уголовном Суде [13].

Значительно сократились и потери в личном составе главной ударной силы, борющейся с боевиками АСГ – угандийской армии. Об этом в ходе брифинга в марте 2016 г. сообщил тогдашний командующий АФРИКОМ генерал Дэвид Роджерс, указав, что в период активной борьбы в течение 20 месяцев с АСГ (с ноября 2012 по июнь 2014 г.) был убит 51 угандийский военнослужащий, а в течение следующих 20 месяцев (с июля 2014 по февраль 2016 г.) только 9 бойцов. Командующий также высоко оценил активность всей Региональной целевой группы в лице ее военных, гражданских ведомств и неправительственных организаций, благодаря усилиям которых АСГ больше не угрожает стабильности в регионе, а ее способность наносить ущерб гражданскому населению заметно ослабла [14].

На наш взгляд, победные реляции командующего АФРИКОМ были преждевременными, особенно по части угрозы мирным гражданам со стороны боевиков, о чем свидетельствовала статистика совершенных ими терактов. В 2015 г. они похитили 662 мирных жителя, обстреляли около 200, убив 19. В прошедшем (2016 г.) ими было совершено 200 нападений, похищено 647 человек и убито 19.

Это свидетельствует о том, что, несмотря на потери в живой силе, АСГ все еще до конца не уничтожена и при наличии такого харизматического лидера, каковым является Кони, может со временем восстановить прежнюю боеспособность.

В конце прошлого года в американских СМИ появилось сообщение, что АФРИКОМ планирует сворачивать свое участие в борьбе с АСГ. Эту новость подтвердил нынешний командующий АФРИКОМ генерал Томас Уолдхаузер, за-

явивший в интервью 16 ноября 2016 г., что приоритетом Командования в борьбе с терроризмом на континенте будут боевики ИГИЛ, появившиеся в Ливии в районе города Сирт. Новым командующим было также сказано, что АФРИКОМУ дано указание пересмотреть в этой связи его нынешнюю кампанию, направленную на АСГ. В первую очередь, в плане экономии бюджетных средств, поскольку на борьбу с боевиками Кони ежегодно расходуется 100 млн дол. Вместе с тем, по его словам, эта борьба будет продолжена, но примет иные формы в связи с существенным сокращением в настоящее время численности самой АСГ. Какие формы она примет в будущем, сказать пока затруднительно. Но если не будет оказана поддержка со стороны международного сообщества, и в первую очередь со стороны США, то Кони сможет вернуть былую численность своей террористической группировки, восстановить ее структуру и обучить новых боевиков взамен погибших террористов.

Тем не менее, как нам представляется, ввиду объявленного новым главой Белого дома президентом Дональдом Трампом намерения «стереть с лица земли исламский терроризм», в том числе такие его очаги в Африке, как «Аль-Каида», ИГИЛ, «Боко -Харам» и «Аш-Шабаб», то задача окончательной ликвидации заодно с ними АСГ, если такой вопрос встанет в повестку дня антитеррористической стратегии администрации США на Черном континенте, будет возложена на АФРИКОМ, который, согласно своему мандату, продолжит начавшуюся при Обаме борьбу с этой террористической организацией.

Л и т е р а т у р а

1. Uganda's brutal Lord's Resistance Army, past and present. URL: <http://www.timeslive.co.za/Africa/2016/12/04/Ugandas-brutal-Lords-Resistance-Army-past-and-present>
2. Le Sage Andre. Countering the Lord's Resistance Army in Central Africa. Strategic Forum. National Defence University, July 2011. URL: ndupress.edu/Portals/68/Documents/SF270.-pdf

3. *Arieff Alexis, Blanchard Lauren Ploch, Husted Tomas F.* The Lord's Resistance Army: The U.S. Response. Congressional Research Service, September 28, 2015.
4. *Forest James.* Final Report: Lessons from the Hunt for Joseph Kony and Lord's Resistance Army. US Military Deployments to Africa JSOU-U.S. Special Operations. URL: jsou.socom.mil/.../JSOU-14-4_Forest_LRA_Final.pdf
5. *Юсин М.* США убивают нескольких зайцев. URL: <http://www.rosbalt.ru/blogs/2011/10/18/902630.html>.
6. U.S. Strategic Interests in Uganda. A Stratfor Intelligence Report. URL: http://www.realclearworld.com/articles/2012/03/08/us_strategic_interests_in_uganda
7. *Сидорова Г.М.* Проблема безопасности и реформы армии Демократической Республики Конго. Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2013. – Т. 155. – Кн. 3, 4.2.
8. Invisible Children “Global Summit on the Lord's Resistance Army. URL: <http://blog/invisiblechildren.com/2012/12/06/global-summit-on-the-Lra-the-highlights.-pdf>
9. The Lord's Resistance Army: violence in the name of God. URL: http://www.dw.com/en/the-lords-resistance-army-violence-in-the-name-of-god/a-1813_pdf
10. *Bishop Mac William.* Inside the Green Berets' Hunt for Wanted Warlord Joseph Kony – NBC – News. URL: <http://www.nbcnews.com/news/world/inside-green-berets-hunt-warlord-joseph-kony>
11. Lord's Resistance Army – US Military Deployments to Africa JSOU-U.S. Special Operations. URL: http://www.jsou.socom.mil/.../SOU-14-4_Forest_LRA_Final.Pdf.
12. *Cooper Helene.* More U.S. Troops to Aid Uganda Search for Kony. URL: <https://www.nytimes.com/2014/03/24/world/africa/obama-is-sending-more-resources-for-joseph-kony-pdf>
13. *Morgenrath Birgit.* Manhunt for Joseph Kony continues as deputy faces ICC. URL: <http://www.dw.com/en/manhunt-for-joseph-kony-continues-as-deputy-faces-icc/a-189.-pdf>.
14. *Fabricius Peter.* Is the Lord's Resistance Army rising again? URL: <http://www.herald.co.zw/is-the-lords-resistance-army-rising-again/-pdf>.

Idahosa Stephen Osaherumwen

**LIBYA’S CONTEMPORARY INSTABILITY
AND ITS EFFECT ON REGIONAL STABILITY:
AFRICA AS A CASE STUDY**

Introduction

Alberto Ades and Hak B. Chua in conformity with Global Peace Index defines regional instability, «as political instability in neighboring countries, that has a strong negative effects on a country's growth, peaceful coexistence and income per capital growth rate. The magnitude of this negative externality is found to be equivalent to the effect from an identical increase in domestic political instability» [1, 5]. Idahos S. [6] sees it to be an interconnection of instability, stating that the instability of a country has an adverse effect on its neighbor. The end of Gaddafi’s regime and its crushing defeat made Libya a trap of civil war and creating a fragile coastal area, which ultimately now becoming a real threat to the African region and economic interests and development, as no economic activities can last in the absence of security and stability.

The trajectory of instability and terrorism in Libya will determine the future of North Africa and could affect the entire Mediterranean rim; possibly for decades. Time is running out for effective preventive action [8]. In the eastern part of the country, meanwhile, General Khalifa Haftar is increasingly aided by the United Arab Emirates, Egypt, and Russia – is focusing on consolidating control in Benghazi and Derna. One of his top leaders, the governor and General Abdul Razzak Al-Nazhuri, is positioning his military leadership in the strategic municipalities of the region [4].

The United Nations Security Council resolution 1973 of March 17, 2011, in paragraph 1 [15], demanded an immediate ceasefire, and in paragraph 2, stressed the need to find a solution to the crisis, making specific mention of the AU’s effort at “fa-

ilitating dialogue to lead to the political reforms necessary to find a peaceful and sustainable solution.”. Nonetheless, by the time this resolution was passed, the P3 (France, Britain and the United States) had already made their decision that military action would continue until regime change had been achieved [14, p. 4–6]. The AU’s position was that there was always time for negotiation, and that an attempted military solution would have high costs for Libya and unknowable repercussions for the region.

The deterioration of the situation in Libya has originally expose the impression that the events of the past three years explain the failure of the West’s approach to achieving stability and instead leading the country to a civil war due to the lack of an effective central authority that would have been able to protect Libya from falling into chaos. This has therefore position Libya and the countries along the African coast in the state of fragility and fragmentation by sectarian, religious, and revolutionary affiliations. This has made it a safe haven for ISIS, Al-Qaeda and other radical Islamist movements [12].

Recognizing that public order in Libya is out of control, there were numerous international meetings in November 2016 to try to arrive at solutions. None yielded real progress, and the international community remains starkly divided in terms of who to support on the ground: The United States, Italy, the United Kingdom, Algeria, Turkey, and Qatar support Tripoli in the west; while Russia, Egypt, the UAE, and France support Benghazi in the east. Certainly the Islamic State sees Libya as its most promising safe haven. As the spread of the Islamic State is stemmed from the rolled back in Iraq and Syria, it is relocating key combatants to Libya.

Libya and Regional Instability

The AU initiative suffered from many flaws, including internal divisions within the continent, poor public relations, and the failure to counteract negative perceptions of the African in-

tention and role among Libyans and internationally. The Libyan opposition was deeply skeptical of the AU's endeavor. Nonetheless the AU roadmap and framework were the only full package on offer for a peaceful resolution of the conflict and it failed primarily due to opposition from the P3.

According to Alex de Waal [2], "The AU's principal diplomatic advantage was that only African leaders could make the case to Gaddafi that he should both stop his assault on civilian populations and step down, with any credibility. A combination of African access to Gaddafi and NATO leverage over the TNC could have provided the basis for a negotiated settlement. However, this possibility was never pursued." Asim Fath-Elrahman Ahmed Elhag argue that, the role of Sudan was critical in the overthrow of Gaddafi. Sudanese support to the Libyan opposition was immediate and generous, based on Sudan's interest in ending Gaddafi's patterns of interference in its internal affairs [3]. While the Chadian President Idriss Déby feared the NTC, which he saw as rigidly Islamist and ready to expel Africans from Libya. He was also aware of the potential for Libya conflict of causing instability outside its borders. On the other hand, Algeria is a powerful influence throughout the Maghreb and the Sahara. Algerian politics present an enigma: it gives the appearance of continual crisis but the regime displays a remarkable resilience. Algeria took a strong non-interventionist position in the 2011 conflict and Libyans see it as representing the old order. The Algerian security services enjoy a reputation for penetrating all armed groups and political formations both inside and across their borders, making them a formidable presence in the region. However, the role of Qatar in Libya and more widely in the Middle East and Africa has not been subject to much critical scrutiny by scholars, perhaps because of Qatar's role as a prominent sponsor of higher education, research and mediation. Initially Qatar carved out the niche of mediator, serving as friend to all, but during 2011 played a more assertive role in intervening in Libya.

This paper however pays special attention to the adverse effect of the conflict in the region, while in the case of Mali this crisis was triggered by the Libyan conflict, specifically the return of several thousand Malian Tuareg who had served in the Libyan armed forces, the intricacies of the internal politics of Mali might have also being part of the roots of the crisis, which can also be seen as one intrinsic to the Malian state itself.

Though Syria and Iraq are the main theaters of global standoff and terrorist activity in recent years, there is another country that also draws the attention of the world powers: Libya. Since the fall of Muammar Gadhafi in 2011, the war-torn country has been in a constant crisis fueled by the West's inability to implement any kind of a peace settlement involving a wide range of competing entities operating in the country [13]. Libya is rich in oil fields and its geographical location allows terrorist groups to control illegal traffic from the rest of Africa to Europe and Middle East. As a result there is a serious threat that a new terror state will rise in Libya due to the terrorist expansion to the region. This expansion will intensify as terrorists lose territorial control in Syria and Iraq. Human trafficking, the narcotics trade and oil smuggling will allow for the setting of an expansive economic ground for a newly entrenched terrorist regime. The growing destabilization in Libya will also increase illegal migration flow to Europe. Moreover, the Mediterranean migration route opens a highway for terrorists aiming to set up sleeper terrorist cells or conduct terrorist actions across the whole of Europe.

External Intervention in Africa's Instability

According to Gen. David M. Rodriguez of the AFRICOM in an interview with Mohammad Ali Salih of the Asharq Al-Awsat; "Libya's instability has had regional security impacts. Libya's porous borders have allowed the flow of fighters, weapons, ammunition, resources, ideology, and tactics, techniques, and procedures. Addressing the security challenges associated with instability in Libya will require a coordinated regional and

international effort [11]”. The French special forces and military advisers seems to have been helping to coordinate Libyan forces fighting the Islamic State in the eastern city of Benghazi. Earlier Italy a former colonial power announced that it would allow the US Air Force to use a base in Sicily to carry out drone strikes. It is against this background that, late last year, a US strike in eastern Libya reportedly killed Abu Nabil al-Anbari – a veteran Iraqi military officer believed to have been sent to Libya to organise and lead the Islamic State there. On 19 February, the US conducted its most recent air attack in Libya. More than 40 were killed in the attack which targeted Islamist militants in Sabratha, just 70 km from the Tunisian border. The Islamic State has been using the area mostly to train recruits from Tunisia [8].

The Libyan scenario is even worse than the situation in Syria and Iraq because the structure of governance is totally destroyed. After the start of the Russian military operation in Syria which also pushed other world powers to increase military activity in the region, ISIS is rapidly losing ground in Syria and Iraq. The group is now looking for a new home. Some 5,000 militants loyal to ISIS already operate in Libya and this number is expected to grow [13]. Libya’s advantageous geographical location will allow terrorist entities entrenched there to conduct operations in any chosen direction: Middle East, Europe or Northern and Central Africa. According to Laura Smith-Spark and Angela Dewan [10] of the CNN, the EU foreign policy chief Federica Mogherini spoke by phone about Ukraine, Syria and Libya with Lavrov the minister of the foreign affairs of the Russian Federation. «The pair have agreed to meet..., perhaps on the sidelines of the Munich Security Conference. “Both on Libya and Syria, we decided to find ways to join efforts and cooperate”, said Mogherini of her call with Lavrov, adding that working with the Russians to help Libyans unite their country “can only be a positive thing.» The duo also stressed that the Italian Foreign Minister Angelino Alfano also spoke with Lavrov about Libya, Russian

state news agency Tass reported, citing Italian newspaper La Stampa.

The failed Western attempts to implement a peace settlement in Libya are clearly undermining regional security, turning the country into a foothold for terrorist operations in North Africa, Europe and Middle East, and facilitating human trafficking and uncontrolled arms sales including air defense weapons that could threaten civil air traffic.

The dilemma is that the wrong type of external intervention in Libya, particularly from the West, could exacerbate the problem [8].

International Contortionist

According to Federica Saini Fasanotti a nonresident Fellow of the Foreign Policy, Center for 21st Century Security and Intelligence on its analysis on International meetings aren't enough to save Libya [4], examine the role of the international community and major global and regional player in the Libya conflict, he opined that the London meeting on the 31st of October between Secretary of State John Kerry, British Secretary of Foreign Affairs Boris Johnson, and representatives from Italy, France, Saudi Arabia, and the UAE, as well as Libya's Central Bank Governor Saddek Elkaber, Director of the National Oil Corporation Mustafa Senalla, and Chairman of the Libyan Investment Authority Ali Mohamed. On the discussion of the need to integrate militias into institutional security forces (the police, army, and presidential guard). And the urgency to restart oil production, aiming to pump one million barrels per day. Federica stating that the London summit ended with no clear outcome, nor a concrete path forward. It has joined the already long list of missed opportunities to resolve the situation in Libya.

In another meeting a week later sponsored by the United Nations Support Mission in Libya (UNSMIL), been hosted by the government of Malta, which sought to unblock the political stalemate. Malta's foreign minister spoke of the need to keep

Libya united in its state borders apparently forgetting that Libya has never been a truly unified country with a singular national identity. Despite Special Envoy for Libya Martin Kobler's efforts, very little was achieved in Malta, and indeed some politicians from Benghazi and elsewhere in Cyrenaica called it a waste of time. Libya again featured at an international meeting on November 15 2016 [4], at a conference about EU and NATO cooperation in Brussels. This time, leaders focused on the Libya's south, which is deeply fragmented by tribal divisions. Then, two weeks later, back to Rome for another meeting. With all this, Libya still remain a mess. In spite of the proliferation of international meetings, there have been no breakthroughs on Libyan soil. The Libyan people, for their part, tend to distrust both the UN-SMIL-backed Serraj government and all these international meetings.

However in the seemingly twist in the role of the international community, it seems Russia is the key to settlement in Libya. General Haftar, has been to Moscow for official visit about three (3) times. The question analysts may be interested in, will be, "is Russia strategically trying to influence the situation on ground by bolstering the government in Benghazi through Emirate and Egyptian mediation, and by sending both military and non-military experts. The region's entire aviation system, for example, is overseen by the Russians, and lucrative business deals are in the works".

Possible Direction of Further Destabilization

There are three possible directions of further destabilization:

The first is expansion to the South toward Niger, Nigeria and Chad. These countries already have a serious threat of militancy and could be destabilized into chaos by a new powerful terrorist entity in Libya.

The second direction is Algeria and Tunisia. The internal situation there is dangerous because of low standards of living,

insufficient education and distrust of the authorities. Thus, Algeria is vulnerable to attempts at destabilization.

The third possible direction of expansion is Mali and Mauritania in the South-west and Sudan in the South-East. The impoverished citizenry of these countries is a great recruiting pool for terrorist groups [13], radical Islamism is already quite popular in this area.

Maintaining Stability

Libya presents as many dangers and challenges to Africa as it does to Europe. It underscores the importance of maintaining stability in the African region, and maintaining stability in Algeria is part of the key to achieving this goal. Algeria is under pressure from within, and also suffering from the economic impact of a depressed oil price. The imminent succession challenge to an elderly and sickly President Abdelaziz Bouteflika could, in this context, prove disruptive. Under current conditions, a crisis in Algeria would reverberate throughout the region, including in Tunisia and across the Mediterranean into southern Europe. In the past, Gaddafi exported instability to Chad and Sudan (among others), which resulted to the role played by Sudan in supporting the overthrow of Gaddafi. However the recent events in Libya that followed the Arab Spring infected Sudan, Mali and Nigeria (stressing to Cameroon). What happens in Libya has reflect across the entire Sahel, from Morocco in the west to Somalia in the east. Which has already had a link through Niger eventually to Nigeria and across the Maghreb to al-Shabaab in Somalia. So therefore, maintaining stability in Libya is key to ensuring stability in the region.

Conclusion

From the above analysis and in view of the contemporary situation in Libya and its potential effect and threat to the region and beyond, its imperative to re-evaluate and engage a more comprehensive approach, if and if the situation is to be addressed

holistically. The recent advance of the Caliphate of Bayda's militia on Sirte and the beheading of 21 Egyptian Copti Christians, who had been abducted, have undeniably brought out the true extent of the jihadist threat in Libya. The spread and growth of Libyan Islamic radicalism represents a historic phenomenon, from the fall of Gadhafi in 2011, as well as being original and distinct from al-Qaida's and Islamic State network and agenda. Coupling with the international community in support of two factions in Libya may mar or make Libya, ultimately resulting to either stability or further instability in the region

The event that Libya falls into the trap of a civil war and the coastal area remains fragile, becoming a real threat to the African region and economic interests and development, as no economic activities can last in the absence of security and stability, as security and economy are two sides of the same coin.

Recommendations

– Contributing to monitoring the borders and the sophisticated strategies it requires, as well as the security, surveillance, and coordination systems amongst the Maghreb countries in order to prevent the infiltration of armed groups and various security risks that threaten the stability of the region.

– Stability cannot be achieved in the region without employing the logic of social consensus regarding the national state project.

– The most desirable outcome must be a sufficiently large Afro-Arab ground force that can restore stability in key population centres [12].

Finally, Libyans must decide whether their country will become a new Somalia, or whether they'll make difficult choices (and compromises) to steer it in a different direction. Their divisions are the core of the whole problem, and international actors are exacerbating those divisions by lining up on one side or the other. As Karim Mezran [9] of the Atlantic Council wisely wrote: "the best outcome for Libya lies in reaching a negotiated power

sharing agreement and a consensual political-economic way forward that could decisively reverse the country's negative trajectory and put it on a pathway toward unity and prosperity." Achieving this ambitious goal will take a great effort by all, and it will ultimately be the rare capacity to look, finally, at the reality.

References

1. *Alberto Ades and Hak B. Chua*. Thy Neighbor's Curse: Regional Instability and Economic Growth // *Journal of Economic Growth*. Vol. 2. No. 3 (Sep., 1997). P. 279–304.
2. *Alex de Waal*. The contest over peace and security in Africa // *African Arguments*. February 6, 2012. URL: <http://africanarguments.org/2012/02/06/the-contest-over-peace-and-security-in-africa-%E2%80%93-by-alex-de-waal/>
3. *Asim Fath-Elrahman Ahmed Elhag*. The Sudanese Role in Libya 2011 // *Word Peace Foundation*. December 17, 2012. URL: <https://sites.tufts.edu/reinventingpeace/2012/12/17/the-sudanese-role-in-libya-2011/>
4. *Federica Saini Fasanotti* (Nonresident Fellow – Foreign Policy, Center for 21st Century Security and Intelligence). International meetings aren't enough to save Libya // *Brookings*. December 12, 2016. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2016/12/12/international-meetings-arent-enough-to-save-libya/>
5. *Global Peace Index 2016*. Institute for Economic & Peace. URL: http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2016/06/GPI-2016-Report_2.pdf
6. *Idahosa, Stephen Osaherumwen*. 2016. Contemporary Arc of Instability in West Africa: A Case Study of Nigeria // *Global Journal of Advanced Research* 3 (September). P. 884–894.
7. *Idahosa Stephen Osaherumwen*. The Responsibility of Western Countries with a New Face of Imperialism: A Paradox in the Africa Context // *Africa and International Law, XIV Blischenko Congress, RUDN*. P. 14–22. April 16, 2016. Moscow.
8. *Jakkie Cilliers*. Analysis, Africa: What Happens in Libya Won't Stay in Libya // *Institute for Security Studies*. – 4 March, 2016. URL: <http://allafrica.com/stories/201603040520.html>

9. *Karim Mezran*. Libya's Only Viable Option // Atlantic Council. 29 September, 2015. URL: <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/menasource/libya-s-only-viable-option>
10. *Laura Smith-Spark and Angela Dewan*. Libya: Why the EU is looking to Russia // CNN. February 10, 2017. URL: <http://edition.cnn.com/2017/02/10/africa/libya-russia-eu-haftar/>
11. *Mohammad Ali Salih*. US military Africa chief: Chaos in Libya is destabilizing the region. July 6, 2014. URL: <http://english.aawsat.com/2014/07/article55334009/us-military-africa-chief-chaos-in-libya-is-destabilizing-the-region>
12. *Mohammed Issam Laroussi*. An analysis of the deteriorating situation in Libya and its geopolitical impact on the Maghreb // Middle East Monitor. June 21, 2014. URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20140621-an-analysis-of-the-deteriorating-situation-in-libya-and-its-geopolitical-impact-on-the-maghreb/>
13. *South Front*. Libya's Instability Threatens Regional Security. Extended ISIS Terrorism in North Africa and Sub-Saharan Africa? // Global Research. 29 January 2016. URL: <http://www.globalresearch.ca/libyas-instability-threatens-regional-security-extended-isis-terrorism-in-north-africa-and-sub-saharan-africa/5505738>
14. *Tafotie D.J.R., Idahosa S.O.* (2016). Conflicts in Africa and Major Powers: Proxy Wars, Zones of Influence or Provocating Instability // *Vestnik RUDN. International Relations*. 16 (3). P. 451–460 (P. 4–6).
15. United Nations S/RES/1973 (2011). Resolution 1973 (2011), Adopted by the Security Council at its 6498th meeting, on 17 March 2011 // Security Council Distr.: General 17 March 2011. URL: http://www.nato.int/nato_static/assets/pdf/pdf_2011_03/20110927_110311-UNSCR-1973.pdf

ЭКОНОМИКА И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

Т.Л. Дейч

ВКЛАД КИТАЯ В ТРАНСПОРТНУЮ ИНФРАСТРУКТУРУ АФРИКИ

Провозгласив политику «выхода за рубеж», Китай активизировал свою деятельность в Африке и стал одним из важных инвесторов в африканскую экономику. С 2006 по 2010 г. китайские инвестиции в страны континента составляли примерно 5–6 млрд дол. в год, в 2011 г. они выросли до 10 млрд, а в 2013 и 2014 гг. в среднем до 15 млрд дол. в год. Самыми крупными получателями инвестиций в 2000–2014 гг. были Ангола – 21,2 млрд дол., Эфиопия – 12 млрд дол., далее шли Кения, Судан и ДРК (по 5 млрд дол. каждая) [1].

Хотя китайское инвестирование вносит заметный вклад в африканский рост, утверждения о том, что на долю Китая приходится львиная доля инвестиций в Африку, по мнению экспертов, не соответствуют истине. По данным Министерства коммерции КНР (МОФКОМ), накопленные ПИ Китая в Африку составили на конец 2014 г. 32 млрд дол. – менее 5 % всех накопленных иностранных инвестиций на континенте. Согласно World Investment Report за 2015 г., прямые инвестиции Китая в Африку в 2013–2014 гг. составили 4,4 % всех поступивших на континент иностранных инвестиций [2]. Если Африка получала ежегодно около 30 млрд дол. внешнего финансирования в инфраструктуру, то на долю Китая приходилась 1/6 этой суммы [1].

Прямые инвестиции, впрочем, не единственная форма инвестирования. Китайский социолог Чин Кван Лей (Chin Kwan Lee) замечает, что определение «китайские инвестиции» маскирует финансовые поступления, которые идут из различных источников, включая центральные государственные предприятия и банки, провинциальные государственные предприятия, частные компании, предпринимательские и семейные фирмы и т.д. Однако половину всех китайских инвестиций в Африку составляет государственный капитал [3, Р. 111]. Китайское финансирование включает гранты, беспроцентные или низкопроцентные займы, преференциальные экспортные кредиты. Концессионные займы и преференциальные экспортные кредиты – главные инструменты Экспортно-импортного банка Китая (Эксимбанк Китая), который осуществляет львиную долю финансирования под гарантии правительства [1]. В задачи Эксимбанка входит содействие экспорту китайских товаров и услуг, а также интернационализации китайских компаний. Китайским строительным фирмам, реализующим проекты в Африке, выгоден доступ к дешевым правительственным кредитным линиям, а также «связанное» финансирование китайских концессионных займов.

В последнее десятилетие в фокусе китайского финансирования стран Африки оказалась африканская инфраструктура. Китайское инфраструктурное финансирование выросло с близкого к нулю в 2000 г. до 8 млрд в 2010 г. С января 2010 г. по май 2012 г. Китай одобрил концессионные займы на 11,3 млрд дол. на реализацию 92 африканских проектов. Созданный в 2007 г. Чайна – Африка Девелопмент Фонд осуществил около 60 проектов более чем в 30 африканских странах. Инвестиции в одну только Южную Африку превысили в 2012 г. 400 млн дол. [3, р. 111]. В 2013 г. вложения Китая в инфраструктуру стран Африки составили 13,4 млрд дол. [3, р. 110].

В апреле 2016 г. Китайско-африканская исследовательская инициатива (CARI) Школы международных исследований Университета Джона Хопкинса (SAIS) в Вашингтоне опубликовала результаты своих исследований о китайских займах Африке в период с 2000 по 2014 г. Как было подсчитано, китайские займы континенту шли больше на строительство объектов инфраструктуры – дорог, железных дорог, электрификацию и т.д., нежели на добычу углеводородов и минералов. При этом особое внимание уделялось инвесторами транспортной системе стран Африки.

Ученые пришли к следующим выводам: 1) займы Китая политически мотивированы: страны – получатели займов должны следовать политике «одного Китая» (Буркина-Фасо, Сан-Томе и Принсипи и Свазиленд займов не получают); 2) мало свидетельств того, что цель займов – обеспечить Китаю доступ к ресурсам: хотя первая в списке получателей – богатая ресурсами Ангола, за ней, однако, следует бедная ресурсами Эфиопия, где почти 90 % займов идут в инфраструктуру; 3) китайские займы помогают отстраивать континент: почти 50 % китайских займов были предоставлены для финансирования двух крупнейших секторов: транспорта – 24,2 млрд дол. и энергетики, в основном электроэнергетики – 17,6 млрд. Шоссе и железные дороги получили 80 % займов, вложенных в транспортную структуру; на долю гидроэнергетических объектов, энергосистем, газопроводов пришлось 80 % займов в энергетике. Большинство шоссе финансируются за счет грантов Министерства коммерции КНР, а реализуются усилиями китайских строительных компаний, наиболее активная из которых – Чайна Родс энд Бридж Корпорейшн (CRBC).

Вместе с тем исследователи отмечают, что далеко не все проекты, о которых достигнута договоренность, реализуются в намеченные сроки и реализуются вообще. По их данным, в транспортном секторе из 233 проектов общей стоимостью 49,8 млрд дол. реализованы лишь 47 %. В осталь-

ных случаях проекты, соглашения о которых подписаны более 5 лет назад, остались невыполненными. Так, в энергетическом секторе были выполнены лишь 61 % из 331 проекта стоимостью 30 млрд дол. Проекты нередко реализуются по частям, фазами, причем начало следующей фазы часто сопровождается предоставлением дополнительного займа [4].

И тем не менее, Китай внес весомый вклад в реализацию разработанной Африканским союзом и НЕПАД «Программы инфраструктурного развития Африки» – PIDA, предусматривающей 30-летнюю стратегию создания региональной и континентальной инфраструктуры на континенте. В Африке, где мощными являются лишь 16 % дорог, где лишь 24 % населения имеют доступ к электричеству, где путь из одной страны в другую порой пролегает через Лондон или Париж, инфраструктура нужна как воздух. В 2015 г. «Африка Прогресс Пэнал Репорт» писал: «15 лет назад производство электроэнергии в Африке к Югу от Сахары составляло 30 % от уровня Южной Азии, сейчас оно составляет 24 % и еще падает. Цены на электроснабжение в регионе вдвое превышают цены в других регионах мира. Менее 30 % населения имеют доступ к электричеству (в Южной Азии – 65 %, в Восточной Азии – более 90 %) [3, р. 119]. Слабость инфраструктуры касается всех секторов африканской экономики. Африка испытывает нехватку шоссейных и железных дорог, портов, телекоммуникаций, электроснабжения, водоснабжения, санитарии.

В 2009 г. Всемирный Банк опубликовал исследование «Африканская инфраструктура: время трансформации», где определил, что Африке в целом необходимо тратить на инвестиции в инфраструктуру 93 млрд дол. в год (6 % африканского ВВП). Поскольку западные страны, вкладывающие средства в инфраструктуру, финансируют в основном в очистку воды и санитарию, африканские страны приветствуют китайские инвестиции, которые идут в транспортную инфраструктуру и электроэнергетику. Транспортные проек-

ты включают шоссейные и железные дороги и порты, составляющие самую крупную часть финансируемых проектов, а также производство электроэнергии, в том числе строительство ГЭС, составляющие другую часть объектов финансирования [1].

Китай понял суть проблемы, с которой сталкивается Африка, раньше других стран. В 1976 г. он построил железную дорогу ТАНЗАМ (ТАЗАРА) протяженностью 1860 км и стоимостью в 500 млн дол., связавшую столицу Танзании Дар-эс-Салам с Капири-Мпоши в Замбии и медный пояс Замбии с Индийским океаном через территорию Танзании, обеспечив тем самым пути транспортировки замбийской меди. Дорога стала самым крупным проектом, реализованным с китайской помощью в Африке, и единственной протяженной дорогой в Африке к югу от Сахары. Заметим, что от реализации этого проекта, потребовавшего больших затрат, отказались западные страны. Дорога стала своего рода витриной китайско-африканского сотрудничества. Строительство, в котором приняли активное участие многие китайцы, продолжалось восемь лет.

Хотя ТАЗАРА имела большое значение для экономики Восточной Африки, как, впрочем, и Китая, позволив ему облегчить импорт замбийской меди, время показало несоответствие замысла тогдашним экономическим возможностям Пекина. Технологическая отсталость обусловила дефекты в проектировании, создала проблему обслуживания дороги. Китай, следует отдать ему должное, многое сделал, чтобы исправить положение: он выделял займы на ремонт дороги, покупку запчастей, присылал своих экспертов, которые обучали местный персонал, помогали наладить эксплуатацию дороги. В последние годы китайские специалисты совместно с администрацией ТАЗАРА изучают возможности повышения эффективности дороги за счет подключения к проекту других стран. Ставится задача связать с помощью реконструированной дороги две Специальные экономические зоны

(СЭЗ), создаваемые Китаем в Африке: в Чамбиши (медный пояс Замбии) и в Дар-эс-Саламе. Дорогу предполагается соединить с Бенгельской железной дорогой, пересекающей Анголу до побережья Атлантического океана, реабилитация которой началась Пекином в 2007 г. и была закончена в 2014 г. Бенгельская железная дорога протяженностью 1344 км, – второй по величине железнодорожный проект после ТАЗАРА [5]. Две железные дороги призваны создать коридор Восток-Запад, тянущийся через весь континент, и облегчить движение товаров [6, с. 51–57].

40 лет спустя после введения в эксплуатацию ТАЗАРА в сентябре 2015 г. было открыто движение по легкой железнодорожной линии в Аддис-Абебе (Эфиопия), которая стала одним из многих инфраструктурных объектов, сооруженных Китаем в Африке за истекшие годы. В числе этих проектов, например, завершившееся в 2009 г. строительство 17-километровой дороги Офанкор-Нсавам в Гане, на которое Эксимбанк Китая предоставил беспроцентный заем в сумме 28 млн дол. Гана также получила 6-миллиардный концессионный заем на развитие железнодорожной сети в стране [7]. В 2011 г. Гана одобрила заем от Чайна Девелопмент Бэнк в сумме 3 млрд дол. на создание инфраструктуры для добывающей промышленности в Западном районе страны. В 2007 г. в 60 км от Атлантического побережья Ганы было обнаружено крупное оффшорное нефтяное месторождение. Чтобы добывать и экспортировать нефтяные богатства, требовалось реализовать ряд проектов, включая строительство нефтепроводов и портов, и Гана выбрала Китай, чьи условия займа выгодно отличались от ее предыдущих заимствований у ВБ и МВФ (большой льготный период, низкий процент и т.д.) [8].

Как правило, гражданские рабочие контракты выигрывают страны, где будет осуществляться строительство. Африка – исключение. Согласно данным Всемирного Банка за 2013 г., доля региональных фирм, выигравших контракты в Африке к югу от Сахары, была скромной (56 %), тогда как в

Южной Азии, на Ближнем Востоке и в Северной Африке она составила 83 %, в Южной Азии – 97 %. Среди неафриканских фирм, выигравших контракты в Тропической Африке, самую большую группу составили китайские фирмы: с 1995 по 2013 г. их доля выросла с 10 до 30 % [1].

Спад в китайской экономике дал основания экспертам прогнозировать сокращение объемов экономического сотрудничества Китая с Африкой. По данным Министерства торговли КНР, в первой половине 2015 г. китайские инвестиции в Африку упали на 40 % [9]. Однако руководство страны продолжает политику стимулирования китайских компаний к освоению зарубежных рынков. Принято решение об оказании поддержки инвестиционным проектам за рубежом, в том числе за счет упрощения процедур валютного регулирования. В соответствии с новой стратегией увеличена поддержка, которую получают китайские компании от государства. Упрощаются административные процедуры для инвесторов, работающих за рубежом: разрешительный порядок согласования проектов заменен уведомительным. Предполагают, что с принятием новых мер стимулирования на фоне интенсивных реформ объем китайских инвестиций за рубеж будет расти в следующие пять лет на 10 % в год и стабильно превысит объем иностранных вложений в Китай.

За последние годы Китай помог осуществить свыше 500 инфраструктурных проектов в 35 странах; на его долю приходится 30 % их стоимости. В январе 2015 г. между КНР и Африканским Союзом (АС) был подписан меморандум о взаимопонимании, реализация которого позволит соединить сеть скоростных железных и шоссейных дорог, а также воздушным сообщением столицы 54 государств континента [10]. В декабре 2015 г. Си Цзиньпин объявил, что Китай дополнительно внесет в Китайско-африканский Фонд развития (CADF) 10 млрд дол. Фонд выразил намерение сделать упор на инфраструктуру, промышленное развитие и производственный сектор [11]. Чайна Девелопмент Бэнк, финансиру-

ющий мелкие и средние китайские предприятия (SME), участвующие в развитии Африки, обещал внести 6 млрд дол. [11].

В последние годы Китай привлек международное внимание решимостью взяться за реализацию целого ряда инфраструктурных мега-проектов в Африке. Самый масштабный полученный им контракт – на строительство железной дороги в Нигерии, который выиграла 19 ноября 2014 г. китайская компания Чайна Рейлуэй Констракшн Корпорейшн (CRCC). Железная дорога протяженностью 1402 км пройдет через 10 штатов Нигерии и свяжет столицу Лагос с Кано и нефтяными штатами бассейна дельты Нигера. Стоимость проекта – 12 млрд дол.

Крупнейшим за период независимости китайским инфраструктурным проектом в Кении считают железную дорогу стоимостью 3,8 млрд дол., 85 % из которых предоставил китайский Эксимбэнк (около 3,1 млрд дол.). Строительство дороги протяженностью в 609 км, которое ведет Чайна Родс энд Бридж Корпорейшн (CRBC), началось в октябре 2013 г. Первая фаза строительства, призванная связать порт Момбаса со столицей Найроби, должна быть завершена в декабре 2017 г. Железнодорожная линия облегчит движение пассажиров и грузов между двумя городами. Она станет частью современной железнодорожной системы Северного коридора – массивного железнодорожного проекта стоимостью 14 млрд дол., который свяжет Кению с Угандой, Руандой и Южным Суданом [12].

В апреле 2015 г. контракт стоимостью в 3,2 млрд дол. на строительство железнодорожной линии, соединяющей Кампалу (Уганда), Малабо (Кения) и Нимуле (Южный Судан) протяженностью в 476 км выиграла Чайна Харбор Инжиниринг Корпорейшн. Эта линия также станет частью интеграционного проекта Северного коридора. При подписании соглашения о проекте президент Уганды Мусевени сказал, что одной из серьезных проблем, с которыми сталкивается

Уганда, является транспортировка тяжелых, крупногабаритных грузов из таких портов, как Момбаса. Со строительством железных дорог эта проблема будет решена. «Одним из препятствий африканскому развитию являются высокие транспортные расходы из-за отсутствия железнодорожного транспорта, а там, где такой транспорт есть, он неэффективен. Вот почему мы пытаемся изменить ситуацию. Наше правительство при поддержке китайского правительства помогает нам построить эффективную железнодорожную систему в Уганде и во всем регионе» [13].

В числе осуществляемых Китаем мегапроектов в Африке – строительство железной дороги протяженностью 1344 кв. и стоимостью в 5,6 млрд дол., которая свяжет Чад с Суданом и Камеруном. Соглашение между Чайна Сивил Инжиниринг Констракшн Корпорейшн (СЕСС) и правительством Чада было подписано в марте 2014 г. Предусмотрены три фазы строительства; первая была начата в октябре 2014 г. Эксимбанк Китая ассигнует на проект 2 млрд дол.; остальное финансирование составят займы от китайского правительства.

26 июля 2016 г. состоялось торжественное открытие железной дороги Абуджа-Кадуна в Нигерии протяженностью 187 км, строительство которой началось в 2009 г. и должно было закончиться в 2014 г., но затянулось по финансовым проблемам. Дорога имеет 10 промежуточных станций, максимальная скорость движения – 100 км/ч. Строительство осуществляла Чайна Сивил Инжиниринг Констракшн Корпорейшн, которая поставила также вагоны и дизельные локомотивы для проекта [14].

В январе 2017 г. была торжественно открыта еще одна построенная с китайской помощью железная дорога, связывающая Эфиопию с Джибути и Красным морем. Выступая на открытии дороги, китайский посол в Эфиопии Ла Юфан сказал, что это первая электрифицированная железная дорога, построенная на континенте по китайским стандартам и тех-

нологиям, но, конечно, не последняя. Дорога протяженностью 756 км заменила старую, построенную еще в 1917 г. Скорость движения на ней составит 120 км/ч, а весь путь займет 10–12 ч, в то время как на машинах он занимает 2–3 дня. Дорога позволит перевозить ежегодно 5 млн т грузов. Строительство эфиопского отрезка дороги обошлось в 3,4 млрд дол., при этом 70 % финансирования предоставил Эксимбанк Китая [15]. Президент Эфиопии Хайлемариам Десалень сравнил дорогу с кровеносными сосудами, поскольку она также «определяет, будем мы жить или нет» [16].

В числе реализуемых с помощью Китая мегапроектов – строительство порта в прибрежном городе Багамо в Танзании – самого крупного порта в Восточной Африке, который после завершения строительства должен превосходить по масштабам порт Момбаса в Кении (20 млн контейнеров ежегодно). Стоимость проекта – 7 млрд дол.; финансируют проект китайская компания Чайна Мерчантс Холдинг Интернешнл и Государственный Резервный Фонд правительства Омана. Строительство началось в октябре 2015 г., но в начале 2016 г. было остановлено из-за проблем у правительства Танзании. Реализуются проекты создания инфраструктуры для развития горнорудных месторождений в ДРК (стоимость проекта 6 млрд дол.), инфраструктурные проекты в Малави (китайское финансирование – 1,7 млрд дол.) [12].

Важное место в китайской стратегии занимает проект Нового шелкового пути и Морского шелкового пути – «Один пояс – один путь» (OBOR). Планы выстраивания «Экономического пояса Шелкового пути» из Азии в Европу приобретают большое значение во взаимоотношениях Китая с рядом регионов и стран. Пекин рассчитывает с его помощью создать транспортную сеть от Тихого океана до Балтийского моря, сократить барьеры для торговли и инвестиций, расширить системы расчетов в национальных валютах. Воплощение в жизнь проекта предусматривает реализацию несколь-

ких сотен долгосрочных инфраструктурных проектов, которые должны охватить все пространство «пояса»; они включают строительство железных и шоссейных дорог, модернизацию авиационного сообщения, автотрассы, проекты в энергетике, промышленные парки. Всего в проект должно быть вовлечено более 60 стран.

В 2015 г. в Китае была начата кампания с призывом включить Африку в новую стратегию в рамках проекта «Один пояс – один путь». С таким призывом выступил, в частности, Джастин Юфу Линн, декан Национальной школы развития Пекинского университета и бывший главный экономист Всемирного банка. Назвав создаваемую усилиями Китая африканскую инфраструктуру «Один пояс – один путь – один континент», он заявил, что с помощью инфраструктуры Китай ускорит рост африканских стран и передаст Африке свои достижения в развитии экономики [17]. Африке будет выгодно развитие инфраструктуры в рамках «пояса». Плохая железнодорожная инфраструктура, препятствующая развитию торговли между странами континента, создающая препятствия на пути африканской интеграции, – одна из главных проблем Африки. Китай, обладающий сетью высокоскоростных железных дорог, имеет опыт и финансовые возможности, позволяющие ему участвовать в решении этой проблемы. Китайские эксперты видят в новой китайской стратегии два главных преимущества для Африки. Первое – развитие инфраструктуры континента, связанное со стремлением Китая расширить экспорт, использовать свои возможности в строительной сфере и стимулировать рост Китая, который замедлился в последние годы. Второе – Китай передаст Африке промышленные предприятия интенсивного труда, что приведет к росту производства на континенте, числа рабочих мест и оплаты труда. Эксперты считают эти два компонента двумя столпами китайско-африканского сотрудничества в предстоящие годы. Включение Африки в стратегию OBOR привлечет к проекту больше внимания, хотя и

потребуется больше средств. Вместе с тем оно станет дополнительным фактором, подчеркивающим масштабность китайской инициативы [17].

Министр иностранных дел и сотрудничества ЮАР Майте Нкоана-Машабане связала принятую Африканским Союзом в 2015 г. Повестку 2063 с китайской инициативой «Нового шелкового пути». Как заявила министр, осуществление Китаем проекта Шелкового пути – «Один пояс – один путь» (OBOR), основное направление которого – инфраструктура, а также нового проекта «Морского шелкового пути» между Китаем, Индийским океаном и прибрежными восточноафриканскими государствами перекликается с Программой инфраструктурного развития Африки (PIDA). Оно должно создать условия для инвестирования, в частности, в инфраструктурные проекты и предоставить возможность африканским компаниям работать вместе с китайскими компаниями в реализации этих проектов [18, р. 2].

При этом, однако, высказывается немало критических замечаний по поводу как самого проекта, так и включения в него Африки. Скептики считают, что OBOR увеличит дисбаланс в Китае и затруднит продвижение экономики к модели более активного потребительского спроса, что является долгосрочной целью китайского правительства [19]. Выражаются сомнения относительно того, сможет ли Африка выплатить огромные займы, которые даст ей Китай на реализацию проектов. Обращают внимание на политические риски, плохой инвестиционный климат в ряде африканских стран, как на препятствия на пути китайской инициативы. В связи с обозначенной Пекином задачей передачи Африке предприятий интенсивного труда эксперты выражают неуверенность в том, что она осуществится, поскольку примеров подобной передачи в странах Африки немного и все они вызывают много вопросов [17].

Расширяется с помощью Китая и авиасообщение стран Африки. Воздушный транспорт, связывающий Китай с Аф-

рикой, увеличивается ежегодно в среднем на 15 %. В 2014 г. премьер Ли Кэцян в ходе визита в Африку в штаб-квартире Африканского Союза предложил «Китайско-африканский план сотрудничества в региональной авиации». Был подписан меморандум о взаимопонимании с авиационными корпорациями шести африканских стран: Анголы, Эфиопии, Зимбабве, Кабо-Верде, Гвинеи, Конго, а также с ЭКОВАС. Чайна Саузерн Эйрлайнс и Эйр Чайна открыли прямые линии воздушного сообщения из Гуанчжоу в Найроби, из Пекина – в Йоханнесбург и Аддис-Абебу [1]. 2 ноября 2015 г. авиалайнер Эйр Чайна одной из крупнейших авиакомпаний Китая совершил первый перелет в Аддис-Абебу: столица Эфиопии стала вторым направлением прямого авиасообщения Китая с Африкой после ЮАР.

На Йоханнесбургском саммите Форума китайско-африканского сотрудничества в декабре 2015 г. был принят план действий на 2016-2020 гг., предполагающий дальнейшее решение проблемы создания транснациональной и трансрегиональной железнодорожной инфраструктуры на континенте. В августе 2016 г. глава Китайско-африканского Фонда развития (CADF) Shi Jiuyang заявил, что Фонд инвестировал в 87 проектов в 36 странах Африки на сумму свыше 3,5 млрд дол. Реализация этих проектов повысит сумму инвестиций в Африку до 17 млрд дол. [20].

Сегодня в таких странах, как Ангола, Египет, Нигерия, Мозамбик, ЮАР, Кения, наблюдается невиданный ранее строительный бум, и Китай играет в этом далеко не последнюю роль. Важная особенность китайских проектов: руководство строительством и технический персонал – китайцы, но рабочие – африканцы, что способствует созданию в Африке рабочих мест и одновременно опровергает мнение, что Китай всюду привозит своих рабочих, «отнимая хлеб у местного населения». Пекин, разумеется, не альтруист. Сеть железных дорог и порты в Кении, Танзании и Джибути крайне важны для китайской торговли. Делая столь масштабные

вложения в африканскую транспортную систему, Пекин не рассчитывает на быструю отдачу и идет на определенные финансовые риски. Однако африканские страны получают непосредственную выгоду от реализованных с помощью Китая проектов немедленно.

Литература

1. *Dollar David*. China's Engagement with Africa. From National Resources to Human Resources. Wash. Brookings. 2016. URL: [https://www.brookings.edu/wp-contact/uploads/2016/07/china's engagement](https://www.brookings.edu/wp-contact/uploads/2016/07/china%27sengagement)
2. World Investment Report. UNCTAD. 2015. URL: <https://www.slideshare.net/SerodIchinkhorloo/world-investment-report-2015-unctad>
3. *Arewa Oluf. B.* Constructing Africa: Chinese Investment, Infrastructure Deficit Development // Cornell International Journal. 2016. Vol. 49. URL: www.lawschool.cornell.edu/research/ILJ/upload/Arewa-final-pdf
4. *Eom Janet*. 'China Inc' Becomes China the Builder in Africa // The Diplomat. Sept. 20/2016. TheDiplomat.htm
5. Chinese Construction of Angola Benguela Railway Project Completed // China Africa Project Email Newsletter/ Sept. 2014. URL: www.chinaafricaproject.com/chineser-construction-angola-benguela-railway-project-completed
6. *Дейч Т.Л.* Китай как девелопер железнодорожной инфраструктуры Африки // Ученые записки Института Африки Российской Академии наук. 2016. № 2–3 (36–37).
7. Udun-Arkhusht, Is. Ghana's Relations with China. Johannesburg: South African Institute of International Affairs. 2008. ISBN 1-919969-32-2.
8. *Beard Lucas*. Choosing China. Ghana's \$3 Billion Loan Decision. Standard CDDPL. John Hopkins School of Advanced International Studies, 2011.
9. *Dasgupta Saibal*. Chinese Investment in Africa Falls by 40 % // Voice of America. 2015. Nov. 25.

10. AU, China agree big infrastructure deal. 2015 – 01-27 Chinese Investment Key to Improving Infrastructure in Africa // The Editors. 2015. Febr. 4.
11. Kuo Mercy A Investment // The Diplomat. Jan.13.2016. URL: thediplomat.com/2016/01/china's-africa-strategy-going-global-with-infrastructure-investment
12. How Africa // The Rise of Africa. March 17. 2016. URL: howafrica.com/10-mega-infrastructure-projects-africa-funded-china
13. China Harbor Engineering Wins Africa. Mega-Rail Project // Breakbulk Events et Media. Febr 24. 2017. htm
14. President inaugurates Abuja-Kaduna railway // Railway Gazette. 26 July 2016. URL: www.railwaygazette.com/news/infrastructure/single-view/president-inugurates.
15. Ethiopia–Djibouti railway inaugurated // Railway Gazette. 05 Octjber. 2016. URL: www.railwaygazette.com/news/infrastructure/Ethiopia-Djibouti-railway-inaugurated
16. *Solomon S., Iman F.* New African Railways Ride on Chinese Loans // VJA News. Jan 24. 2017. URL: www.voanews.com/a-new-african-railways-ride-chinese-loans/3690287.html
17. *Yun Sun.* Inserting Africa into China's One Belt, One Road Strategy. A new opportunity for jobs and infrastructure. The Brookings. Africa in Focus. 2015. March 2/
18. *Nkoana-Mashabane Maite.* Minister of International Relations and Cooperation. A win- in synergy: Africa,s Agenda 2063 and China's one belt and one road initiative. FOCAC 6. Africa-China Progressing Together. Cape Town. 2015. Dec.
19. One Belt, one Road to tie Asia to Africa and Europe. Africa Report, 28 January 2016. 20. Trade-Watch Africa. Issue 63. 2016. August.

**В.И. Юртаев,
Ф.К. Ндакисса Онкасса**

ДИПЛОМАТИЯ МАЛЫХ АФРИКАНСКИХ СТРАН: ОПЫТ ГАБОНА

Становление современной дипломатии Габона

Роль малых африканских государств в условиях глобализации все заметнее проявляется в различных сферах международных отношений, что определяет актуальность изучения их внешнеполитической активности, особенностей реализуемых ими моделей дипломатии.

Опыт Габонской Республики здесь представляется уникальным, поскольку позволяет проследить эволюцию габонской дипломатии от изоляционистской первоначально модели к дипломатии расширенного диалога и процветания в меняющихся глобальном и региональном контекстах. Интерес к этому опыту обусловлен также стремительностью вхождения Габона – одного из самых заметных представителей группы малых государств Африки – в процессы мировой политики.

Первые попытки формирования внешней политики Габонской Республики начинаются с 1960-х гг., однако только после 1967 г. становится возможным говорить о преемственности во внешней политике страны [1]. Первый этап (1960–1967 гг.) – становления независимой внешней политики – связан с процессом строительства нового государства в независимом Габоне, во главе которого стоял Президент Леон Мба. Внешняя политика Габона в период президентства Л. Мба осуществлялась на принципах прагматичного изоляционизма, нейтралитета и диалога в международных делах. На этом этапе Габон с 1960 г. стал членом Организации Объединенных Наций (ООН). В этот период Габон, уделяя больше интереса Совместной Африканской и Малагасийской Организации (1965), чем Организации африканского единства (1963), поддерживал стремление сдерживать революци-

онное кипение Африки и сбить накал наднациональных (панарабских и панафриканских) настроений, которые рассматривались в качестве реальной угрозы его собственной стабильности и единству французского блока [2, р. 46]. В экономическом плане Габон сделал ставку на регионализацию, активно участвуя в становлении Экваториального таможенного союза (ЭТС), который был создан в 1959 г. при полном одобрении со стороны Франции. Позднее ЭТС станет таможенным и экономическим союзом стран Центральной Африки (ТЭСЦА). В вопросе установления широких двусторонних дипломатических и экономических отношений руководство Габонской Республики испытывало трудности, поскольку необходимые для этого средства были ограничены [3, р. 10–50].

Второй этап (1967–1990 гг.) – расширения внешнеполитической активности – начался с приходом к власти Президента Омара Бонго Ондимба (1967–2009 гг.). В это время формируется многосторонняя дипломатия Габона, особенно проявленная в формате участия Габона в деятельности Организации африканского единства, Организации Исламская конференция, Движения неприсоединения, учреждения новых дипломатических представительств и постоянных миссий. В сфере внешней политики Габон реализует дипломатию неприсоединения и развития. Как подчеркнуто, принцип независимости, который предполагает равенство между Габоном и всеми развитыми и развивающимися странами, получил методологическое значение при выработке его внешней политики. Проводя курс на независимое развитие страны, руководство Габона должно было считаться с тем, что экономическая сфера оказалась в этот период практически монополизированной со стороны Франции.

В основу дипломатии Габона на этих двух этапах были положены благо государства, сохранение его стабильности и влияния на международной арене. Определяя приоритеты, Президент Омар Бонго Ондимба был вынужден строить

единство нации вокруг ценностей мира и солидарности. Продолжая политический курс Президента Леона Мба, он видел перспективы развития страны в единстве и стабильности [4, p. 147–152]. Сегодняшний имидж Габона на мировой арене – во многом результат дипломатических усилий Президента Омара Бонго Ондимбы, политическому курсу которого были присущи открытость и готовность к диалогу [5, p. 244–268]. Данную политику отражает девиз Габонской демократической партии – «Диалог – Толерантность – Мир» [6].

Диалог играет важную роль в государственной политике Габонской Республики, особенно когда речь идет о формировании политики в различных областях и определении единой политики. В основу понятия «диалог» в Габоне положены принципы уважения и взаимности. По мнению Президента Омара Бонго Ондимбы, диалог по вопросам политики позволял понять реальные проблемы с тем, чтобы увидеть различные варианты их решения. Диалог нацелен на объединение усилий народов, поиск мирных путей урегулирования споров любого рода, поскольку сила и применение насилия никогда не были включены в число принципов государственного курса Габона [7, p. 12–67]. Можно сказать, что для Габона принцип диалога определял двустороннюю дипломатию и вместе с принципом неприсоединения – взаимодействие на региональном (АС, ЕС) и международном (ООН) уровнях. Президент Омар Бонго подвел итог в максиме: «Ни влево, ни вправо, всегда вперед» [8, p. 264–288].

В целом, анализируя первые два этапа внешней политики Габона, важно подчеркнуть, что принцип независимости, который предполагает равенство между Габоном и всеми развитыми и развивающимися странами, всегда имел методологическое значение при выработке его внешней политики. Проводя курс на независимое развитие страны, руководство Габона должно было считаться с тем, что экономическая сфера оказалась практически монополизированной со

стороны Франции и, как отмечал Дуглас Йатес, «независимости Габона не существует, Габон лишь формально является членом Организации Объединенных Наций» [8, p. 78].

Дипломатия Габона в условиях глобализации

Третий этап развития внешней политики Габона (1990–2009 гг.) характеризуется появлением признаков глобализации, процессы которой пока в целом оказывают негативное воздействие на уровень политического и социально-экономического развития африканских стран. Критерий глобализации во многом обусловил растущую включенность Габона в международные дела. Главными целями внешней политики Президента Омара Бонго стали укрепление мира и стабилизация ситуации на африканском континенте. Важнейшим приоритетом внешней политики становится стабильность в Центральной Африке. Габон участвует в посреднических и миротворческих миссиях в Чаде, ЦАР, Республике Конго, Анголе, ДРК. В сфере двусторонних отношений реализуется дипломатия диалога.

Габон, находясь под давлением и испытывая жесткие ограничения, связанные с политическими и экономическими изменениями международной обстановки, стремился вывести свою внешнюю политику на новый уровень [9]. Если до 1990 г. принципы внешней политики Габона во многом соотносились с установками концепций независимости, неприсоединения и африканского единства, то отныне внешняя политика государства фокусируется приоритетно на идеях мира и безопасности, африканской интеграции, стабильности и сотрудничества по линии Юг-Юг [10, p. 95].

Таким образом, палитра внешней политики Габона вбирала новые краски и ориентировала дипломатические усилия на развитие, призванное дать ответ на вызовы глобализации, в том числе на решение проблемы диверсификации национальных экономик и формирование в Африке условий

для искоренения конфликтов и содействия установлению прочного мира на африканском континенте [11, p. 17].

Внешняя политика Президента Омара Бонго была выстроена на принципах демократии и приоритета международного права, что ставило понятие «мир» в центр высших ценностей в международных отношениях. И это означало, что внешняя политика Габона ориентирована в соответствии с интересами нации [12, p. 10–23].

Итак, в ходе третьего этапа развития внешней политики Габона – интеграции и стабильности – включение Габона в международные дела происходило на основе мира и безопасности. Обеспечение мира – это, прежде всего, и важный атрибут личного имиджа Президента Габона. Важнейшим приоритетом внешней политики становится стабильность в Центральной Африке. Габон участвует в посреднических и миротворческих миссиях в Чаде, ЦАР, Республике Конго, Анголе, ДРК. В сфере двусторонних отношений реализуется дипломатия диалога [13].

Четвертый этап (с 2009 г.) – процветания и открытости – развития внешней политики Габона начался с приходом к власти в 2009 г. Президента Али Бонго Ондимба. Его приход к власти после смерти Президента Омара Бонго оказал существенное воздействие на внешнюю политику Габона. Приоритетом габонской внешней политики и дипломатии на этом этапе стала ориентация на содействие достижению поставленных амбициозных экономических целей государственного развития. Это также начальный период реализации нового государственного курса «Процветающий Габон», согласно планам выхода страны на новые горизонты развития к 2025 г. Для этого Президент Республики Али Бонго Ондимба ввел в действие Стратегический план развития Габона до 2025 г., суть которого выразили три стратегические установки: «Промышленный Габон. Зеленый Габон. Сервис Габона» (подр. см. [14]).

Определяющее значение при выработке внешнеполитического курса сыграли принципы обеспечения суверенитета и международной включенности, концепция диалога, влияние фактора французского языка.

Габонская Республика продолжила политику диверсификации своих партнерских отношений на международной арене. Характерная для Габона двусторонняя дипломатия определялась концепцией диалога и была нацелена на формирование и реализацию программ финансовой и технологической помощи, а также развития знаний. Президент Али Бонго развивает прочные экономические партнерские отношения с ЕС, Францией, Китаем. При этом Франция по-прежнему остается важнейшим экономическим партнером, с которым Габон имеет сильное дипломатическое взаимодействие, что свидетельствует о стабильном и приоритетном сотрудничестве.

Внешиполитические приоритеты Габона на современном этапе

Традиционно внешняя политика Габона основывается на принципах диалога, баланса интересов, прагматизма, взаимной выгоды и твердой защиты национальных интересов страны. Поэтому Габон призывает к равенству все государства мира, с учетом взаимных интересов и невмешательства во внутренние дела, и выступает за мирное урегулирование споров и конфликтов, в соответствии с Уставом ООН и нормами международного права. Внешняя политика Габона строится также с учетом принципа дифференцированного подхода и нескольких уровней взаимодействия с зарубежными странами и международными организациями. Этот подход сохраняет преемственность внешней политики, определяя новый этап развития внешней политики Габона как прагматичный и активный.

В связи с акцентом на активное участие в международных делах и сознавая свою ответственность и роль в регионе,

Габон полагает своей приоритетной задачей здесь обеспечение региональной стабильности. При этом Габон планирует акцентировать свою политику на развитии интеграции в Африке, чтобы снизить риск возникновения конфликтов и решить социально-экономические проблемы. Также Габон стремится соответствовать целям и принципам Устава ООН и признает фундаментальное значение принципа верховенства права для политического диалога и межгосударственного сотрудничества; поддерживает международные усилия по борьбе с незаконным оборотом оружия; вместе с другими государствами в двустороннем и многостороннем формате принимает активное участие в борьбе с терроризмом, экстремизмом, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, торговлей людьми и нелегальной иммиграцией, организованной преступностью и коррупцией [16, р. 245-298].

Подчеркнем, что экологическая проблематика для Габона является приоритетным направлением его внутренней и внешней политики и участия в деятельности ООН. Меры по предотвращению изменения климата стали сегодня значимым элементом защиты окружающей среды – одной из главных проблем современных международных отношений.

На прибрежной линии (950 км) Габона проживает две трети населения (70 %), и сконцентрирована почти вся экономическая деятельность страны. Это побережье является экономическим (туризм, нефть, рыболовство и др.), социальным (мобильность и выживаемость населения) и экологическим (обильные и богатые биоразнообразия) центром жизни Габона [17, р. 130-143]. Закономерно, что проблематика изменения климата стала важной темой во внешней политике Габона, а борьба против изменений климата – элементом национальной политики по защите окружающей среды.

Габон активно участвовал во всех саммитах ООН на высшем уровне по вопросам изменения климата с 1992 г. и принял срочные меры по поддержке экологической политики

путем создания ряда нормативных учреждений и инструментов, таких как: Национальный план «Климат Габона» [18], Габонское Агентство исследований и наблюдений космоса: земля, климат, человек, Национальный совет по климату для улучшения экологической политики. Тем самым Габон показал серьезность своего участия в борьбе против изменения климата, готовность синхронизировать свою политику с деятельностью международного сообщества.

Габонская Республика стремится к укреплению своих отношений с Россией во всех сферах: политической, экономической, коммерческой, культурной и гуманитарной, на основе принципа добрососедских отношений и альянса в XXI веке.

Отметим также, что Габон углубляет свое стратегическое партнерство с Китаем в контексте политического диалога на самом высоком уровне, укрепляя сотрудничество в технологической, коммерческой, экономической, культурной и гуманитарной сферах и развивая взаимодействие в сфере транспорта и в сельском хозяйстве, а также в области экологии и совместного использования водных ресурсов трансграничных рек.

Развитие многосторонних отношений Габона с африканскими государствами сосредоточено на совместных усилиях стран и регионов по противодействию проблемам внутренних и внешних угроз на основе активизации сотрудничества при проведении экономической политики, культурного и гуманитарного диалога, на основе взаимности, равенства и взаимной выгоды.

Габонская Республика нацелена на дальнейшее укрепление своих стратегических отношений с европейскими странами и учреждениями, с которыми были подписаны или готовятся к подписанию договоры о стратегическом партнерстве. Также Габон намерен приложить усилия для развития отношений с Европейским союзом, который является его важным партнером в экономике, торговле и инвестициях.

Итак, современная внешняя политика Габона, основанная на Стратегическом плане – 2025, как президентской инициативе, определяет долговременно ориентированные стратегические интересы страны и ставит перед страной задачу выхода на новый уровень развития.

В результате за период 2009–2016 гг. внешняя политика стала играть все более заметную роль в обеспечении развития Габона, став важнейшим инструментом и условием реализации государственного курса. Ключевую роль в процессе принятия внешнеполитических решений играет Президент страны, что заметно актуализирует задачу изучения характеристик института президентской власти и роли Президента в определении перспектив развития внешней политики Габона.

При рассмотрении внешнеполитического курса Омара Бонго и Али Бонго Ондимба можно заметить, что разница состоит в моделях внешней политики Габона, возникновение которых отразило процесс реформирования сферы внешней политики Габонской Республики. Необходимо подчеркнуть, что действующий Президент Али Бонго Ондимба продолжил политику предыдущего Президента Омара Бонго. Он поддерживает идею мира, идею диверсификации экономики и идею сотрудничества. Разница состоит только в реформировании внешней политики и в расширении модели присутствия Габонской Республики в мире. Габонская Республика продолжила политику диверсификации своих партнерских отношений на международной арене. Характерная для Габона двусторонняя дипломатия определялась концепцией диалога и была нацелена на формирование и реализацию программ финансовой и технологической помощи, а также развития знаний.

Действительно, новые реалии определяют в начале XXI в. место и роль Африки в мировом развитии – как это осмыслено, например, в программной резолюции ГА ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (2015) – и аф-

риканские государства не могут упустить свой шанс в этот решающий момент развития континента [19]. Как представляется, одним из главных направлений работы по усилению глобального сотрудничества в Африке, в том числе с участием Габона, является «Программа действий Африканского союза по экономическому развитию до 2063 года». В этой программе определены основные направления для улучшения макроэкономических, деловых и финансовых структур на континенте [20].

Отметим также, что при Президенте Али Бонго Ондимба сформирован новый вектор внешней политики Габона, направленный на изменение внешнеполитической модели в русле устойчивой тенденции к расширению сотрудничества африканских стран с иностранными партнерами, что также определяет актуальность и практическую значимость изучения габонского опыта. Данная особенность не является характерной только для Габона. Как отмечали российские исследователи, за последние два десятилетия практически все новые партнеры африканских стран относятся к незападному миру (Бразилия, Россия, Китай, Индия, ЮАР – страны БРИКС; Турция, Южная Корея, Вьетнам, Малайзия, монархии Персидского залива) и произошло «наиболее значительное за весь постколониальный период расширение пространства внешнеэкономического партнерства Африканского континента» [21, с. 214].

Таким образом, Габон в его позиционировании на мировой арене и в сфере двусторонних отношений, как с традиционными, так и с новыми зарубежными партнерами, прошел непростой путь от национально-охранительного по сути изоляционизма во внешней политике к курсу глобальной открытости страны во имя устойчивого развития. Как представляется, найденная руководством Габона модель конкурентного развития страны в условиях глобализации позволяет по-новому использовать потенциал дипломатии, ориентируя ее на сопряжение локальных, региональных и глобаль-

ных преимуществ в целях национального развития и большей международной включенности.

Габонская Республика продолжает политику диверсификации своих партнерских отношений на международной арене. Характерная для Габона двусторонняя дипломатия определяется концепцией диалога и нацелена на формирование и реализацию программ финансовой и технологической помощи, а также развития знаний. Президент Али Бонго развивает прочные экономические партнерские отношения с ЕС, Францией, Китаем. При этом, говоря о габонско-французских отношениях, подчеркнуто определяющее значение фактора французского языка. Франция по-прежнему остается важнейшим экономическим партнером, с которым Габон имеет сильное дипломатическое взаимодействие, что свидетельствует о стабильном и приоритетном сотрудничестве.

В целом современная дипломатия Габона может быть названа «дипломатией процветания и открытости», поскольку призвана обеспечивать достижение целей Стратегического плана «Процветающий Габон» и формировать имидж успешной страны, открытой к широкому взаимовыгодному и равному партнерству на международной арене. С одной стороны, внешнеполитическая деятельность направлена на создание благоприятных условий для реализации исторического выбора народа Габона, укрепления верховенства закона, развития демократического общества и рыночной экономики с сильным социальным измерением. С другой стороны, перед дипломатией Габона поставлена задача широкого информирования международной общественности о реализуемых национальных проектах социально-экономического развития, достижениях в сфере культуры и науки, позиционировании страны по ключевым международным вопросам.

Литература

1. *Mba A.E.* La politique étrangère du Gabon de Léon Mba à Omar Bongo. Libreville, 1992.
2. *Dieudonné N.* Comportements et rôles du Gabon dans les relations interafricaines. Mémoire de DEA Etudes africaines. Bordeaux, CEAN. – 1990.
3. *Ageron C.R., Michel M.* L'Afrique noire française: l'heure des indépendances. Paris, 1992.
4. *Barney J.* Une politique étrangère active. Geopolitique africaine. – mars 1986; *Bignoumba M.E.* Le système politique gabonais. Thèse pour le doctorat Etudes africaines. – IEP, Bordeaux CEAN, 1992.
5. *Bignoumba M.E.* Le système politique gabonais. Thèse pour le doctorat Etudes africaines. – IEP, Bordeaux CEAN, 1992.
6. Девиз ГДП: «Dialogue. Tolérance. Paix». URL: <http://partidemocratiquegabonaispdg.over-blog.com/>
7. *Koloko Josué.* El Hadj Omar Bongo ou l'art et la manière de gouverner le Gabon. – Paris, 1998.
8. *Douglas A.* The rentier state in Africa. Oil rent dependency and neocolonialism in the Republic of Gabon. Africa, World Press, 1996.
9. *Khalid Tinasti.* Le Gabon, entre démocratie et régime autoritaire. Paris: L'Harmattan, 2014.
10. *Etoughe D., Ngadi B.* Refonder l'Etat au Gabon, contribution au débat. Paris: l'Harmattan, 2003.
11. *Pondi J.E.* Le défi de la solidarité. G. 20 défis pour le millénaire. Batir un nouvel humanisme. Paris, 2000.
12. *Bongo O.* Gabon: dix ans de pouvoir et de progrès 1968-1978. Editions Multipress-Gabon. Libreville, 1978.
13. *Fortuné Matsiegui.* Les élections politiques au Gabon de 1990 à 2011. Paris: L'Harmattan, 2015.
14. *Ндакисса Онкасса Франсуаза.* Особенности и основные этапы развития внешней политики Габонской Республики // Международные отношения. 2017. № 1. С. 18–27.
15. *Mouity P. M.* Le Gabon à l'épreuve de la politique de l'émergence. Paris, 2012.
16. *Bernault F.* Le consensus politique au Gabon de 1960 à nos jours. Congo-Brazzaville, 1996.

17. *Lomba N. C.* Le Gabon et les politiques internationales en matière de protection de l'environnement de 1972 à 2002. Libreville, 2007.

18. Plan national climat Gabon. Libreville, 2012. URL: <http://www.documents.clientearth.org/wp-content/uploads/library/2012-01-01-plan-national-climat-2012-gabon-ext-fr.pdf>

19. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 года. 70/1. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/291/92/PDF/N1529192.pdf?OpenElement>

20. *Шойбле Вольфганг.* Project Syndicate, 2017. G20: Африка заслуживает больше внимания. 15.03.2017. URL: <http://finance.liga.net/economics/2017/3/15/opinion/52388.htm>

21. Новые партнеры Африки: влияние на рост и развитие стран континента / отв. ред. Т. Л. Дейч, Е. Н. Корендясов. – М.: Институт Африки РАН, 2016.

Adebayo Kafilat Motunrayo

**ECONOMIC COMMUNITY OF WEST AFRICAN STATES
CONFLICT MEDIATION AND RESOLUTION:
A CASE STUDY OF LIBERIA CIVIL WARS**

Introduction

The Liberian Civil War which began in December 24, 1989, had its roots in an economic culture of both dependency and lack of effective discipline. Despite the fact that Liberia was the first to gain its independence among other African neighboring countries, it lacked in economic and social development [7]. The Liberia civil war is regarded as one of Africa bloodiest, as it claimed thousands of lives and million others affected by extreme violence and led to total breakdown of law and order. Whole villages were emptied as people varnished and fled over the regions. Child soldiers committing atrocities, raping and murdering people of all ages were the order of the day.

In August 1990, In an effort to put an end to the brutal and bloody civil war in Liberia, Economic Community of West African States (ECOWAS) took the uttermost decision with its members states to send peacekeeping force (ECOMOG – Economic Community Cease-Fire Monitoring Group) along with initial 3,000 to 5,000 troops [12] into Liberia capital city, Monrovia. This was the second major involvement by an African sub-regional organization in the internal affairs of a member state the first OAU Pan-Africa Peacekeeping mission in Chad [27] civil war 1981. Although the civil wars were fought between war lords who immensely subjected people into ethnical division, you should note that even before the civil wars, Liberia had always been a divided country. During the war, all angles of the state were affected, damaged and destroyed. Fact has it that ECOWAS Intervention was an unexpected move, because ECOWAS is an economic body, and not a military force. ECOWAS was initially established in 1975 [6] by a joint initiative of Nigeria and Togo in

order to promote economic and social cooperation within the West African region. But the question is, what would have become of West African States and possibly other African sub-regions had it been ECOWAS did not intervene?

Background of the Liberia civil wars

Liberia problems is said to be caused by the country's inability to resolve ethnic and political differences. The origin of the Liberia civil war can be traced to the military regime of a former Sergeant in the person of Samuel Doe, who led a coup d'état to overthrow the then elected government, President William R. Tolbert in 1980. Doe failed woefully at his promises to institute a democratic reform and return the country back to civilian rule [14]. The 10 years of Doe's government, the Liberian people witnessed great mismanagement, misfortunes, oppression, corruption, and violence among the ethnic groups; the Krahn Vs the Gio and Mano.

In 1989, the former Liberian minister Charles Taylor invaded the country. He brought along with him a force composed of 100 rebels and gave its party the name 'National Patriotic Front of Liberia'. His aim was to oust the oppressive and anti-democratic regime of the then-president, Samuel Doe. This invasion triggered the second Liberia civil war [13]. Doe's regime in no time lost control of most of his occupied Liberia cities to Charles Taylor's forces, and the civil war became a multidimensional struggle for power between Taylor's NPFL, Samuel Doe's Armed Forces of Liberia, and numerous other armed groups that formed and emerged at different stages of the conflict. As earlier said, the emergence of these various rebel factions during the conflict was not only as a result of the ideological differences but also of the quest and desire to control Liberia natural resources which include gold, diamonds [22], timber and rubber.

In 1997, the Liberian people elected Charles Taylor as the President with the hope that he would end the bloodshed, but what they got in return was the second Liberia civil war which

started in 1999 and got massively and brutally. For so many reasons, the civil war got extended to neighboring countries such as Sierra Leone, Guinea and Cote d'Ivoire. Charles Taylor resulted to financing and supporting the rebel forces in these neighboring countries, which certainly caused enormous hardship for all that are involved. The UN in an effort to cut off Charles Taylor's sources of funds decided to ban the sales of diamonds and golds from Liberia in 1990. Although this decision limited Taylor's wealth in funneling the rebel insurrections in the neighboring countries, but the violence continued as there were other of his contributions to the rebels located in Sierra Leone, Guinea and Ivory Coast. In response, the United Nations-backed court indicted Taylor for several crimes against humanity in the sub-region [25]. As the conflict proceed, over half the country's population of 2.6 million were displaced internally, for example the population in Monrovia, the capital city grew from 600,000 in 1991 to approximately one million at the height of the crisis. Externally displaced were estimated to 700,000 [11] Liberians refugees in neighboring countries.

**ECOWAS intervention and its mediation committee:
The Economic Community of West African States
Military Observer Group (ECOMOG)**

It all began in 1975 when the West African nations assembled in Lagos, Nigeria and adopted the ECOWAS Treaty which aims at promoting regional integration [31] and establishing an economic union of the region Anglophone, Francophone, and Lusophone countries. Some of ECOWAS successes include the construction of highways, promotion of anti-drug policies, and the creation of a regional travellers' check. However, ECOWAS original goals remain difficult to achieve [19]. Despite ECOWAS economic shortcomings, it earns one notable success which is its military arm. ECOMOG succeeded in restoring peace and stability to Liberia. From the beginning of the Liberia conflict, ECOWAS took responsibility and attempted various initiatives that

were aimed at conquering the civil war and regaining peaceful settlement.

In ECOWAS efforts at putting an end to the civil war, the United Nations gave its support. These efforts by ECOWAS included establishing an observer force, the Military Observer Group (ECOMOG) in 1990 [29]. Mediation, negotiation and conciliation were the main means for the peaceful resolution of conflicts, which were in accordance with the 1963 OAU Charter. The OAU Charter which is the main Regional Organization served as guidance for the implementation of ECOWAS treaty which decreed the following: Non-aggression among Member States, Maintenance of regional peace, security and stability through the strengthening of good neighborliness [18], Peaceful settlement of disputes among Member States to avoid escalation, active cooperation between the neighboring nations, and the last but not the least – promotion of a peaceful environment.

The ECOWAS Mediation Committee, ECOMOG which acted as a West African peacekeeping force began with approximately 3,000 troops and swelled up to over 10,000 at the height of the Liberia crisis. As at then, only 5 ECOWAS member states forces (Nigeria, Gambia, Guinea, Ghana and Sierra Leone, later Mali joined) were involved. At the initial stage of the Liberia crisis, there was no responses from the International bodies. This was due to the Iraqi invasion of Kuwait in 1990 and later the Gulf War. Both United States and United Nations refused to intervene by restoring security and bringing peace to Liberia. Their claims were that African problems warrant African solutions. This left West Africa all by itself. African leaders pleaded to the US marines to stop the fighting or at least to assist in creating a safe haven for the civilians. As at then, the only response came with the use of 200 US marines just to rescue at least 300 US nationals.

In August 1990, without any International intervention, ECOMOG arrived with its troops to Monrovia with immediate action in stopping the warring rebels. The intervention of the West African nations was justified on the facts that the Liberia

civil war was no longer an internal affair and conflict since thousands of neighboring countries nationals were trapped in Liberia and close to ten thousand of refugees are displaced. The ECOMOG's mandate for the peacekeeping force stated that they were to: keep peace, restore law and order , ensure that a cease-fire was agreed to by the rebel groups and help to form an interim government by holding elections within 12 months [10].

Despite the challenges faced by ECOMOG, it was able to accomplish most of its goals such as; the ability to establish a semblance of peace and order in the suffering cities, which enabled the international humanitarian groups to return to Liberia and also a cease-fire was obtained. Furthermore, ECOMOG also enabled the installment of an Interim Government of National Unity (IGNU), which was headed by Amos Sawyer. Although, there were observers that criticized ECOMOG's invention at some point, but still they are of the opinion that the initial intervention of ECOMOG was commendable. A major important accomplishment that was pointed by all was the ability and capability of ECOMOG to put an end to the slaughtering of Krahn and Mandingo ethnic groups in Monrovia.

In 1993, ECOWAS brokered a peace agreement in Cotonou, Benin, but due to the delays in implementing the peace agreement, the rebel fractions re-emerged, hence making it impossible to for elections to be held in February/March 1994, as it was earlier scheduled by ECOWAS. In the subsequent months, there were negotiations in the amendment and clarification of the Cotonou peace agreement. With the effort of the ceasefire in force, the elections were successfully carried out in July 1997. and Charles Taylor was elected as President, although it is impossible to term the election a free and fair one [8]. Shortly after the election, there were series of matter arising and the violent conflict continued among the rebel groups.

In December, 1999, a protocol related to the mechanism for Conflicts Prevention, Security, Resolution and Peace Keeping was adopted and it could be termed as the most comprehensive

protocol in accordance to peace and security in the Africa region. This protocol does not only addresses peacekeeping, but also see to humanitarian support and overall peace building capabilities as well as the contemporary issue of cross border offense. Moreso, in 2001 [5], ECOWAS member States also adopted the Supplementary Protocol on Democracy and Good Governance as an a guide and instrument in promoting peace and security in West Africa region.

There were quite numbers of success in the humanitarian arena which was largely due to ECOMOG's ability in restoring a semblance of order and peace which helped international humanitarian agencies to render their services in Liberia and the affected neighboring countries. Also, there was a joint operational coordination amongst the relief workers and ECOMOG in the ECOMOG-controlled areas [4] , this helped in leading to the restoration of water supplies in almost all the regions. In addition, we could say that non-relentful coordination gave birth to the institution of programmes that were targeted in the sanitation and housing in the camps for internally displaced persons in the regions such as Buchanan, Grand Bassa and Margibi, where ECOMOG, United Nations agencies, NGOs and national organizations rendered assistance to grow number of displaced individuals.

ECOWAS subsequently deployed a vanguard force to Liberia in order to assist to stabilize the security situation and also facilitate the handover of power by President Charles Taylor. And 11 August 2003 [16], a handover to Vice-President Moses Blah was carried out by President Taylor, after which he left Liberia for Nigeria at the invitation of the then-president of Nigeria, Olusegun Obasanjo.

17 August, 2003 in Accra [20], there was a concluded negotiation with the Liberian parties on the distribution of humanitarian aid in Liberia. And a Comprehensive Peace Agreement was signed during the Peace talks in Accra, by the parties involved. National Transitional Government of Liberia was made to ensure

the implementation of the Peace Agreement, which included the preparation of elections to be held in October 2005[2,17]. Under the Peace Agreement [21], ECOWAS with immediate effect established a multinational force that secured the ceasefire, and also assisted the transitional government in the implementation of the Agreement.

Finally, with so many efforts from ECOWAS and the assistance of UN, a Liberian general election was held on the 11 October, 2015 [24]. The election marked the end of the political transition following the Liberia second civil war. The first African democratically female president Ellen Johnson Sirleaf was elected. Then and there became the Liberia new beginning.

The Role of Nigeria in the Liberia Crisis

Analyses on the successful mediation and intervention in the Liberia civil wars is totally incomplete without buttressing the significant role played by Nigeria. As the Liberia conflicts began to escalate, almost 80 % of the West African states debated on the importance of a regional peacekeeping force in Liberia, but Nigeria was so ready and eager [9] to deploy its troops. ECOMOG wouldn't have been possible without the provision of funds, materials, political and military leadership that were provided by Nigeria. Although, fact had it that there were other factors indicating the involvement of Nigeria, but it worthy to note that Nigeria was keened at ending the Liberia civil war and restoring stability to the region.

The prime motivation for Nigeria's involvement was to protect its citizens, as over 70,000 [28] Nigeria nationals resided and worked in Liberia during the time of the civil war. There was no other regional state which had such magnitude of its Nationals in Liberia, thereby leaving Nigeria with a domestic pressure to ensure the safety of its citizens.

However, sooner, Nigerians in Liberia became the rebel targets after the factions learned that the Nigerian government has shipped a light assault weapons and ammunition to Doe's sup-

porters in April, 1990. 700 to 1000 Nigerians were brutally attacked and killed in the Nigerian Embassy by the National Patriotic Front of Liberia(NPFL, led by Charles Taylor) guerrillas. After this inhumane act by the rebels, Nigeria became much more determined to take action by giving all possible aid and assistance to ECOWAS. Another of Nigeria concern was the possibility of the civil war extending to neighboring countries, thereby creating instability in the region which could alter the position of Nigeria among its other sub-region states as Nigeria's closest allies[3] at that time, Sierra Leone, Gambia, Guinea were very much close to Liberia and were already directly threatened by the event. In order to prevent the destabilization of the Sierra Leone, Guinea and Gambia, Nigeria had to assure itself of partners during a time when it was faced with criticism for political repression and human domestic rights.

Conclusion

Historically, West Africa is the most fragile region on the African Continent, which makes it prone to humanitarian crises, environmental disasters, and political instability. The Liberia civil wars resulted in unlimited violations of both human rights and humanitarian law. The brutal torture and killings, sexual violence against women, girls and young boys, the recruitment and use of over 6,000 child soldiers [15], the displacement of million of people and many more made the Liberia civil wars one of Africa bloodiest, one to remember in a life time[4]. ECOWAS failure to act quickly and implement its own peace mission plans after the first success of the ceasefire in 1990 made it possible for the warring factions to re-group on many occasions and also prompted new rebel groups to emerged, thereby prolonging the civil war. The increase in the complexity of the war, the lack of steadfastness, the adjustment in mediation progress, and the uncertainty of the battle lines made ECOWAS's task, aim and objective lot more difficult to accomplish. Despite the numerous setbacks experienced by ECOWAS and its Mediation Group(ECOMOG), these

mediation, and intervention ought to be viewed as a possible first major attempt by regional and sub-regional organizations in the maintenance of regional and international peace and security [26]. If all Africa sub-regional organizations can follow suit in this step of collective security, then the future of African continent would seem brighter.

References

1. *Ademola Adeleke*. The Politics and Diplomacy of Peacekeeping in West Africa: The Ecomas Operation in Liberia // *The Journal of Modern African Studies*. Vol. 33, No. 4, pp.569 – 593, December, 1995. Retrieved 2 December, 2016. URL: https://www.jstor.org/stable/161822?seq=1#page_scan_tab_contents
2. AP Associated Press. Liberian becomes Africa's first female president // *World News – Africa/NBC NEWS*. 16 January, 2006. Archived 9 January 2017. URL: http://www.nbcnews.com/id/10865705/ns/world_news-africa/t/liberian-becomes-africas-first-female-president/#.WMWLhKJ95E4
3. BBC News – Africa. The Guinea Conflict Explained // BBC. 13 February, 2001. Retrieved 17 February, 2017. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/1167811.stm>
4. Comfort Ero. ECOWAS and the Subregional Peacekeeping in Liberia // *The Journal of Humanitarian Assistance*. 25 September, 1995. Archived 23 January, 2017. URL: <https://sites.tufts.edu/jha/archives/66>
5. ECOWAS – Peace, Security, Stability and Governance // United Nations Economic Commission for Africa. Retrieved: 2 March, 2017. URL: <http://www.uneca.org/oria/pages/ecowas-peace-security-stability-and-governance>
6. ECOWAS Treaty // ECOWAS law – Economic Community of West African States(ECOWAS). Retrieved 16 February, 2017. URL: <http://www.ecowas.int/ecowas-law/treaties/>
7. *Ellen Johnson Sirleaf*. The Causes and Consequences of the Liberian Civil War // *Harvard International Review*. May 6, 2016. Retrieved 30 January, 2017. URL: <http://hir.harvard.edu/tradethe-causes-and-consequences-of-the-liberian-civil-war/>
8. *Frank Sherman*. Liberia: The land, its people, history and culture // Amazon Book Section. January 7, 2011. URL:

<https://www.amazon.com/Liberia-Land-People-History-Culture/dp/9987160255>

9. *Herbert Howe*. Lessons of Liberia: ECOMOG and Regional Peacekeeping // Project Muse, International Relation. Retrieved 8 February, 2017. URL: <https://muse.jhu.edu/article/447449>

10. Human Rights Watch / Africa, Liberia. Waging the War to Keep the Peace: The ECOMOG Intervention and Human Rights. June 1993. Vol. 5. Issue No. 6. P. 6. Retrieved 10 March, 2017 URL: <https://www.hrw.org/report/1993/06/01/liberia-waging-war-keep-peace/ecomog-intervention-and-human-rights>

11. *Jeff Drumtra*. West Africa's Refugee Crisis Spills Across Many Borders // Migration Policy Institute. 1 August, 2003. Retrieved 2 March, 2017. URL: <http://www.migrationpolicy.org/article/west-africas-refugee-crisis-spills-across-many-borders>

12. *Jeffrey S. Dixon*. A guide to Intra-state wars // Correlate of war series, book library. Retrieved 4 December, 2016.

13. *Johanna Speyer, Christina Stobwasser*. Liberia(NFPL)1989-1996.pdf. 14 September, 2016. URL: https://www.hsfk.de/fileadmin/HSEK/hsfk_publicationen/Liberia-NPFL-1989-1996.pdf

14. *John Pike*. Liberia First Civil War 1989-1996 // Global Security.org. 11 July, 2011. Retrieved 5 March, 2017. URL: <http://www.globalsecurity.org/military/world/war/liberia-1989.htm>

15. *Kayode Abdullahi Umaru*. Economic Community Of West African States Conflict. Management And Resolution: A Case Study // Fort Leavenworth, Kansas 2003. Retrieved 23 November, 2016. URL: <file:///Users/12/Downloads/ADA416143.pdf>

16. Liberians await Taylor resignation // Aljazeera News. 8 August, 2003. Retrieved 3 February, 2017. URL: <http://www.aljazeera.com/archive/2003/08/200849141738858170.html>

17. *Mark Malan*. The OAU and African Subregional Organisations –A closer look at the ‘peace pyramid’ // Institute for Security Studies, paper. № 6. January, 1999. Retrieved 1 March, 2017. URL: <http://dspace.africaportal.org/jspui/bitstream/123456789/31567/1/paper36.pdf?1>

18. *Michael Scharff*. A path to peace: Liberia’s first post-war elections, 2004 – 2005 // Innovations for Successful Societies, Princeton University. Archive: 5 February, 2017. URL:

https://successfulsocieties.princeton.edu/sites/successfulsocieties/files/Policy_Note_ID179.pdf

19. *Natalie Brown*. ECOWAS and the Liberia Experience: Peacekeeping and Self Preservation pdf // Cite Web. 1999. Retrieved 11 March, 2017. URL: <http://citeweb.info/19990807238>, file:///Users/12/Downloads/brown%20(1).pdf

20. Peace Accords Matrix. Accra Peace Agreement // Kroc Institute for International Peace Studies, University of Notre Dame. 18 August, 2003. Retrieved 29 December, 2016. URL: <https://peaceaccords.nd.edu/accord/accra-peace-agreement>

21. Peace Agreement Between The Government of Liberia (GOL), The Liberians United for Reconciliation and Democracy (LURD), The Movement for Democracy in Liberia (MODEL) and The Political Parties // U.S Department of States. Archive released 20 January, 2001 – 20 January, 2009. Retrieved 23 January, 2017. URL: <https://2001-2009.state.gov/p/af/rls/24149.htm>

22. Peace Direct. Liberia: Conflict profile // Insight of Conflict. Retrieved: 8 March, 2017. URL: <https://www.insightonconflict.org/conflicts/liberia/conflict-profile/>

23. Presidential Statements – Document // United Nations Security Council. Retrieved: 21 February, 2017. URL: <http://www.un.org/en/sc/documents/statements/2002.shtml>

24. Republic of Liberia National Elections // The International Republican Institute. Washington, D.C. 2005. Retrieved 4 March, 2017. URL: http://www.iri.org/sites/default/files/fields/field_files_attached/resource/liberias_2005_presidential_and_parliamentary_elections.pdf

25. *Sarah Left*. War in Liberia // World News, The Guardian. 4 August, 2003. Retrieved 25 February, 2017. URL: <https://www.theguardian.com/world/2003/aug/04/westafrika.qanda>

26. Sahel and West Africa Club/OECD. Human Security in West Africa: Challenges, Synergies and Action for a Regional Agenda // Lome, Toge. December, 2006. Retrieved 26 January 2017. URL: <https://www.oecd.org/swac/events/38522363.pdf>

27. *Tchioffo Kodjo Gael Doddy*. The first OAU peacekeeping operation – The inter-african force (IAF) in Chad (27 june 1981 – 30 june 1982) // Academia. Edu. Retrieved 11 January, 2017. URL: <http://www.academia.edu/5255238/>

28. Tufts University. Liberia Short Mission Brief // World Peace Foundation. Retrieved 5 January, 2017. URL: <http://fletcher.tufts.edu/African-Peace-Missions/Research/Case-Studies/Liberia>
29. UNMIL – United Nations Mission in Liberia // United Nations.org. Retrieved: 2 February, 2017. URL: <http://www.un.org/en/peacekeeping/missions/unmil/background.shtml>
30. W. African Leaders Plan 'Major Decision' on Gambia, Nigeria Says // VOANEWS. January 06, 2017 2:29pm. Retrieved 23 January, 2017. URL: <http://www.voanews.com/a/west-african-leaders-major-decision-gambia/3666182.html>
31. Waging War to Keep the Peace: The ECOMOG Intervention and Human Rights // Human Rights Watch. Vol. 5. Issue No. 6, June 1993. Retrieved 29 December, 2016. URL: <https://www.hrw.org/legacy/reports/1993/liberia/#3>

ИНТЕГРАЦИЯ И ФИНАНСЫ

В.А. Усов

АФРИКАНСКИЕ ОБЩИНЫ В СОВРЕМЕННОЙ ИНДИИ: ПОПЫТКА КЛАССИФИКАЦИИ

Разговор о миграции в контексте развития индийско-африканских отношений практически всегда сводится к возникновению и существованию индийской диаспоры в Африке, ее непростым взаимоотношениям с местным населением и властями, а также возможностям использования экономического потенциала диаспоры для укрепления позиций индийского бизнеса в странах Африки. В то же время об африканцах в Индии, их появлении на субконтиненте и взаимоотношениях с индийцами, длительной и очень непростой истории их пребывания в Индии, включающей множество захватывающих страниц от древности до наших дней, известно значительно меньше. Если в западной науке и в Индии данная тема более-менее разработана, то для российской науки остается практически «терра инкогнита». На сегодняшний день практически не существует исследований по африканцам в Индии на русском языке, в связи с чем данную статью можно считать одной из первых попыток как-то восполнить этот пробел. Начать предполагается с самого простого, но и важного одновременно – с классификации африканцев, оказавшихся в Индии в разные исторические периоды и с попытки хотя бы кратко оценить их роль в истории этой страны и проследить истоки формирования африканских общин в современной Индии. Следует также отметить, что в данной

публикации речь идет не о современных африканцах – студентах, бизнесменах и искателях удачи, наплыв которых в Индию в последние несколько лет вызвал целый ряд межрасовых конфликтов и столкновений в разных регионах Индии. Изучение и анализ глубоких расовых предрассудков в этой стране и возможности адаптации в Индии современных африканцев являются самостоятельной проблемой и требуют своего отдельного исследования.

Появление африканцев в Индии, датированное источниками, фиксируется со времен средневековья, и, очевидно, связано с мусульманским завоеванием. Создание на территории Индии мусульманских государств означало подчинение местного индусского населения пришлым элитам, состоящим в основном из афганцев, персов, арабов и разнообразных выходцев из Средней Азии, которым в огромной и густонаселенной завоеванной стране требовались надежные и лояльные слуги и рабы.

Конечно, среди африканцев, попавших в Индию в этот исторический период, были не только рабы. Источники сообщают об африканцах – свободных воинах-наемниках и моряках, которые весьма ценились мусульманскими правителями и купцами Индии за их воинские качества и умения, но несомненно, что большинство африканцев в Индию попали именно как рабы.

К моменту начала завоевания Индии мусульманами, т.е. к XII–XIII вв., исламский мир использовал черных рабов уже многие сотни лет. В отличие от колониального рабства, организованного европейцами в более поздние исторические периоды, рабство в исламском мире в целом имело более мягкие формы, а степень свободы рабов была существенно выше. Согласно Корану дети рабынь от их хозяев-мусульман становились свободными членами семьи хозяина рабыни и принимали его имя, а сами рабыни-невольницы, в том числе африканки, в этом случае не могли быть проданы или разлучены с детьми, а в случае смерти хозяина освобождались

[15]. Вероятно, в отношении черных рабов и рабынь учитывался и тот факт, что согласно исламской традиции близким соратником пророка Мухаммеда был Билял, сын эфиопской рабыни и первоначально сам раб. Обратившись в ислам, Билял претерпел муки за новую веру от своего хозяина, который был противником Мухаммеда, и затем был выкуплен из рабства будущим первым халифом мусульман Абу Бакром. Благодаря своей доблести и голосу Билял стал первым муэдзином мусульманской общины и до сего дня остается одним из самых уважаемых фигур в исламском мире, а имя Билял очень популярно среди мусульман на Африканском Роге [15].

Имеющиеся, хотя и крайне приблизительные подсчеты, говорят о том, что общее количество черных рабов, проданных в страны бассейна Индийского океана, сравнимо с числом африканцев, ставших жертвами европейской колониальной торговли через Атлантический океан, т.е. составляет не менее 10 миллионов человек, а, по оценкам исследователя из Калифорнийского университета Роберта Коллинза, – не менее 12,5 млн человек [4]. Однако торговля рабами в Индийском океане началась значительно раньше европейской колониальной работорговли, а степень ассимиляции бывших рабов в азиатских обществах была несравнимо выше, чем в переселенческих европейских колониях Нового Света. Эти два обстоятельства привели к тому, что сегодня потомки черных рабов во многих азиатских странах в значительной степени слились с коренным населением и даже фенотипически не столь резко выделяются на общем фоне.

Имеющиеся оценки количества потомков африканцев в странах Индийского субконтинента весьма разнятся. Общего названия потомков африканцев, проживающих на территории Южной Азии, также нет. Арабские и индийские средневековые источники в отношении африканцев в Индии использовали в основном слово «хабаша» или «хабши» (habshi), производное от арабского названия Эфиопии (аль-

Хабаш) [7, с. 9–10]. На Шри-Ланке завезенные туда португальцами, голландцами и англичанами африканцы стали именоваться арабским словом «кафиры» (kaffirs), что значит «неверные». В Индии группа африканцев, проживающая в г. Хайдарабаде и являющаяся потомками телохранителей местного мусульманского правителя, называет себя «чауш» (chaush), что, вероятно, является отсылкой к османскому военному термину, означающему война с алебардой [7, с. 25–26]. Однако в настоящее время в отношении практически всех групп потомков африканцев, проживающих в Индии и Пакистане, все больше утверждается термин «сидди» (в Пакистане – «шидди»), который в дальнейшем в данной статье будет употребляться в отношении всех потомков африканцев, проживающих в Индии. Происхождение термина «сидди» до конца не выяснено. По основной версии это наименование (Siddi, Sidi, Seed и т.д.) происходит от арабских слов «Sayyad» или «Sayyid» и может означать потомков пророка Мухаммеда, иметь значение «хозяин» и «правитель», а также относиться к капитанам кораблей, привозившим в Индию африканских невольников. По другой версии слово «сидди» происходит от арабского же слова «saydi» и обозначает пленника [11; 7, с. 25–26].

Оценка количества потомков африканцев во всех странах Южной Азии весьма условна, но, скорее всего, их число ни в одной из них это число не превышает несколько десятков тысяч человек. В Индии данные подсчеты, пожалуй, наиболее сложны, поскольку в этой стране потомки африканцев входят не только в мусульманскую, но и в христианскую общину страны, а часть из них является индуистами.

Основная часть исследователей, пытавшихся оценить численности сидди в Индии, приходит к выводу, что их не более 50–60 тысяч. В 1997 г. Ч. Камара оценивал их число в Индии в 35 тысяч человек [7]. В 2001 г. Дж. Миклем, суммируя имеющиеся индийские статистические данные по Гуджарату, пришел к выводу, что по состоянию на 2000 г. в

этом индийском штате проживало 10–12 тысяч человек, идентифицирующих себя как сидди [13, с. 25]. В 2012 г. Р. Бленч говорил о 20-55 тысячах сидди по всей Индии [2, с. 15].

Из общего ряда исследователей выделяется индийский исследователь Абдулазиз Лоди, который в 2008 г. оценил количество потомков африканцев в одном только Гуджарате в 76 тысяч, а общее их количество в Индии в 250 тысяч человек [11]. Оценки А. Лоди вызвали критические отзывы большинства ученых, занимающихся этой тематикой, которые поставили под сомнение используемые А. Лоди методы подсчета.

В целом, как представляется, столь значительная разница в оценках численности сидди объясняется не только объективными сложностями подсчета численности этнических групп в индийских условиях. Несмотря на то что это наименование постепенно становится общим для всех индийцев африканского происхождения, до настоящего времени не все группы потомков африканцев в Индии считают себя именно сидди, предпочитая другие наименования. Кроме того, на выводы отдельных исследователей, таких как Абдулазиз Лоди, представляющих в основном индийскую мусульманскую общину, может влиять желание увеличить численность данной группы населения, а поскольку потомки африканцев, проживающие в Индии в целом и в Гуджарате в частности в массе своей являются мусульманами, увеличение количества сидди автоматически увеличивает количество и соответственно влияние мусульманской общины в этом штате и во всей стране.

Столь же непростым делом, как и реалистичные подсчеты количества потомков африканцев, является выявление их происхождения и особенностей появления в Индии. Сегодня потомки африканцев проживают в основном в штатах Гуджарат, Андхра-Прадеш (Хайдарабад) и Карнатака и за-

нимают различные профессиональные ниши – от храмовых танцоров и музыкантов до чернорабочих и поденщиков.

Как уже отмечалось, основная группа африканцев попала в Индию, будучи рабами. Вероятно, основная их часть была захвачена или куплена в Эфиопии и районе современного Африканского Рога. В Индии чернокожих рабов охотно использовали в качестве солдат и часто назначали на ответственные, иногда очень высокие посты в административной иерархии. С точки зрения мусульманских правителей, это был почти идеальный выбор – физически крепкие и выносливые чернокожие африканцы были не только хорошими воинами, но и, что самое главное, не имели какой-то иной опоры в стране кроме самого правителя. Они были равно чуждыми как для выходцев из арабских стран Ближнего Востока, Персии, Афганистана и Средней Азии, относившихся к африканцам, даже мусульманам, как к рабам и выскочкам, так и для индусского населения, видевших в них иноземцев и слуг поработителей. Данная практика не была специфически индийской и получила достаточно широкое распространение на всем мусульманском Востоке в средние века. Самым известным примером такого рода являются, пожалуй, египетские мамлюки – бывшие рабы в основном тюркского и кавказского происхождения, ставшие сначала султанской гвардией и телохранителями правителей Египта, а затем сами захватившие власть в этой стране и основавшие здесь несколько мамлюкских династий, правивших Египтом с XIII по XVI в.

Первым достоверным фактом возвышения чернокожего раба в истории Индии можно считать события первой половины XIII в. в Делийском султанате, когда Джалалуддин Якут, бывший черный раб султана, был назначен главным конюшим и стал правой рукой правительницы Делийского султаната принцессы Разии, а затем погиб вместе с ней во внутриусобной борьбе за трон. История Разии и Якута популярна в Индии и по сей день, о взаимоотношениях принцессы и ее помощника-африканца, возможно любовника или

даже тайного мужа, в Индии сняли художественный фильм и написали книгу [20, с. 277–279].

В дальнейшем частота появления африканцев в индийских и арабских хрониках, а потом и в записках европейцев об Индии только возрастает. Известно, что в XV в. в Бенгалии группа хабши захватила власть и на короткий срок даже основала здесь свою династию. После потери власти в Бенгалии в 1493 г. тысячи хабши были высланы из этой страны и нашли свое прибежище у мусульманских правителей области Деккан в Индии и в Гуджарате, где уже до того имелись значительные группы африканцев.

Примерно в те же годы, как считается, группа наемников-хабши сумела захватить остров Джанджира, расположенный недалеко от современного Мумбаи. Это событие, по индийским меркам весьма незначительное, стало, однако, отправной точкой существования почти уникальной в мировой истории африканской правящей династии в неафриканской стране. Первоначально находившиеся на службе одного из мусульманских правителей индийской области Деккан и считавшиеся его наместниками, наемники-африканцы постепенно стали де-факто независимыми правителями острова Джанджира и примыкающих к нему районов побережья и приняли наименование «сидди». На протяжении нескольких столетий сидди Джанджиры, активно привлекавшие к себе соплеменников со всей Индии, успешно отбивали атаки мусульманских и индусских правителей окрестных земель, португальцев и маратхов, пытавшихся выбить их со стратегически расположенного острова, превращенного сидди в настоящую крепость. Обладавшие мощным флотом, сидди Джанджиры, считавшиеся вассалами императора Великих Моголов, долгое время оставались основной военно-морской силой значительной части западного побережья Индии, периодически устраивали набеги на соседей и жестоко угнетали подчиненное индусское население. Упадок сидди Джанджиры наступил только в самом конце XVIII в. после утвержде-

ния в Индии англичан. Тем не менее княжеская династия сидди Джанджиры вместе с менее заметной династией сидди мелкого княжества Сачин просуществовала до самого момента получения Индией независимости в 1947 г. Сегодня потомки сидди Джанджиры и Сачина входят в высшие слои индийского общества. Хотя они не имеют почти ничего общего с основной массой потомков африканцев в Индии, находящихся в самом низу индийской социальной лестницы, их принятое наименование – «сидди», овеянное отблеском былой воинской славы, стало общим наименованием почти для всех потомков африканцев в Индии, стремящимся идентифицировать себя не с рабами, а независимыми правителями индийского княжества [3; 17, с. 151].

Однако наиболее заметной фигурой среди африканцев в истории Индии все же являются не сидди Джанджиры, а Малик Амбар – личный враг могольского султана Джахангира, повесившего в собственном дворце портрет с изображением головы Малика Амбара и собой, стреляющим в эту голову из лука, но так и не совладавшим с ним на поле боя. Бывший раб, родом из эфиопского города Харар, сделавший благодаря своим талантам и отваге военную карьеру в нескольких мусульманских государствах Южной Индии, а затем возглавивший независимый военный отряд из нескольких тысяч воинов-хабши, Малик Амбар со временем стал регентом султаната Ахмаднагар, одного из пяти султанатов Деккана. Он прославился тем, что основал несколько городов, в том числе новую столицу данного султаната, построил оросительную систему, но главное, что, используя партизанскую тактику и налаживая дипломатические альянсы, смог в конце XVI – начале XVII в. до самого конца своей жизни противостоять могольскому завоеванию Деккана. Будучи мусульманином, Малик Амбар наладил тесный военный союз с индуистами-маратхами, военная конфедерация которых через сто с лишним лет, по сути, сокрушила империю Великих Моголов. Сегодня некоторые индийские историки считают

Малика Амбара создателем военной тактики маратхов, их учителем военному делу, отмечая, что его правой рукой был маратхский вождь Малоджи, прадед национального героя маратхов и всей Индии – Шиваджи, под руководством которого маратхи стали главной военной силой Индии и успешно боролись с Великими Моголами [16, 18].

Во времена британского владычества в Индии африканцы уже не играли такой роли, как ранее, но сохранялись в качестве военного или уже скорее церемониального сословия в ряде индийских княжеств, в частности при дворе низама (правителя) Хайдарабада. Так называемые «чауш» составляли отряд дворцовой стражи и служили телохранителями низама, но после получения Индией независимости и включения множества формально независимых ранее княжеств в состав индийского государства центральной властью все эти церемониальные подразделения придворной гвардии и другие атрибуты княжеской власти были упразднены. Сегодня эти чернокожие «чауш», ранее притязавшие на родство с йеменской диаспорой Хайдарабада, носящей такое же название, частично уже приняли название «сидди». В массе своей они маргинализированы, и их небольшая группа постепенно ассимилируется в мусульманской общине Хайдарабада [1, p. 288–303; 6; 14, p. 178–180].

Помимо мусульманских правителей черных рабов в Индию завозили также европейцы. Особенно отличались этим португальцы, обосновавшиеся в Индии еще в конце XV в. Ядром португальских владений в Индии, получивших название «Estado da Índia», стали Гоа, Даман и Диу, в которых, по свидетельствам европейских путешественников XVI–XVIII вв., количество черных рабов в отдельные исторические периоды в разы превышало число самих португальцев [21, p. 170]. Местом происхождения этих рабов была в основном Восточная Африка, в частности прибрежные районы современных Мозамбика, Танзании и Кении. Значительная часть рабов, как считается, бежала от португальцев

на соседние территории, поселившись в лесах современного штата Карнатака. В отличие от потомков африканцев, проживающих в Гуджарате и Хайдарабаде и являющихся в основном мусульманами, в Карнатаке многие сидди являются индуистами и христианами, что, несомненно, является отражением истории их появления в Индии. Сидди-христиане почти всегда оказываются потомками рабов из португальского Гоа, а индуистами, как считается, стали те, кто был продан работоторговцами, как арабскими, так и португальскими, индуистам-брахманам в обмен на продовольствие [8, р. 37–40].

Сегодня практически все сидди Индии, за небольшим исключением потомков правящих династий княжеств Джанджира и Сачин, находятся в самом низу социальной лестницы и заняты преимущественно ручным неквалифицированным трудом. Кроме социальной дискриминации им регулярно приходится сталкиваться с притеснениями и оскорблениями на расовой почве. Большинство индийцев не имеют представления о существовании в стране исторических общих выходцев из Африки, являющихся такими же гражданами Индии, как и они сами, и принимают сидди за недавних иммигрантов-африканцев, отношение к которым в индийском обществе зачастую весьма предвзято.

Основными социальными лифтами для сидди в настоящее время могут считаться музыка и спорт. Сохранившиеся музыкальные африканские традиции среди сильно ассимилированных в индийской культуре сидди являются одной из наиболее ярких характеристик их сообщества, отмечаемой всеми исследователями и наблюдателями жизни сидди. Самый известный из их музыкальных коллективов – «Сидди Гома» из Гуджарата объехал почти весь мир, с неизменной популярностью исполняя африканскую по преимуществу музыку и танцы на африканских же инструментах [9].

Помимо музыки и танцев, являющихся отголосками африканского наследия и часто смешанных с суфийскими исламскими традициями, другой возможностью для сидди

вырваться из нищеты является спорт. Являясь страной с более чем миллиардным населением, Индия в сфере профессионального спорта, особенно в его олимпийских видах, остается почти незаметной. С целью изменения ситуации в этом вопросе индийские власти еще в 1987 году решили начать программу по подготовке индийских спортсменов, прежде всего легкоатлетов, из числа сидди, африканское происхождение которых, по мнению индийских спортивных чиновников, гарантировало успех. Программа была закрыта в 1993 г. в период бюджетных трудностей в Индии, но несколько лет назад опять заработала и имеет своей целью подготовить для Индии олимпийских чемпионов к Олимпийским Играм 2024 г. [22].

Некоторые надежды на достижение относительно благополучной жизни сидди возлагают также на правительственные программы помощи наиболее отсталым и ранее угнетаемым кастам и племенам. Группы сидди в Гуджарате в 1976 г. [10, с. 18–19] и в Карнатаке в 2003 г. [19] получили такой статус, приравнивающий их к отсталым племенам, что гарантирует доступ к образованию и получению работы [15], но основная часть потомков африканцев данных привилегий лишены. Борьба за получение всеми группами сидди специального статуса является важным элементом требований различных организаций сидди к правительству Индии.

С 2000-х гг. по мере усиления интереса к диаспорам и их роли в международных отношениях стало появляться все больше исследований сидди с точки зрения изучения их как представителей африканской диаспоры Африке. При этом отмечается, что продолжающаяся маргинализация сидди в индийском обществе независимо от их религиозной принадлежности приводит к постепенному осознанию в их среде необходимости выработки какой-то новой идентичности, например представления о себе как об единой диаспоре. Этим же, по мнению ряда исследователей, вызван переход различных групп потомков африканцев в Индии, достаточно

слабо связанных между собой местом происхождения, языком, обычаями предков и истории, к самоназванию сидди и наметившаяся тенденция к объединению всех их организаций в одну большую ассоциацию, способную эффективнее отстаивать интересы сидди на общеиндийском уровне [8, с. 73–75].

Литература

1. *Basu Helene, von Schwerin, Kerrin, Minda, Ababu*. Daff Music of Yemeni-Habshi in Hyderabad // *Journeys and Dwellings Indian Ocean Themes in South Asia*. Ed. by Helen Basu, Hyderabad: Orient Longman Private Limited, 2008.
2. *Blench Roger*. Using diverse sources of evidence for reconstructing the prehistory of musical exchanges in the Indian Ocean and their broader significance for cultural prehistory. 1 November, 2012. URL: <http://www.rogerblench.info/Archaeology/Africa/AAR%20paper%20Indian%20Ocean.pdf>.
3. *Chauhan Raghuraj Singh*. Ph.D Thesis. Siddis of Janjira and the Portuguese. University of Goa. 1993.
4. *Collins Robert O*. 2006. The African Slave Trade to Asia and the Indian Ocean Islands. *African and Asian Studies*, 5 (3–4). P. 325–347.
5. *Ifthekhar J.S.* 'Marfa' band of the Siddis 'losing' its beat. *The Hindu*. 10 July, 2011. URL: <http://www.thehindu.com/news/cities/Hyderabad/marfa-band-of-the-siddis-losing-its-beat/article2216021.ece>
6. *Jayasuriya Shihan de Silva*. Identifying Africans in Asia: What's in a name? // *Uncovering the History of Africans in Asia* / ed. by Shaihan de Silva Jayasuriya and Jean-Pieree Angenot. Brill. Leiden 2008. ISBN 978-90-04-16291-4. Chapter 2.
7. *Kamara Charles*. 1997. Afro-Asians – a preliminary survey. Conference Paper, The Northwestern Indian Ocean as Cultural Corridor, 17-19 January 1997. Stockholm University, Sweden. Cit on: Lodhi, Abdulaziz Y. Bantu origin of the Sidis of India. 29 October, 2008. Issue 404. *Pambazuka News*. URL: <http://pambazuka.org/en/category/comment/51594>
8. *Kumar Surendra*. Issues of Identity and Assimilation of African Diaspora in India: A Study of Siddi Community of Karnataka. The-

sis submitted to Jawaharlal Nehru University for the award of Degree of Doctor of Philosophy. School of International Studies of the Jawaharlal Nehru University. New Delhi, 2008. URL: <http://shodhganga.inflibnet.ac.in/handle/10603/32295>

9. Lets Dance: Siddi Goma Dance of Gujarat – an Indian Dance. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Nh_XkoGcwPw

10. List of notified Scheduled Tribes. Census India. Retrieved 15 December 2013.

11. *Lodhi Abdulaziz Y.* Bantu origin of the Sidis of India. 29 October, 2008. Issue 404. Pambazuka News. URL: <http://pambazuka.org/en/category/comment/51594>

12. Malik Ambar: A remarkable life. The Tribune of India. Spectrum. 13 August, 2006. URL: <http://www.tribuneofindia.com/2006/20060813/spectrum/art.htm>

13. *Micklem James.* 2001. Siddis in Gujarat. Occasional Papers. № 88. University of Edinburgh. URL: http://www.cas.ed.ac.uk/_data/assets/pdf_file/0004/27355/No_088_Sidis_in_Gujarat_James_Micklem.pdf

14. *Minda Ababu.* An African Indian Community in Hyderabad: Siddi Identity, Its Maintenance and Change. Ph.D Thesis. Gottingen, Cuvillier Verlag, 2004. URL: https://books.google.ru/books?id=DigPvwHTqJ4C&pg=PA179&lpg=PA179&dq=Black+Chaush+of+Hyderabad+in+India&source=bl&ots=94_wAzifRh&sig=vB4o5L1XHYq7gEgsEgSCSqL0zhY&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwj2geSTnNjRAhWiB5oKHdiFCroQ6AEIMzAD#v=onepage&q=Black%20Chaush%20of%20Hyderabad%20in%20India&f=false

15. *Omar H.Ali.* The African Diaspora in the Indian Ocean World. 2011. URL: <http://exhibitions.nypl.org/africansindianocean/index2.php>.

16. *Omar H.Ali.* Malik Ambar: The Legacy of an Ethiopian Ruler in India. URL: https://libres.uncg.edu/ir/uncg/f/O_Ali_MalikAmbar_2011.pdf

17. *Pinto Jeanette.* The African Native in Indiaspora // Uncovering the History of Africans in Asia / ed. by Shaihan de Silva Jayasuriya and Jean-Pieree Angenot. Brill. Leiden 2008. Chapter 9.

18. *Rangarajan A.* Malik-Ambar: Military guru of the Marathas. The Hindu. 12 October, 2008. URL: <http://www.thehindu.com/todays->

paper/tp-features/tp-sundaymagazine/mali-ambar-military-guru-of-the-marathas/article143711.ece?css =print

19. Sidi/Habshi cultural heritage in Uttara Kannada: A community with African ancestry – Karnataka. Tribal Cultural Heritage in India Foundation. 26 July, 2013. URL: <http://www.indiantribalheritage.org/?p=12056>

20. *Singh Jaspal*. African Indians in Bolliwood. Kamal Amrohi's Razia Sultan // India in Africa, Africa in India. Indian Ocean Cosmopolitanisms / ed. by John C. Hawley. Indiana University Press, 2008.

21. *de Souza Teotonio*. Manumission of Slave in Goa During 1682 to 1760 as Found in Codex 860 // TADIA. The African Diaspora in Asia. Explorations on a Less Known Fact / ed. by Kiran Kamal Prasad, Jean Pierre Angenot. Bangalore, Jana Jagrati Prakashana. 2008. URL: https://www.researchgate.net/publication/200764409_Manumission_of_Slaves_in_Goa_During_1682_to_1760

22. Watch: The African Community That Is India's Hope For An Olympic Medal. 3 March, 2016. URL: <https://thewire.in/40598/siddis-africans-in-india-video/>

МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВЫЕ РЕСУРСЫ

С.В. Пичугин

МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВАЯ БАЗА КОРОЛЕВСТВА МАРОККО И ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДВУСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В Королевстве Марокко выявлены и разрабатываются месторождения: нефти и газа, угля, битуминозных сланцев, урана, железных, марганцевых руд, кобальта, никеля, меди, золота, серебра, свинца и цинка, фосфоритов, плавикового шпата, барита (рис. 1). На шельфе страны активно ведутся геологоразведочные работы для наращивания запасов углеводородного сырья. Осваиваются технологии попутного извлечения урана при разработке фосфоритов. Оцениваются перспективы освоения месторождений олова и вольфрама.

Нефть и газ

Запасы нефти и газа в Марокко незначительны: на начало 2016 г. доказанные запасы нефти составили всего около 70 тыс. т (CIA World Factbook), газа – 1,4 млрд куб. м.

В 2014 г. добыто для внутреннего потребления около 24,0 тыс. т нефти и 45 млн куб. м газа (ранее добывалось до 76 млн куб. м – в 2012 г.). Разрабатываются в основном мелкие месторождения в Западно-Марокканском нефтегазоносном бассейне (во впадине Эссауира): нефтяные Эссауира

(Essaouira) и Сиди-Галем (Sidi Rhalem) и газоконденсатное Мескала (Meskala).

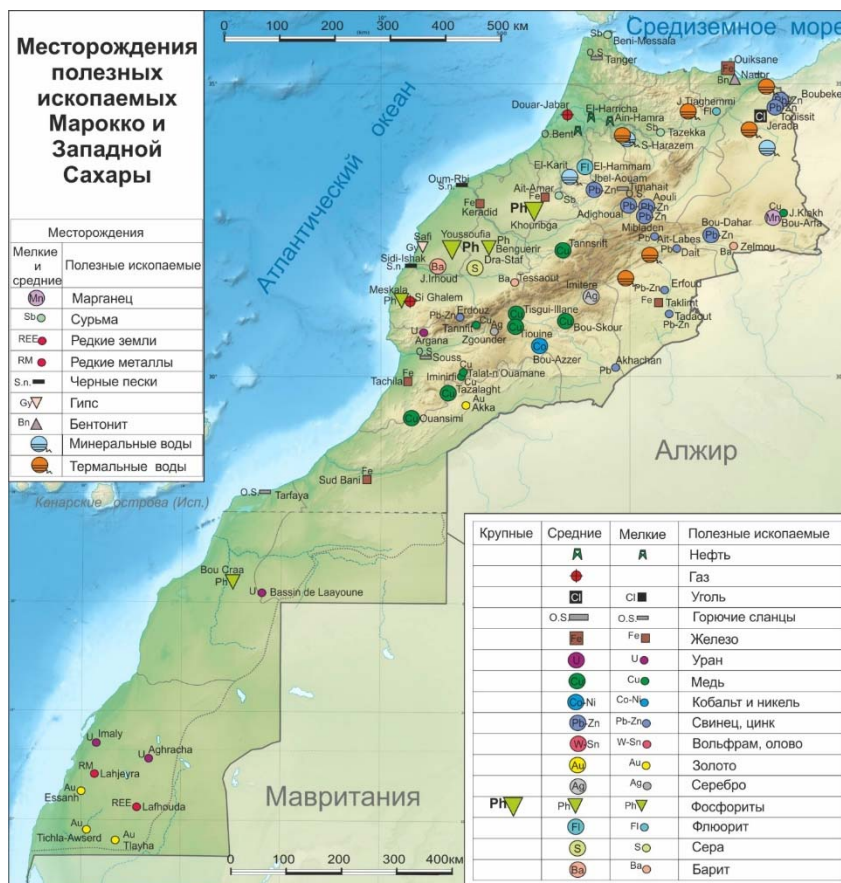

Рис. 1. Месторождения основных полезных ископаемых Марокко и Западной Сахары

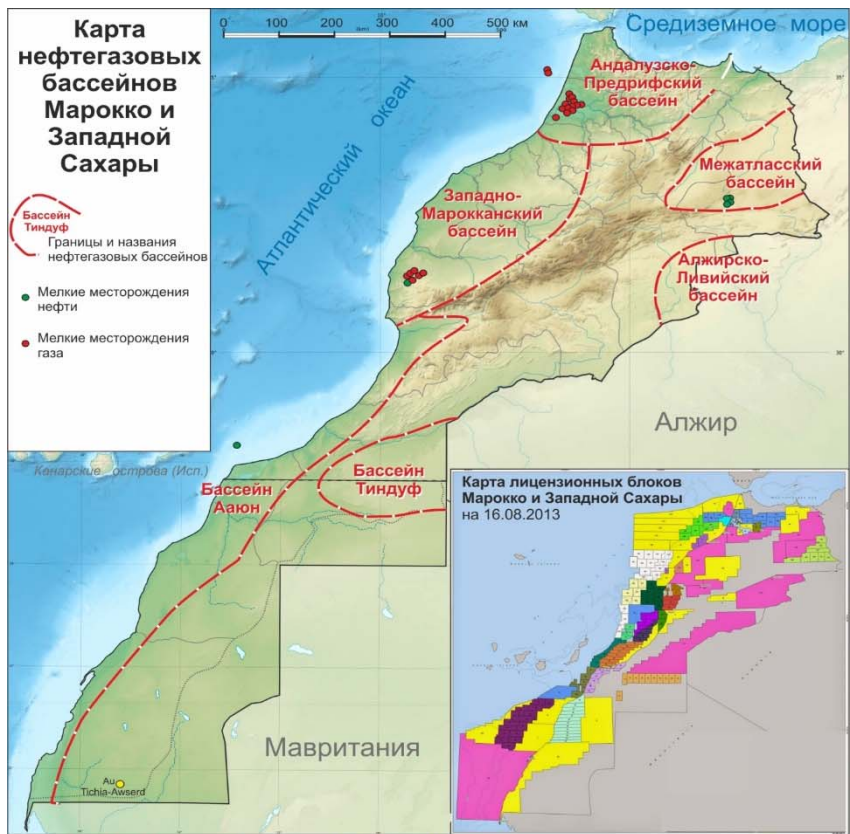
Перспективы нефтегазоносности связаны с открывающимися в Атлантический океан нефтегазоносными бассейнами Андалузско-Предрифским, Западно-Марокканским и Ааюн, с возможно нефтегазоносными бассейнами Тиндуф

(рис. 2) и Межатласским, а также с западной частью Алжиро-Ливийского бассейна (на востоке страны).

Андалузско-Предрифский бассейн занимает Предрифский краевой прогиб на краю эпигерцинской платформы. Характерной его особенностью является широкое развитие покровов альпийской складчатой области, протягивающейся узкой полосой вдоль побережья Средиземного моря. Прогиб под Предрифским покровом выполнен мезозойскими отложениями. Суммарная мощность осадочного чехла – до 5 км. На участках, примыкающих к складчатому обрамлению, осадочный чехол смят в антиклинальные складки и разбит многочисленными разломами на отдельные блоки. Перспективы нефтегазоносности связаны как с покровными, так и с подпокровными отложениями. Известно около 20 незначительных по запасам нефтяных и газовых месторождений, приуроченных к сильно трещиноватым палеозойским метаморфическим сланцам и кварцитам и коре выветривания гранитов в эрозионно-тектонических выступах фундамента, к песчаникам и доломитизированным известнякам юры и триаса, песчаникам миоцена. Месторождения в большинстве своем выработаны.

В Западно-Марокканском бассейне и НГБ Ааюн продуктивны доломиты и известняки средней и верхней юры, песчаники триаса и девона. В Западно-Марокканском НГБ во впадине Эссауира начиная с 1960-х гг. открыто три газовых и одно нефтяное месторождение. В акваториальной части бассейна Ааюн в районе г. Тарфая обнаружены залежи тяжелой нефти в верхнеюрских отложениях.

Межатласский бассейн, расположенный на молодой эпигерцинской платформе, выполнен палеозойскими, мезозойскими и кайнозойскими образованиями мощностью 3–4 км. Перспективны триасовые отложения. Восточнее (на территории Алжира) в ряде скважин в юрских отложениях отмечены признаки нефти. В целом перспективы нефтегазоносности бассейна оцениваются невысоко.

PETROLEUM AGREEMENTS			OFFER AGREEMENTS		
№	NAME	AREA (km²)	№	NAME	AREA (km²)
1	ALGERIA OFFSHORE	1 820,00	11	TIDJAF	1 200,00
2	ALGERIA OFFSHORE I & II	1 860,00	12	GRAND OFFSHORE NORTH	1 200,00
3	ALGERIA OFFSHORE III	1 860,00	13	TACEL	18 040,00
4	ALGERIA OFFSHORE IV	1 860,00	14	FAI OFFSHORE	4 854,00
5	ALGERIA OFFSHORE V	1 860,00	15	BOULOUZ DEEP OFFSHORE	10 060,00
6	ALGERIA OFFSHORE VI	1 860,00	16	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE I	1 800,00
7	ALGERIA OFFSHORE VII	1 860,00	17	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE II	6 884,00
8	ALGERIA OFFSHORE VIII	1 860,00	18	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE III	4 827,00
9	ALGERIA OFFSHORE IX	1 860,00	19	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE IV	8 800,00
10	ALGERIA OFFSHORE X	1 860,00	20	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE V	4 800,00
11	ALGERIA OFFSHORE XI	1 860,00	21	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE VI	4 800,00
12	ALGERIA OFFSHORE XII	1 860,00	22	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE VII	4 800,00
13	ALGERIA OFFSHORE XIII	1 860,00	23	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE VIII	4 800,00
14	ALGERIA OFFSHORE XIV	1 860,00	24	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE IX	4 800,00
15	ALGERIA OFFSHORE XV	1 860,00	25	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE X	4 800,00
16	ALGERIA OFFSHORE XVI	1 860,00	26	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XI	4 800,00
17	ALGERIA OFFSHORE XVII	1 860,00	27	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XII	4 800,00
18	ALGERIA OFFSHORE XVIII	1 860,00	28	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XIII	4 800,00
19	ALGERIA OFFSHORE XIX	1 860,00	29	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XIV	4 800,00
20	ALGERIA OFFSHORE XX	1 860,00	30	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XV	4 800,00
21	ALGERIA OFFSHORE XXI	1 860,00	31	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XVI	4 800,00
22	ALGERIA OFFSHORE XXII	1 860,00	32	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XVII	4 800,00
23	ALGERIA OFFSHORE XXIII	1 860,00	33	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XVIII	4 800,00
24	ALGERIA OFFSHORE XXIV	1 860,00	34	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XIX	4 800,00
25	ALGERIA OFFSHORE XXV	1 860,00	35	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XX	4 800,00
26	ALGERIA OFFSHORE XXVI	1 860,00	36	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XXI	4 800,00
27	ALGERIA OFFSHORE XXVII	1 860,00	37	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XXII	4 800,00
28	ALGERIA OFFSHORE XXVIII	1 860,00	38	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XXIII	4 800,00
29	ALGERIA OFFSHORE XXIX	1 860,00	39	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XXIV	4 800,00
30	ALGERIA OFFSHORE XXX	1 860,00	40	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XXV	4 800,00
31	ALGERIA OFFSHORE XXXI	1 860,00	41	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XXVI	4 800,00
32	ALGERIA OFFSHORE XXXII	1 860,00	42	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XXVII	4 800,00
33	ALGERIA OFFSHORE XXXIII	1 860,00	43	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XXVIII	4 800,00
34	ALGERIA OFFSHORE XXXIV	1 860,00	44	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XXIX	4 800,00
35	ALGERIA OFFSHORE XXXV	1 860,00	45	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XXX	4 800,00
36	ALGERIA OFFSHORE XXXVI	1 860,00	46	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XXXI	4 800,00
37	ALGERIA OFFSHORE XXXVII	1 860,00	47	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XXXII	4 800,00
38	ALGERIA OFFSHORE XXXVIII	1 860,00	48	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XXXIII	4 800,00
39	ALGERIA OFFSHORE XXXIX	1 860,00	49	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XXXIV	4 800,00
40	ALGERIA OFFSHORE XL	1 860,00	50	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XXXV	4 800,00
41	ALGERIA OFFSHORE XL I	1 860,00	51	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XXXVI	4 800,00
42	ALGERIA OFFSHORE XL II	1 860,00	52	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XXXVII	4 800,00
43	ALGERIA OFFSHORE XL III	1 860,00	53	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XXXVIII	4 800,00
44	ALGERIA OFFSHORE XL IV	1 860,00	54	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XXXIX	4 800,00
45	ALGERIA OFFSHORE XL V	1 860,00	55	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL	4 800,00
46	ALGERIA OFFSHORE XL VI	1 860,00	56	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL I	4 800,00
47	ALGERIA OFFSHORE XL VII	1 860,00	57	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL II	4 800,00
48	ALGERIA OFFSHORE XL VIII	1 860,00	58	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL III	4 800,00
49	ALGERIA OFFSHORE XL IX	1 860,00	59	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL IV	4 800,00
50	ALGERIA OFFSHORE XL X	1 860,00	60	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL V	4 800,00
51	ALGERIA OFFSHORE XL XI	1 860,00	61	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL VI	4 800,00
52	ALGERIA OFFSHORE XL XII	1 860,00	62	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL VII	4 800,00
53	ALGERIA OFFSHORE XL XIII	1 860,00	63	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL VIII	4 800,00
54	ALGERIA OFFSHORE XL XIV	1 860,00	64	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL IX	4 800,00
55	ALGERIA OFFSHORE XL XV	1 860,00	65	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL X	4 800,00
56	ALGERIA OFFSHORE XL XVI	1 860,00	66	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL XI	4 800,00
57	ALGERIA OFFSHORE XL XVII	1 860,00	67	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL XII	4 800,00
58	ALGERIA OFFSHORE XL XVIII	1 860,00	68	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL XIII	4 800,00
59	ALGERIA OFFSHORE XL XIX	1 860,00	69	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL XIV	4 800,00
60	ALGERIA OFFSHORE XL XX	1 860,00	70	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL XV	4 800,00
61	ALGERIA OFFSHORE XL XXI	1 860,00	71	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL XVI	4 800,00
62	ALGERIA OFFSHORE XL XXII	1 860,00	72	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL XVII	4 800,00
63	ALGERIA OFFSHORE XL XXIII	1 860,00	73	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL XVIII	4 800,00
64	ALGERIA OFFSHORE XL XXIV	1 860,00	74	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL XIX	4 800,00
65	ALGERIA OFFSHORE XL XXV	1 860,00	75	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL XX	4 800,00
66	ALGERIA OFFSHORE XL XXVI	1 860,00	76	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL XXI	4 800,00
67	ALGERIA OFFSHORE XL XXVII	1 860,00	77	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL XXII	4 800,00
68	ALGERIA OFFSHORE XL XXVIII	1 860,00	78	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL XXIII	4 800,00
69	ALGERIA OFFSHORE XL XXIX	1 860,00	79	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL XXIV	4 800,00
70	ALGERIA OFFSHORE XL XXX	1 860,00	80	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL XXV	4 800,00
71	ALGERIA OFFSHORE XL XXX I	1 860,00	81	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL XXVI	4 800,00
72	ALGERIA OFFSHORE XL XXX II	1 860,00	82	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL XXVII	4 800,00
73	ALGERIA OFFSHORE XL XXX III	1 860,00	83	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL XXVIII	4 800,00
74	ALGERIA OFFSHORE XL XXX IV	1 860,00	84	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL XXIX	4 800,00
75	ALGERIA OFFSHORE XL XXX V	1 860,00	85	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL XXX	4 800,00
76	ALGERIA OFFSHORE XL XXX VI	1 860,00	86	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL XXX I	4 800,00
77	ALGERIA OFFSHORE XL XXX VII	1 860,00	87	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL XXX II	4 800,00
78	ALGERIA OFFSHORE XL XXX VIII	1 860,00	88	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL XXX III	4 800,00
79	ALGERIA OFFSHORE XL XXX IX	1 860,00	89	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL XXX IV	4 800,00
80	ALGERIA OFFSHORE XL XXX X	1 860,00	90	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL XXX V	4 800,00
81	ALGERIA OFFSHORE XL XXX XI	1 860,00	91	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL XXX VI	4 800,00
82	ALGERIA OFFSHORE XL XXX XII	1 860,00	92	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL XXX VII	4 800,00
83	ALGERIA OFFSHORE XL XXX XIII	1 860,00	93	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL XXX VIII	4 800,00
84	ALGERIA OFFSHORE XL XXX XIV	1 860,00	94	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL XXX IX	4 800,00
85	ALGERIA OFFSHORE XL XXX XV	1 860,00	95	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL XXX X	4 800,00
86	ALGERIA OFFSHORE XL XXX XVI	1 860,00	96	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL XXX XI	4 800,00
87	ALGERIA OFFSHORE XL XXX XVII	1 860,00	97	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL XXX XII	4 800,00
88	ALGERIA OFFSHORE XL XXX XVIII	1 860,00	98	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL XXX XIII	4 800,00
89	ALGERIA OFFSHORE XL XXX XIX	1 860,00	99	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL XXX XIV	4 800,00
90	ALGERIA OFFSHORE XL XXX XX	1 860,00	100	ULTRA DEEP RABAT OFFSHORE XL XXX XV	4 800,00

RECONNAISSANCE CONTRACTS		
№	AGREEMENT NAME	AREA (km²)
1	ALGERIA OFFSHORE	1 860,00
2	ALGERIA OFFSHORE I & II	1 860,00
3	ALGERIA OFFSHORE III	1 860,00
4	ALGERIA OFFSHORE IV	1 860,00
5	ALGERIA OFFSHORE V	1 860,00
6	ALGERIA OFFSHORE VI	1 860,00
7	ALGERIA OFFSHORE VII	1 860,00
8	ALGERIA OFFSHORE VIII	1 860,00
9	ALGERIA OFFSHORE IX	1 860,00
10	ALGERIA OFFSHORE X	1 860,00
11	ALGERIA OFFSHORE XI	1 860,00
12	ALGERIA OFFSHORE XII	1 860,00
13	ALGERIA OFFSHORE XIII	1 860,00
14	ALGERIA OFFSHORE XIV	1 860,00
15	ALGERIA OFFSHORE XV	1 860,00
16	ALGERIA OFFSHORE XVI	1 860,00
17	ALGERIA OFFSHORE XVII	1 860,00
18	ALGERIA OFFSHORE XVIII	1 860,00
19	ALGERIA OFFSHORE XIX	1 860,00
20	ALGERIA OFFSHORE XX	1 860,00
21	ALGERIA OFFSHORE XXI	1 860,00
22	ALGERIA OFFSHORE XXII	1 860,00
23	ALGERIA OFFSHORE XXIII	1 860,00
24	ALGERIA OFFSHORE XXIV	1 860,00
25	ALGERIA OFFSHORE XXV	1 860,00
26	ALGERIA OFFSHORE XXVI	1 860,00
27	ALGERIA OFFSHORE XXVII	1 860,00
28	ALGERIA OFFSHORE XXVIII	1 860,00
29	ALGERIA OFFSHORE XXIX	1 860,00
30	ALGERIA OFFSHORE XXX	1 860,00
31	ALGERIA OFFSHORE XXX I	1 860,00
32	ALGERIA OFFSHORE XXX II	1 860,00
33	ALGERIA OFFSHORE XXX III	1 860,00
34	ALGERIA OFFSHORE XXX IV	1 860,00
35	ALGERIA OFFSHORE XXX V	1 860,00
36	ALGERIA OFFSHORE XXX VI	1 860,00
37	ALGERIA OFFSHORE XXX VII	1 860,00
38	ALGERIA OFFSHORE XXX VIII	1 860,00
39	ALGERIA OFFSHORE XXX IX	1 860,00
40	ALGERIA OFFSHORE XXX X	1 860,00
41	ALGERIA OFFSHORE XXX XI	1 860,00
42	ALGERIA OFFSHORE XXX XII	1 860,00
43	ALGERIA OFFSHORE XXX XIII	1 860,00
44	ALGERIA OFFSHORE XXX XIV	1 860,00
45	ALGERIA OFFSHORE XXX XV	1 860,00
46	ALGERIA OFFSHORE XXX XVI	1 860,00
47	ALGERIA OFFSHORE XXX XVII	1 860,00
48	ALGERIA OFFSHORE XXX XVIII	1 860,00
49	ALGERIA OFFSHORE XXX XIX	1 860,00
50	ALGERIA OFFSHORE XXX XX	1 860,00

- Блоки по которым подписаны соглашения на разведку и добычу
- Блоки с разрешением на рекогносцировочные исследования
- Блоки в стадии оформления
- Блоки свободные

Рис. 2. Нефть и газ Марокко и Западной Сахары

Малоизученная впадина Тиндуф (в Марокко заходит своей западной частью) выполнена главным образом палеозойскими песчано-глинистыми отложениями мощностью до 8 км. Нефтематеринским потенциалом обладают черные граптолитовые сланцы силура. Выявлены газопроявления и следы тяжелой нефти в отложениях нижнего палеозоя.

В Марокко потребляется довольно значительное количество нефти, большая часть которой импортируется (в 2014 г. импортировано 5,4 млн т сырой нефти). Импорт нефти осуществляется из Саудовской Аравии, Ирака, России, Ирана и других стран, из-за рубежа ввозится до 99 % от общего объема потребляемой нефти.

Природный газ составляет всего около 1 % энергопотребления страны. Потребление крайне незначительно – около 0,66 млрд м³ (2012 г.). Часть потребляемого газа Марокко получает в качестве платы за транзит (по территории королевства проходит газопровод из Алжира в Испанию – «Магриб-Европа»).

Ежегодно в стране добывается около 76 млн м³ природного газа. Природный газ добывается на двух месторождениях – в регионе г. Эссуэйра на Атлантическом побережье Марокко (basin du Essaouira, 34 млн м³ по итогам 2012 г.) и в регионе г. Гхарб (bassin du Gharb, 42 млн м³ по итогам 2012 г.). Весь объем добываемого на территории Королевства природного газа используется исключительно для обеспечения энергетических потребностей местных производств. Внутренний рынок природного газа в Королевстве Марокко весьма ограничен.

В 2012–2016 гг. в Марокко реализовывалось более 30 проектов на нефть и газ. Правительство Марокко стремится привлечь к разведке и разработке национальных нефтяных ресурсов зарубежный капитал.

Одним из перспективных направлений является освоение месторождений сланцевого газа. По сегодняшним оцен-

кам, материковые нефтегазовые запасы страны составляют 566,34 млрд м³ извлекаемых ресурсов природного газа.

В 2015 г. ирландская компания Circle Oil приступила к освоению небольших газовых месторождений на концессии Себу. Одна из пробуренных скважин должна приносить около 130 тыс. м³ в день, вторая – еще приблизительно 60 тыс. м³ в день.

Конкурирующая с Circle Oil компания Gulfsands Petroleum, имеющая штаб-квартиру в Лондоне, в начале 2015 г. сообщала о том, что на своей разведочной скважине на севере Марокко получала 283 тыс. м³ газа в день.

Добыча углеводородов в Марокко либерализована и регулируется рядом законов, которые регламентируют, в том числе, вопросы лицензирования, налогообложения, инвестирования в сектор и др. Главным участником добывающего сектора является госкомпания Office National des Hydrocarbons and Mining (ONHYM), созданная в 2003 г. в результате объединения BRPM и ONAREP.

Зарубежные компании в нефтегазовой отрасли работают на основе соглашения с государством, которое предусматривает:

– разрешение на проведение исследовательских работ (выдается на срок не более 8 лет и на участок не более 2 000 км² и не менее 200 км² при условии, что одна компания не может владеть участками общей площадью 10 000 км² на участке суши и 20 000 км² в морской зоне);

– концессию на эксплуатацию месторождения, чье действие не может превышать 25 лет. Доля государственной собственности в проекте не должна превышать 25 %, что не имеет аналогов в мире.

Битуминозные сланцы

На территории Марокко имеются также внушительные ресурсы битуминозных горючих сланцев – 104 млрд т (шестое место в мире), или, в пересчете на нефть, – около

7 млрд т. Ресурсы битуминозного сланца Марокко составляют приблизительно 3,5 % общемировых ресурсов.

В стране известно 10 месторождений битуминозного сланца: 1 – Tanger; 2 – Timahdit; 3 – Ait Oufella Basin; 4 – Haut Moulouya Basin; 5 – Bahira-Tadla Basin; 6 – Essaouira; 7 – Souss Basin; 8 – Oued Dades Basin; 9 – Tarfaya; 10 – Guir Basin (рис. 3).

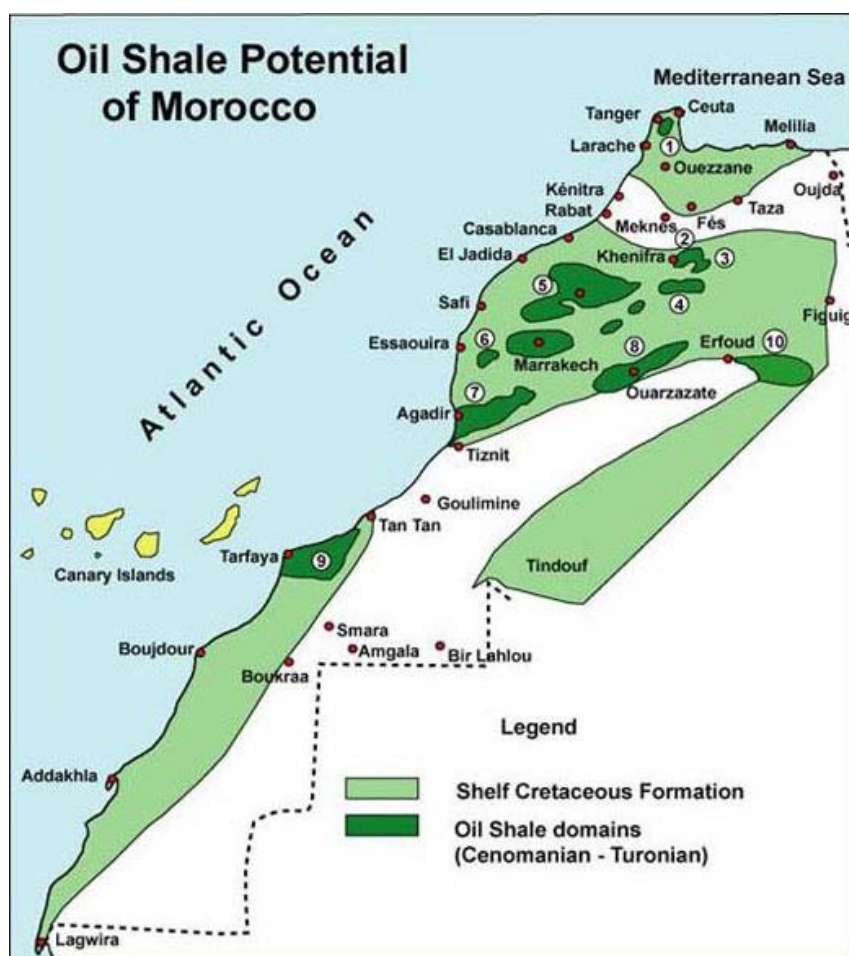

Рис. 3. Месторождения горючих сланцев Марокко и Западной Сахары

Большинство месторождений имеют верхнемеловой возраст и выявлено в морских отложениях. Самые крупные из них расположены в районах: Tarfaa (на юго-западе Марокко) и Timahdit (в середине высокого Атласа).

Ресурсы месторождения Tarfaa оцениваются в 86 млрд т битуминозного сланца. Мощность сланцевой толщи достигает 22 м. Среднее содержание сланцевого масла в породе – 62 л/т. Содержание серы составляет приблизительно 2 %. В 2009 г. совместное предприятие Eesti Energia и инженерной фирмы Outotec под названием Enefit Outotec Technology (EOT) заключило договор о сотрудничестве с энергетическим концерном San Leon Energy plc (San Leon) с целью проведения предварительных исследований принадлежащего последней сланцевого месторождения Tarfaa вблизи одноименного города Марокко.

Одной из целей договора о сотрудничестве является оценка пригодности технологии Enefit для переработки сланца из месторождения Tarfaa. Содержащийся в месторождении сланцевый ресурс, по приблизительным расчетам, позволит получить 65 млн т сланцевого масла. Материнская компания Eesti Energia, которой принадлежит совместное предприятие EOT, в 2012 г. приступила к горячему запуску завода по производству масла Enefit280, на котором используется технология нового поколения.

Предприятие Eesti Energia уже проводило оценку сланцевых запасов в Марокко. В 2010 г. был изучен сланец на месторождениях в районах Агабала и Эррахидия. Поскольку в этих регионах качество изученной породы оказалось недостаточно удовлетворительным для обеспечения целесообразности переработки местного сланца, проект тогда был закрыт.

Второе по величине месторождение Timahdit расположено в 250 км на юго-восток от Рабата (см. рис. 3). Ресурсы месторождения оцениваются в 18 млрд т битуминозных сланцев. Мощность битуминозной пачки колеблется от 80 до

170 м. Среднее содержание сланцевого масла в породе – 70 л/т (от 20 до 100 л/т). Содержание серы составляет 2 %. В июне 2007 г. по этому месторождению было заключено соглашение с бразильской Petrobras. В течение двухлетнего периода разрабатывало варианты отработки месторождения Timahdit на площади 94 кв. км. Поскольку рядом с месторождением находится национальный парк, особое внимание уделялось экологическим вопросам.

Еще одно месторождение расположено под Танжером. В течение ряда лет правительство пыталось найти подрядчика на разработку сланцев этого месторождения. Компания Shell даже проводила специальные исследования проблемы, однако начатая в 1981 г. пробная эксплуатация ТЭС на этом сырье не дала положительных результатов, и эксперимент пришлось прекратить. В 1998 г. правительство заключило два соглашения по изучению технологии разработки битуминозных сланцев и использованию продуктов их переработки на ТЭС: с французской Total и канадской SNC Lavalin Mining Development Co. Однако и эти исследования не увенчались успехом.

Фосфориты

Ресурсы фосфоритов Марокко и Западной Сахары составляют 50 млрд т P_2O_5 . Общие запасы оцениваются в 15 млрд т P_2O_5 , подтвержденные – в 1,55 млрд т. В 2013 г. добыча составила 26,4 млн т фосфатной руды.

Марокканский фосфоритоносный бассейн входит в состав Аравийско-Африканской фосфоритоносной провинции. Только в крупнейших фосфоритовых месторождениях и рудных районах страны заключено более 4,5 млрд т общих запасов фосфоритовых руд (в пересчете на P_2O_5). На разрабатываемых месторождениях компания-владелец – Group Office Cherifien des Phosphates (ОСР) добывает в год 26 млн т (из них 19 млн т на месторождении Хурибга и 7 млн т на месторождении Гантур).

Подготовлено к отработке крупное фосфоритовое месторождение Мескала, расположенное в районе г. Агадир. В стране имеется также ряд крупных неразрабатываемых месторождений фосфоритов, в том числе Бен-Герир, Бу-Сбаа, Тесаут, Назалет-эль-Харарша, Имини-Танут.

В ведении государственной марокканской компании Group Office Cherifien des Phosphates (ОСР) находится 85 млрд куб. м общих запасов фосфоритов. Компания занимается добычей, обогащением, переработкой и маркетингом марокканских фосфоритов и полученной из них продукции. ОСР разрабатывает фосфоритовые руды и за пределами страны – на месторождении Букраа (Буусгаа) в Западной Сахаре.

Крупное месторождение Буусгаа (Букраа), разведанные запасы которого составляют 150 млн т, в настоящее время активно разрабатывается (рис. 4). Фосфориты слагают два пласта: нижний мощностью – 1 м и верхний – 4,5–6 м. Промышленное значение имеет верхний пласт зернистых карбонатных фосфоритов с содержанием P_2O_5 30–33 %. Ресурсы фосфоритных руд оцениваются в 10 млрд т, из них 1,7 млрд т – общие запасы. Эксплуатационной разведкой заверены запасы в 150 млн т, подготовленные для открытой добычи с содержанием P_2O_5 около 30 %. Мощность вскрыши 10–30 м. Мощность предприятия до 10 млн т руды в год.

Для разработки месторождения Букраа госкомпания ОСР создала компанию «Phos-Буусгаа», представляющую объединённый капитал компаний Испании и Марокко (рис. 5). Добытая руда обогащается механическим способом (дробление, промывка и сухая классификация) с получением фосфоритного концентрата (P_2O_5 36,6 %). Концентрат по 100-километровому ленточному конвейеру с производительностью около 2 тыс. т концентрата в час отгружается с обогатительной фабрики в порт Эль-Аюн на Атлантическом побережье.

Рис. 4. Основные месторождения фосфоритов, их запасы и порты загрузки

Со всех рудников страны фосфатное сырьё для дальнейшего передела поступает в г. Сафи. Здесь действуют три перерабатывающих предприятия компании ОСР: Maroc Chimie (годовая производительность – 780 тыс. т комплексных удобрений), Maroc Phosphore I (600 тыс. т фосфорных концентратов в год) и Maroc Phosphore II (470 тыс. т фосфорных концентратов в год). Кроме того, последние два предприятия ежегодно выпускают суммарно 400 тыс. т аммофоса.

Все три предприятия производят в год более 1,2 млн т (в пересчёте на P_2O_5) экстракционной фосфорной кислоты.

Рис. 5. Фосфатный рудник Букраа

С рудника Хурибга сырьё транспортируется для переработки также в г. Джорф-Ласфар. Здесь действует перерабатывающий комплекс мощностью 2 млн т в год фосфорной кислоты (в пересчёте на P_2O_5), потребляющий ежегодно 7,7 млн т фосфорных концентратов. Комплекс включает три производственных предприятия: Maroc Phosphore III-IV, Emaphos plant и Imacid. Помимо кислоты производятся удобрения – аммофос, диаммофос (1,7 млн т в год), комплексные NPK-удобрения, тройной суперфосфат.

Владельцем предприятия Maroc Phosphore III-IV является ОСР, тогда как два других предприятия являются совместными. Предприятие Emaphos (Euro-Maroc Phosphore) представляет собой СП фирм ОСР, Prayon S.A. (Бельгия) и Chemische Fabrik Budenheim (Германия). Оно производит дорогостоящую очищенную фосфорную кислоту (120 тыс. т в

год), которая используется в пищевой и некоторых других отраслях промышленности.

Производящее экстракционную фосфорную кислоту предприятие Imacid (годовая мощность – 370 тыс. т P_2O_5) также является совместным (50/50) предприятием компаний ОСР и индийской Chambal Fertilizers (дочерняя фирма компании Birla Group).

Примерно половина выработанного фосфорного концентрата используется внутри страны (производство фосфорной кислоты, удобрений), остальное экспортируется. Страна является ведущим мировым экспортёром фосфорных концентратов (около 13,5 млн т в год). Главными экспортными рынками концентратов и фосфорной кислоты являются Индия, США, страны Западной Европы.

Уран

В целом подтвержденные запасы урана на начало 2010 г. составляют 48 тыс. т, а общие запасы по стране – 132 тыс. т. Марокко обладает значительными ресурсами урана, и все они связаны с месторождениями фосфоритов. По оценкам МАГАТЭ, в фосфатных рудах Марокко ресурсы урана составляют около 6 млн т. Основные месторождения: Gantour (Гантур), Khouribga (Хурибга), Meskala (Мескала) и Oued Eddahab (Уэд Эддахаб). Общие запасы урана каждого из этих месторождений оцениваются в 33 тыс. т, среднее содержание урана – 0,01–0,015 %.

В прошлом французскими и советскими специалистами на территории Марокко было выявлено около ста рудопроявлений урана, а на серебряном руднике в Згоундере велась его опытная добыча.

Национальное управление Марокко по углеводородным полезным ископаемым и горнодобывающей промышленности (ОННУМ) предоставило в 2007 г. Togo Energy эксклюзивные права на оценку ураноносности 30 участков в трёх районах, благоприятных с точки зрения перспектив обнару-

жения урановой минерализации: От-Мулуя-Мант, Вафага и Сирва (Згоундер).

По оценкам экспертов ОСР (Office Cherifienne des Phosphates), попутная добыча урана могла бы выдавать в год до 2840 т урана. Следует отметить, что помимо крупных запасов марокканские фосфаты привлекательны с точки зрения содержания урана: 0,00115 % (месторождение Хурибга) и 0,00155 % (месторождение Мескала). Они уступают только США – на месторождении во Флориде этот показатель достигает 0,00180 %. Однако, несмотря на все эти внушающие оптимизм данные, королевство не имеет никаких планов по созданию мощностей по производству урана.

Главной причиной этого является достаточно высокая стоимость производства урана из фосфатов (50–70 дол. США за фунт или 135 дол. США за 1 кг), которая применяется при технологиях производства ядерного топлива из фосфатов. Указанная цена в 2 раза превышает сегодняшний показатель рыночной цены на уран. Однако даже эта цена, по существу, является себестоимостью, без учета коэффициентов рентабельности, налоговых и таможенных платежей и транспортных расходов.

В мае 2012 г. компаниями Uranium Equities и Cameco было проведено исследование, которое заключалось в сооружении демонстрационной установки, использующей новую технологию извлечения урана из фосфатов. В период проведения исследования утверждалось, что получена возможность производства урана из фосфорной руды по себестоимости 20–25 дол. США за фунт. Новая технология получила название PhosEnergy Process. Применение данной технологии на территории США позволило получить примерно 880 фунтов урана по цене 18 дол. США за фунт. По данным Cameco, в случае признания технологии рентабельной ее применение возможно в ближайшие 3–4 года.

Уголь

Промышленная угленосность в Марокко установлена только в отложениях карбона, на месторождениях Джерада, Эшилига (Христиан), Минзла, Тирку и Кенадза. По последним данным, совокупные подтвержденные запасы угля составляют 5 млн т.

С 2000 г. добыча угля в стране не ведётся. Ранее уголь (антрацит) добывался на месторождениях Джерада и Кенадза в количестве 0,8–0,95 млн т. С середины 1990-х гг. производство угля в стране стало стремительно падать, и в 1999 г. оно не превышало 100 тыс. т. Поэтому страна ежегодно вынуждена импортировать от 4,1 (2008 г.) до 4,6 (2012 г.) и 5 млн т в последующие годы угольного топлива.

Уголь играет важную роль в энергетическом секторе Марокко – в основном в качестве топлива в электроэнергетике, где его доля составляет 25,8 %. В среднесрочной перспективе правительство Марокко планирует увеличить число угольных электростанций от 1 785 мегаватт (МВт) в 2012 г. до 4 191 МВт в 2018 г.

Барит

Общие запасы барита Марокко составляют, по нашим оценкам, 11 млн т, подтвержденные – 10 млн т. Добыча в 2013 г. достигла 1,1 млн т. Основные месторождения находятся в горах Высокий Атлас, и лишь месторождение Сафи располагается на западе страны, в районе массива Джебилет.

Переработкой баритового сырья занимаются компании – владельцы месторождений, имеющие собственные обогатительные мощности.

Месторождением Зельму владеет Comabar (СП с M-I Drilling Fluids, LLC, США). Общие остаточные запасы барита – 2,5 млн т, при ежегодной добыче – 120 тыс. т. Руда подвергается дроблению, и обогащенный продукт транспортируется в порт Надор для отправки на экспорт. Производится концентрат буровых сортов со средним удельным весом 4,22.

Месторождением Сексва владеет Societe Nord Africaine de Recherches et d'Exploitation des Mines d'Argana (Snarema). Общие остаточные запасы барита – 7,0 млн т, подтвержденные – 6 млн т, при ежегодной добыче – 80 тыс. т. Из руд, добываемых на руднике Сексва, производится баритовый концентрат буровых сортов с удельным весом 4,26–4,28. Кроме того, на заводе в г. Аргана производится барит химического сорта. Барит с рудников Зельму и Сексва в основном поставляется в районы Мексиканского залива (США) и в страны Западной Европы, ведущие бурение на нефть в Северном море (Норвегия и др.).

Производственная мощность рудника Сафи составляет 30 тыс. т барита в год. Сырьё поступает на перемолочный завод, расположенный в 5 км от порта Сафи. После обогащения получают концентрат с содержанием барита ($BaSO_4$) 92 % и удельным весом 4,22. Выпускаемые на руднике Сафи концентраты используются в основном в западноафриканской буровой и химической промышленности.

Рудник Тиджерхт (Tijerkht) принадлежит компании SNUMM – дочерней фирме французской Societe Commerciale de Metaux et Minerais; мощность его обогатительной фабрики составляет 80 тыс. т в год.

Марганец

Общие запасы марганцевых руд Марокко составляют 18 млн т, подтвержденные – 2,0 млн т (01.01.2012). Добыча в 2013 г. составляла 111,0 тыс. т марганцевых руд.

Основная часть многочисленных месторождений марганцевых руд Атласских гор Марокко располагается в районе Варзаат и в центральной части Антиатласа. Отмечается также несколько объектов на северо-востоке страны, в районе Уджда и Таурирт (Глиб-эн-Наам, Наргешум и др.). Месторождения в основном мелкие, общие запасы большинства из них не превышают 1 млн т. По генетическому типу выделяются осадочные, вулканогенно-осадочные, гидротермаль-

ные и полигенные месторождения. Последние наиболее распространены. Разрабатывается только месторождение Имини (Imini); несколько месторождений: Бу-Арфа (Bou Arfa), Тиуйн (Tuouine) и другие – законсервированы.

Месторождение Имини находится в Восточном сегменте Высокого Атласа в 45 км к северо-западу от г. Варзат и примерно в 90 км к юго-востоку от г. Марракеш. Месторождение относится к типу полигенных. Оруденение на месторождении Имини приурочено к пачке осадочных пород мощностью 10 м. Рудные тела протягиваются в субширотном направлении на 25 км, при ширине полосы их распространения – 400–1000 м. На месторождении выделяются три пластообразные залежи общей мощностью около 3 м. Главным рудным минералом является пиролюзит, ассоциирующий с голландитом, криптомеланом и коронадитом. Содержание марганца меняется от 40 до 56 %. Существенно пиролюзитовые руды содержат до 59 % марганца и 2,5 % кремнезема. Ресурсы месторождения Имини оцениваются в 7,5 млн т марганцевой руды (1986 г.). В 2005 г. на месторождении добыто 11,27 тыс. т руды. Отработку осуществляет компания Societe Anonyme Cherifienne d'Etudes Minières (SACEM).

Мощность обогатительной фабрики на руднике рассчитана на производство более 130 тыс.т/год диоксидового марганцевого концентрата с содержанием MnO_2 от 75 до 89 %. За последние десять лет его выпуск не превышал 30 тыс. т в год. В 2005 г. было произведено только 11,27 тыс. т марганцевого концентрата химического сорта.

Свинец и цинк

Общие запасы свинца Марокко на начало 2012 г. оценивались в 2,98 млн т, подтверждённые – в 0,5 млн т. Общие запасы цинка в стране составляли 1,72 млн т, подтверждённые – 0,48 млн т. По общим запасам руд свинца Марокко на Африканском континенте занимает второе место после ЮАР, цинка – третье после ЮАР и Буркина-Фасо.

В стране известно не менее 15 свинцово-цинковых месторождений, приуроченных к Магрибской металлогенической зоне. Месторождения представлены преимущественно тремя геолого-промышленными типами – стратиформными свинцово-цинковыми залежами в карбонатных породах юрского возраста (Тусит, Бедайна), пластообразными телами в терригенных отложениях триасового возраста (Дуар-Хаджар, Зейда) и жильными полиметаллическими телами в различных по составу и возрасту породах (Джебель-Авам и др.). Подавляющее большинство запасов свинцово-цинковых руд находится в месторождениях первых двух типов. К настоящему времени многие месторождения значительно отработаны или законсервированы.

В настоящее время основная добыча и переработка свинцово-цинковых руд в Марокко осуществляется в основном на руднике Дуар-Хаджар. Это предприятие находится в 35 км к югу от Марракеша и обрабатывает одноименное полиметаллическое месторождение, которое включает пластообразные тела сульфидных руд, приуроченных к контакту осадочных и вулканогенно-осадочных отложений триасового возраста. Общие запасы полиметаллических руд месторождения – 11,5 млн т с содержанием цинка 7 %, свинца – 2 %, меди – 0,5 %. Добычу и переработку руд осуществляют компания Omnium Nord Africa (холдинга ONA) – 70 % и Бюро горных исследований (Bureau des Recherches et Participations Minières – BRPM) – 30 %. На этом предприятии ежегодно производится около 175 тыс. т цинковых, 30 тыс. т свинцовых и 18 тыс. т медных концентратов. Содержание свинца в концентратах составляет около 68 %, меди – 28 %, цинка – 52 %. В отработку предусматривалось включить также полиметаллическое месторождение Драа-Ласфар, расположенное в 15 км к западу от г. Марракеш. Крутопадающее рудное тело месторождения имеет мощность от 1 до 25 м, прослежено по простиранию на 525 м, а по падению – до 700 м. Общие запасы полиметаллических руд месторождения составляют

около 7,8 млн т при среднем содержании цинка 5,52 %, свинца – 2,3 %, меди – 0,27 %.

Геологоразведочные работы на свинец и цинк в Марокко ведёт государственная компания Office National des Hydrocarbures et des Mines (ONHYM).

Рафинированный свинец производится в основном на заводе Уэд-эль-Хаймер (Oued El Haïmer) мощностью около 80 тыс. т в год в провинции Уджда. Сырьё на завод поступает преимущественно с горно-обогатительного предприятия Дуар-Хаджар.

Потребление свинца в Марокко составляет в среднем около 9 тыс. т в год, цинка – 7 тыс. т. Более 70 % произведенного в стране рафинированного свинца экспортируется (в Италию, Францию и др.). Практически все цинковые концентраты, производимые на горно-обогатительных предприятиях страны, поступают на внешний рынок. Традиционно основными покупателями этой продукции являются Франция, Италия, Германия и др.

Медь

Ресурсы меди в Марокко на начало 2012 г. составляли 660 тыс. т, запасы – 58 тыс. т. Среднегодовая добыча меди в концентрате – 18 тыс. т (2013 г).

Несмотря на наличие множества рудопроявлений меди, собственно меднорудные месторождения в стране единичны. Обычно медь присутствует в качестве попутного компонента в рудах полиметаллических месторождений.

В центральной части страны с 1992 г. обрабатывается колчеданное медьсодержащее месторождение Хаджар (Hajar), открытое в 80-х гг. прошлого века. Месторождение расположено в 35 км к югу от г. Марракеш. В 2006 г. добыча меди составила 5 тыс. т. Оператор – Compagnie Minière des Guemassa (CMG) – дочерняя фирма марокканского холдинга Managem. Работы ведутся открытым способом, руды обогащаются на фабрике Гемасса (Guemassa), годовая мощность

которой к 2005 г. была удвоена и доведена до 2,2 млн т перерабатываемой руды в год. Среднее содержание металлов в рудном сырье: цинка – 10,5 %, свинца – 3 %, меди – 0,3 %, серебра – 60 г/т. В концентрат извлекается 75 % свинца, 70 % меди и 94 % цинка. На выходе он содержит 68 % свинца, 28 % меди, 52 % цинка. Продукция отгружается в основном в европейские страны.

СМГ подготавливает к отработке колчеданное месторождение Драа-Ласфар (Draa Sfar), которое находится в 15 км к западу от г. Марракеш. Рудное тело месторождения имеет линзовидную форму, мощность от 1 до 25 м при протяженности 525 м, падает под углом 70-80° и прослежено до глубины 700 м. Его выявленные ресурсы всех категорий на начало 2006 г. оценены в 7,79 млн т руды, содержащей в среднем 5,52 % цинка, 2,3 % свинца, 0,27 % меди. Руды будут обогащаться на фабрике Гемасса.

Канадская компания Odyssey Resources Ltd. с 2004 г. разведывала серебряно-меднорудное месторождение Алу, расположенное в 120 км к востоку от г. Агадир, в пределах хребта Антиатлас и локализованное в верхнепалеозойских риолитах. Выявленные ресурсы Алу при бортовом содержании меди 0,3 % на начало 2006 г. оценивались в 8 млн т руды с 0,72 % меди, из них к категории общих запасов отнесены 5,41 млн т с содержанием меди 0,8 %, серебра – 10 г/т, а категории ресурсов – 2,59 млн т руды с содержанием меди 0,55 %, серебра – 4,2 г/т. Месторождение может обрабатываться карьером, руды его легко обогащаются флотацией.

Кобальт

На территории Марокко известно единственное месторождение кобальта – Бу-Аззер, расположенное примерно в 230 км к юго-востоку от г. Марракеш, в центральной части хребта Антиатлас, близ границы с Алжиром (рис. 6). Это среднее по масштабу месторождение, относящееся к арсенопирит-глаукодот-кобальтиновой формации плутоногенного

гидротермального промышленного типа. Оруденение здесь локализуется в зоне брекчий, располагающихся вдоль контакта куполовидного выступа серпентинитов и вмещающих риолитов. Цементом брекчий служит кварц-карбонатная жильная масса с рудными минералами кобальта, приуроченная к этому контакту и образующая сложную залежь мощностью до 30 м, которая прослежена на глубину 400 м. Общие запасы месторождения на начало 2005 г. составляли 7,3 тыс. т кобальта, подтверждённые запасы – 12,2 тыс. т. В 2013 г. на месторождении добыто 1,35 тыс. т кобальта и 0,14 тыс. т никеля.

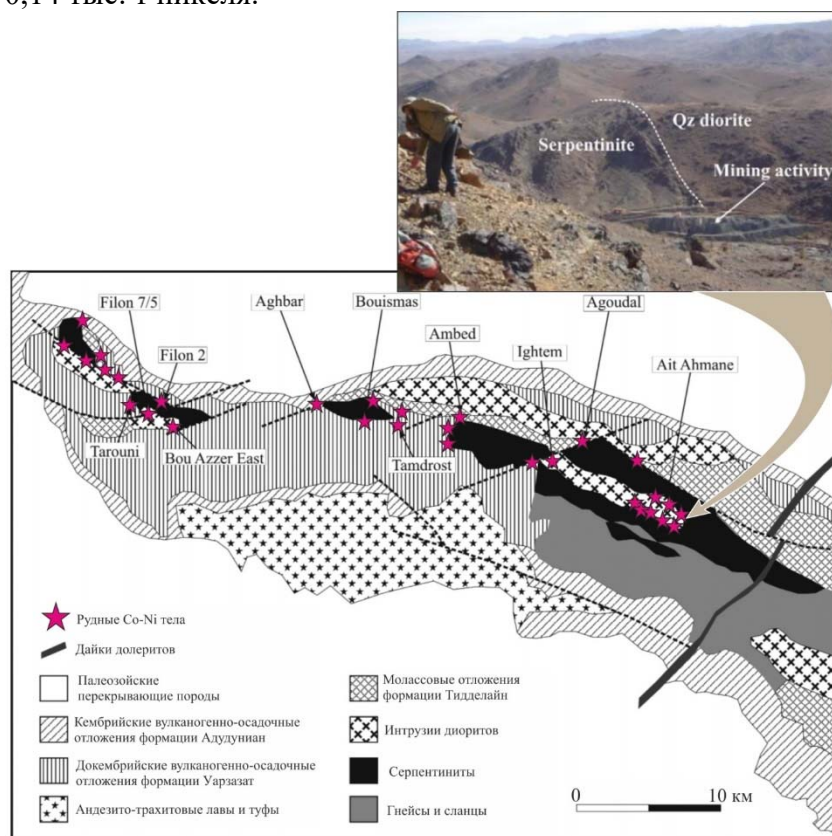

Рис. 6. Схема месторождения кобальта – Бу-Аззер

Месторождение разрабатывается подземным рудником, принадлежащим *Compagnie de Tifnout Tighanimine (СТТ)* – дочерней структуре марокканской компании *MANAGEM*. Ведётся эксплуатация богатых кобальтом (среднее содержание – около 1,5 %) мышьяковистых жильных руд с попутными никелем, серебром и золотом. На объекте также действует обогатительная фабрика, оператором которой является подразделение *СТТ Cobalt Metallurgie Bou-Azzer (СМВА)*. Проектная мощность фабрики – 18 тыс. т гравитационного кобальтового концентрата в год. Полученная здесь продукция отправляется для дальнейшего передела на металлургический завод Гемасса (*Guemassa*), расположенный юго-западнее г. Марракеш.

Геологоразведочные работы на кобальт, проводимые в Марокко, заключаются в эксплуатационной разведке объекта Бу-Аззер и доизучении его флангов.

Золото

На территории Марокко известно два золоторудных объекта: разрабатываемое месторождение Акка и законсервированное месторождение Бумадин. Они размещаются в складчатых структурах орогенного пояса Антиатласа.

На начало 2012 г. ресурсный потенциал золота Марокко оценивается в 15 т, доказанные запасы достигли 25 т. Из них подтверждённые запасы месторождения Акка составляют 13 т при содержании золота в рудах 4-7 г/т. Общие запасы месторождения оцениваются в 19 т. Добыча в 2013 г. составляла 0,55 т золота.

Месторождение Акка расположено примерно в 40 км к западу от г. Тата на юго-востоке страны. Включает серию золото-кварцевых жил и жильных зон, локализованных в мезо-кайнозойских вулканитах. Сульфидов в жильных телах немного. Золото распределено неравномерно, в некоторых отработываемых рудных телах содержание его превышает 20 г/т.

На восточном продолжении Антиатласа, в водораздельной части хребта Сагро, расположено небольшое жильное серебро-золото-свинцово-цинковое месторождение Бумадин. Локализовано оно в верхнепротерозойских вулканах – риолитовых и дацитовых туфах и игнимбритах. Рудные тела месторождения представляют собой серию сульфидно-кварцевых жил мощностью обычно 2–5 м и протяжённостью до 300 м. Рудные минералы – пирит, сфалерит, галенит, в подчинённом количестве – халькопирит. Содержания золота в руде достигают 2,4–2,67 г/т, серебра – 190 г/т. Оруденение сопровождается околорудными метасоматитами пирит-серицит-кварцевого состава. На глубину жилы прослежены до 400 м. Запасы месторождения составляют 7 т.

В настоящее время поисково-разведочные работы на золото в стране не ведутся. На руднике Акка подтверждённые запасы золота пополняются в результате доразведки глубоких горизонтов.

Серебро

По состоянию на 1.01 2012 г. запасы общие серебра Марокко составляли 9360 т, подтверждённые – 7450 т при среднем содержании серебра в рудах 250 г/т.

Добыча серебра в 2013 г. составила 194,1 т (1,2 % мировой).

Серебро встречается в рудном поясе гор Восточный Антиатлас как главный рудный компонент в месторождениях Имистер (Imiter) и Игудран (Igoudrane), а также в качестве попутного компонента в кобальтовых, медных и свинцово-цинковых рудах.

Месторождения Имистер и Игудран разрабатываются. Более 95 % серебра в стране добывается на месторождении Имистер, принадлежащем марокканской компании Societe Metallurgique d'Imiter (дочерняя фирма марокканской Managem-Holding Minier du ONA) и расположенном на северном склоне горы Сагро (Saghro Mountain). Запасы место-

рождения Имистер составляют 3884 т. В 2013 г. компанией Societe Metallurgique d'Imiter из руд месторождения получено 194 т серебра чистоты 99,5 % в анодах и слитках. Добытое серебро в основном идёт на экспорт.

Ресурсы месторождения Игудран в 2004 г. оценены в 500 тыс. т руды со средним содержанием серебра 730 г/т.

Канадской компанией Odyssey Resources Limited подготавливается к отработке медно-серебряное месторождение Алу (Alous), ресурсы серебра которого, по данным на сентябрь 2007 г., составляют 56,233 т, и медно-серебряное месторождение Тизерт (Tizert), ресурсы руды которого составляют 3,3 млн т со средним содержанием серебра 54,4 г/т.

Олово

По состоянию на 2013 г. ресурсы олова Марокко оценивались в 124,1 тыс. т.

Австралийская геологоразведочная компания Kasbah Resources Ltd с 2006 г. ведёт работы на лицензионных площадях Ашммаш (Achmmach) и Эль-Карит (El Karit), расположенных в Среднем Атласе, в пределах главной марокканской олово-вольфрамовой металлогенической провинции. Ресурсный потенциал (measured resource) на месторождении Ашммаш оценивается в 14,6 млн т руды, при среднем содержании олова 0,85 %. Проект Achmmach является одним из лучших проектов по неразработанным месторождениям олова в мире и рассматривается в качестве потенциального ведущего оловянного рудника в Африке по объёму производства. По проекту планируют добычу 800 тыс. т руды в год. В перспективном плане указывается производство 6 тыс. т концентрата олова (в течение 5–6 лет). Старт проекта ожидается при повышении биржевых цен на олово.

Вольфрам

По состоянию на 2010 г. ресурсы вольфрама Марокко оценивались в 8 тыс. т. Геологоразведочные работы на вольфрам и добыча его не ведутся.

Железо

Общие запасы железных руд Марокко составляют 218 млн т, подтверждённые – 140 млн т. Кроме того, в стране недоизучены прогнозные ресурсы в объеме 350 млн т (2013 г.).

В Марокко выявлены многочисленные мелкие месторождения железных руд: Тизнит на юго-западе страны, к югу от г. Аргана-Бигудин; Тифлет, Сатур, Кеттара, Бен-Слиман, Меканси на северо-западе страны, близ г. Рабат; Ими-Нтурза и Таклимт на востоке центральной части страны, Виксан-Афра на севере, близ г. Мелилья, и др. На севере страны рудные тела месторождений представляют собой метасоматические залежи, руды остальных месторождений – оолитовые, залегающие в аргиллитах и песчаниках. Содержание железа в рудах колеблется от 40 до 60 %.

В Марокко ежегодно добывается 0,3 млн т железных руд (2013 г.). Вся добываемая руда потребляется металлургическими предприятиями страны, где выплавляется около 15 тыс. т чугуна в год.

Плавиновый шпат

Ресурсы плавинового шпата в Марокко оцениваются в 9,0 млн т, подтверждённые запасы составляют около 1 млн т, при среднем содержании в руде CaF_2 – 37 %. Разрабатывается единственное месторождение Эль-Хаммам (El Hammam) в районе г. Мекнес. Добычу руд и производство концентрата кислотного сорта по месту добычи осуществляет компания Societe Anonime d'Enterprises Minieres (Samine), дочерняя фирма ONA (Omnium Nord Africain) Group.

Годовая мощность рудника составляет 300 тыс. т руды, обогатительной фабрики – 120 тыс. т концентрата (в пересчёте на CaF_2). Производится 81,2 тыс. т плавиковошпатового концентрата в год (2013 г.). Концентрат экспортируется в основном в Норвегию (32 %), Тунис (24 %), Канаду (23 %) и Италию (18 %).

Кроме того, в Марокко имеются месторождения сурьмы, на которых добывается до 7 тыс. т. Добыча цементного сырья стабильна и составляет 14,9 млн т (2013 г.), бентонита – 105,2 тыс. т. Каменная соль добывается из месторождений в объеме 488,9 тыс. т, а морская соль выпаривается в объеме 20 тыс. т. Объем добычи талька не превышает 200 т.

Сотрудничество российской компании «ОЗГЕО» с геологическими организациями Марокко

и возможные направления дальнейшего сотрудничества

В последние годы наиболее плодотворное сотрудничество между компанией ОЗГЕО и компанией МЕНАЖЕМ (холдинг ОНА) реализовывалось по следующим контрактам:

- 2003–2004 гг. – поиски золота в районе месторождения Акка;
- 2004–2007 гг. – поиски месторождений свинца, цинка, меди, серебра и золота в районе Гемасса-Джебилет;
- 2010–2011 гг. – поиски месторождений серебра в районе рудника Имитер в Атласе;
- 2011 г. – поиски месторождений меди и серебра в районе Игери в юго-западной части Атласа;
- 2014–2015 гг. – поиски месторождений кобальта в районе рудника Бу-Аззер.

Кроме работы по контрактам в 2016 г. была совместно выполнена научная работа по составлению монографии «Criteria for prediction of industrial mineralization in the Imiter ore field».

В предыдущие годы российские эксперты ОЗГЕО, в рамках своей деятельности по контрактам В/О «Зарубежгеология» с геологическими организациями Марокко в 70-е и 80-е гг., участвовали в разведке крупных месторождений кобальта Восточный Бу-Аззер и Тамдрост-V, разведке месторождения фосфоритов Мескала с запасами 20,3 млрд м³. Компания ОЗГЕО прорабатывает проекты дальнейшего сотрудничества с компаниями геологического профиля Марокко по следующим направлениям:

1. Проведение дистанционных исследований по современным российским и американским технологиям на драгоценные, цветные, редкие, радиоактивные металлы, редкоземельные элементы и алмазы.

2. Проведение дальнейших поисково-оценочных работ на золото, серебро, медь, свинец, цинк, кобальт, карбонатиты (с цирконом, ниобием, флюоритом и баритом), редкие металлы и платину.

3. Прогнозная оценка различных районов Марокко на энергетическое сырье: нефть, газ, конденсат, уголь, горючие сланцы и уран на основе использования новейшей российской технологии CRS.

4. Анализ фондовых геофизических материалов по Марокко с целью выделения перспективных площадей на рудные полезные ископаемые.

ПОРТРЕТ АФРИКАНСКОГО ЛИДЕРА

Л.Я. Прокопенко

ИМИДЖ ПЕРВОЙ ЛЕДИ КАК ЭЛЕМЕНТ ИМИДЖА ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА (СТРАНЫ АФРИКИ)

В сложившихся геополитических условиях (санкции Запада, попытки политической изоляции России) актуально укрепление взаимовыгодных отношений РФ с африканскими странами, так как «...Африка может стать важным вектором внешнеэкономического и внешнеполитического сотрудничества для РФ» [1, с. 6]. Для России участие в БРИКС – одно из главных направлений внешней политики. Факт длительного пребывания у власти африканских лидеров старшего поколения, коррупционные скандалы, связанные с их именами, обвинения в расточительстве на фоне общего обнищания населения не способствуют позитивному восприятию имиджа стран континента. Сегодня необходимо более полное представление о лидерах наших африканских партнеров, возрастает роль их имиджа как фактора, влияющего на отношение к этим странам на фоне формирования в ряде российских СМИ непривлекательного имиджа некоторых лидеров [8, с. 150].

В XXI в. внимание к политическому имиджу (сложившийся в массовом сознании и имеющий характер стереотипа эмоционально окрашенный образ лидера) стало мировой тенденцией. В странах Африканского континента в условиях происходящей политической модернизации также возросла роль имиджа лидера страны и власти в целом. Практика показала, что судьба главы государства и правительства, как

правило, напрямую зависит от того, как они сами и их деятельность воспринимаются электоратом. А лидер страны во всех ситуациях (в период избирательной кампании, на посту главы государства и в ходе передачи власти) должен быть убедительным, уверенным и внушать доверие. В свою очередь, имидж главы государства и первой леди – важный фактор коллективной идентификации народа, так как за пределами страны именно эмоции от восприятия их образов влияют на отношение (положительное, настороженное или отрицательное) к ней.

Политическая власть в африканских странах представляет собой многомерную и сложную систему общественных отношений. Им присуще персонифицированное восприятие власти: политический процесс в основном воспринимается через призму личности лидера страны, кем бы он ни был в зависимости от формы государственного устройства (президентом, монархом (Лесото, Свазиленд) или военным правителем). Учитывая дуализм, который присущ местной политической культуре, то есть наличие в системе политических отношений этнических, религиозных, клановых и иных связей [3, с. 68], африканскому политику сформировать требуемый имидж сложнее, чем его западному коллеге. Образ африканского лидера должен быть понятным большинству граждан, которые часто малообразованны и живут в соответствии с традиционными представлениями. Одновременно этот образ должен быть убедительным в глазах западных доноров, от помощи которых во многом зависят национальные экономики.

На восприятие образа президента страны ее гражданами и мировым сообществом значительно влияет образ его супруги. Первая леди, с одной стороны, является партнером главы государства по браку, с другой – представляет женщин своей страны. Не участвуя непосредственно в принятии решений, она как жена имеет зачастую большое личное влияние на супруга, от которого это решение зависит. В идеале

имидж первой леди должен дополнять и усиливать имидж главы государства. Ее общественно-политическая деятельность все чаще вызывает интерес в обществе, становится предметом обсуждения, прежде всего со стороны оппозиции и СМИ, и влияет на формирование политического имиджа главы государства.

В отличие от стран Запада, где фактор супруги политического лидера, а часто и их детей уже давно стал одним из важных инструментов политического влияния, в Африке лидеры долгое время оберегали сферу своей частной жизни. С проникновением в местную политическую культуру элементов западной политической культуры это изменилось. В странах континента институт первой леди принадлежит к неформальным институтам. Но это отнюдь не африканская специфика, например, в конституции США статус супруги президента, ее права и обязанности также не определены [7, с. 52]. В африканском обществе идут споры по поводу формализации статуса первой леди, прежде всего из-за неизбежных трат из государственного бюджета. Проблема усугубляется тем, что сами первые леди часто настаивают на придании этому институту официального статуса. Например, первая леди Замбии Тандиве Банда в 2010 г. заявляла о том, что она «...хотела бы создания формальной должности первой леди с особой статьей госбюджета для поддержки ее общественной работы» [25]. Неоднозначно оценивается в обществе повышенная активность нынешней первой леди Замбии Эстер Лунгу. С момента вступления в должность ее мужа Эдгара Лунгу (январь 2015 г.) она уже неоднократно участвовала в различных конференциях, в том числе международных, и выступила с рядом инициатив по содействию расширению прав и возможностей женщин, инвалидов, а также по лоббированию некоторых вопросов здравоохранения и социальной поддержки общин. Координационный совет неправительственных организаций Замбии (NGOCC) выступил с критикой деятельности жены президента, которая,

по их мнению, «...иногда подменяет функции некоторых министерств и ведомств» (как это делала и бывшая первая леди Кристин Касеба-Сата. – *Прим. Л.П.*) [21].

Статус первой леди остается предметом споров на протяжении многих лет и в Нигерии. В конституции страны он не закреплён, однако финансирование деятельности супруги главы государства осуществлялось уже сразу после провозглашения независимости в октябре 1960 г. В первой половине 2000-х гг. интенсивная общественная деятельность первой леди Стеллы Обасанджо (третья жена президента Нигерии Олусегуна Обасанджо) вызвала волну активности жен членов правительства и губернаторов. Нигерийский аналитик Ибрагим Джибрин считает, что это очень повлияло на развитие политической конкуренции в стране [17]. Накануне выборов в мае 2015 г. кандидат в президенты Мухаммаду Бухари заявлял, что, хотя статус первой леди законодательно не закреплён, он «в случае избрания будет поддерживать представительство женщин в управлении» [10]. Сама новая первая леди Аиша Бухари обещала заниматься традиционными для супруги президента делами (сопровождение супруга на официальных приемах и во время зарубежных визитов, благотворительность и пр.) и не выходить за принятые рамки [16].

За 60-летнюю историю независимого развития более 50 стран континента сменились десятки глав государств. В истории некоторых стран (Нигерия, Гана и др.) был целый калейдоскоп сменяющих друг друга законно избранных президентов и военных правителей, в Сенегале, Ботсване и Мозамбике их было по 4, а в Зимбабве – всего 2, так как действующий президент страны 93-летний Роберт Мугабе находится на этом посту с 1987 г. Не всех жен формально можно отнести к категории первых леди (супруга выборного главы государства), по этому критерию, например, в их число не попадают спутницы жизни военных правителей. В числе первых леди Африки было много ярких индивидуальностей.

Диапазон их общественно-политической активности широк: от пассивного пребывания в тени супруга до превращения в соуправителя государства, как это, например, происходило в определенные исторические периоды в Нигере (реальная власть при президенте Аmani Диори (1960–1974 г.) «...находилась в руках небольшой группы из окружения президента, где сильные позиции имела его красавица-жена Аисса») [12], Кот-д'Ивуаре, Нигерии, Египте, Тунисе. А в приходе к власти нынешнего президента Кот-д'Ивуара Аласана Уаттары есть большая заслуга его супруги Доминик Уаттара. Считается, что она представляет собой новый тип африканской первой леди и яркий пример изменения взглядов на роль женщины в африканском обществе.

Некоторые первые леди оставались таковыми длительный период: Сюзанна Мубарак (Египет) – 30 лет, Джанет Мусевени (Уганда) – 29, Бетти Каунда (Замбия) – 27, Нана Агъеман Ролингс (Гана) – 20, Марселина Рафаэл (Мозамбик) – 19 лет, Ковамбо Теополина Качимуне (Намибия) – 15 лет, Рут Уильямс Кхама (Ботсвана) – 14 лет. Всего несколько месяцев первыми леди были Виктория Агийи-Иронси и Маргарет Шонекан (Нигерия), Шарлотт Харланд-Скотт (Замбия), рекордным в этом отношении было пребывание Наны Афуа Фрема (Гана) – с 7 по 31 августа 1970 г. Некоторые африканки становились первыми леди несколько раз: Н.А. Ролингс (Гана) была ею дважды (июнь-сентябрь 1979 г. и в 1981–2001 гг.), а Граса Машел стала единственной в современной мировой истории женщиной, которая побывала первой леди двух стран – Мозамбика (1975–1986 гг.) и ЮАР (1998–1999 гг.).

Участие супруг президентов в общественно-политической жизни принимало различные формы в зависимости от требований исторического периода и особенностей характера этих женщин. Жены целого ряда первых африканских президентов, например, Кеннета Каунды (Замбия), Саморы Машела (Мозамбик), Джулиуса Ньерере (Танзания),

были их соратницами в борьбе за независимость своих стран, которых еще при жизни называли «матерью нации». В первые десятилетия существования независимых государств Африки функции большинства первых леди ограничивались эпизодическим присутствием рядом с высокопоставленными мужьями (сопровождение их на важных государственных мероприятиях, в ходе зарубежных визитов, на митингах и встречах с избирателями). Некоторые побывали и в нашей стране, например, Б. Каунда сопровождала супруга во время визита в СССР в 1974 г. С началом «второй волны» процесса демократизации в 1990-е гг. в рамках демократических традиций африканкам уже необходимо было более активно проявлять свою поддержку мужей-кандидатов на выборах и в период их нахождения у власти. Продолжилось формирование института первой леди, главной функцией которого, как социального института, является «очеловечивание» образа главы государства – сделать его максимально понятным большинству. Проверку на прочность в период предвыборных кампаний некоторые супруги проходили несколько раз, например, Кристин Касеба-Сата делала это четыре раза (в 2001, 2006, 2008 и 2011 гг.), так как Майкл Сата стал президентом Замбии только с четвертой попытки, и его избрание на выборах в 2011 г. по праву можно назвать их общей победой. Говоря о своем президентстве, он отмечал: «...без нее я бы не был там, где нахожусь сейчас» [47].

Некоторые первые леди в период нахождения у власти их мужей получали должности в правительстве или избирались депутатами парламента. Но для некоторых (Салли Мугабе (Зимбабве), Г. Машел (Мозамбик)) получение политических постов было результатом собственной политической карьеры, а не статуса первой леди. Кстати, Г. Машел стала министром культуры и образования еще до замужества с президентом С. Машелом и много сделала для повышения грамотности в стране. Были и те, кто использовали свое положение для вхождения во власть и получения материальных

благ, в чем обвиняли, например, недавних первых леди Кот-д'Ивуара, Египта и Туниса.

В современной истории африканских стран есть примеры, когда первой леди становились белые женщины. Дважды первыми леди Сенегала становились француженки: Колетт Сенгора была супругой первого президента Леопольда Седара Сенгора, пришедшего к власти в 1960 г., Вивиен Вад – супруга президента Абдулая Вада (2002–2012 гг.). Гражданки европейских стран (в основном Великобритании и Франции) в разное время стали первой леди также Ботсваны (Рут Уильямс Кхама), Сейшельских Островов, Маврикия, Габона и Кот-д'Ивуара. (В ряде случаев главы этих стран заключали межрасовые браки еще в период их учебы на Западе.)

Для первых леди стран континента есть широкое поле для деятельности, так как в социальной сфере насчитывается много проблем, решение которых требует их участия: образование, здравоохранение, СПИД, насилие в отношении женщин и детей, адаптация детей-участников бывших военных конфликтов. Дело за их выбором и желанием понастоящему быть полезными обществу. Актуальны слова первой леди США Лоры Буш, которая сказала, что «...президенту приходится заниматься всеми проблемами, с которыми он сталкивается, а первая леди может выбирать, над чем ей работать» [19]. Возросшая активность первых леди Нигерии, которую некоторые местные исследователи называют «синдромом первых леди» [16], значительным образом влияла на легитимизацию их супругов. Мариам Абача в 1995 г. возглавляла нигерийских делегатов на конференции по правам женщин в Пекине, а С. Обасанджо часто появлялась на местном телевидении (в том числе и с обращениями к нации), стоя перед национальным гербом, хотя, как правило, это прерогатива самого президента. Деятельность целого ряда африканских первых леди свидетельствовала об изменении роли супруг глав государств, что является частью более широкого процесса женской политической эмансипации.

Они, по образному выражению французской исследовательницы Александры Саж, «покинули будуары и поднялись на трибуны» [23, р. 60].

В условиях политической либерализации отмечались не только рост общественной и политической активности жен глав отдельных государств, но и стремление первых леди к интеграции их усилий с целью получить возможность влиять на решение некоторых вопросов международной политики, например борьбы с голодом и СПИДом. Большинство из них активно участвуют в работе Организации первых леди Африки против ВИЧ/СПИДа (Organization of African First Ladies against HIV/AIDS – OAFLA), которая была создана в 2002 г. по решению 37 первых леди африканских государств, заявивших о готовности выступить против СПИДа и добиться улучшения жизни женщин, молодежи и детей. Действуют также национальные фонды этой направленности. Например, в Камеруне более 20 лет функционирует некоммерческая организация «Единая Африка против СПИДа и страданий» (African Synergy against AIDS and Suffering), которую возглавляет первая леди Камеруна Шанталь Бийя. 28 сентября 2015 г. на встрече первых леди в Нью-Йорке вице-председатель OAFLA первая леди Малави Гертруда Мутарика отметила, что в странах Африки «число новых случаев ВИЧ-инфицирования значительно сократилось, но нам еще предстоит интегрировать меры против СПИДа в общую систему здравоохранения» [44]. А первая леди Уганды Дж. Мусевени, сказала, что «...деятельность этой организации может положить начало глобальному движению всех первых леди мира в этом направлении» (СПИД) [Ibid.]. В Сьерра-Леоне первая леди Элис Сиа Ньяма Корома активно способствовала проведению национальной кампании за полное прекращение новых случаев заболевания СПИДом среди детей, разработанной при участии ЮНЭЙДС (Объединенная программа ООН по ВИЧ/СПИД) и начатой в 2012 г. В марте 2013 г. она провела во Фритауне презентацию проекта «Жен-

ская инициатива по повышению безопасности в сфере здравоохранения», на которой присутствовали некоторые представители международных организаций и фондов, в том числе исполнительный директор ЮНЭЙДС Мишель Сидибе. В марте 2014 г. супруга президента Танзании Сальма Киквете объявила о начале реализации программы по борьбе с раком шейки матки при поддержке Института Джорджа Буша и Лоры Буш (США). Нынешняя первая леди Мозамбика Изаура Ньюси уделяет внимание программе по борьбе с раком молочной железы. Активно начала свое пребывание в качестве первой леди и супруга президента Нигерии М. Бухари (избран 29 мая 2015 г.) А. Бухари, объявив о начале реализации проекта «Гарантированное будущее», направленного на снижение уровня материнской и младенческой смертности и поддержку образования для девочек. Первая леди Республики Сейшельские Острова Натали Мишель с первых месяцев прихода к власти ее мужа Дэнни Форэ в октябре 2016 г. стала поддерживать национальные проекты здравоохранения, в том числе по работе с детьми, страдающими аутизмом.

Первые леди прилагали также усилия по запуску национальных кампаний против ранних браков (Г. Машел (ЮАР), К. Касеба-Сата (Замбия)), многие привлекали внимание СМИ и общественности к проблеме сексуального насилия в отношении женщин и детей, высказываясь за необходимость усиления роли НПО в решении этой проблемы (например, Тандиве Банда (Замбия)), патронируют проекты по реабилитации людей с ограниченными возможностями (например, королева Лесото Масинате Мохато Сиисо). В мае 2011 г. по инициативе первой леди Джибути Кадры Махамуд Хаид был открыт детский центр, где находят приют сироты и брошенные дети. Первая леди сотрудничает с Национальным союзом женщин Джибути, поддерживает его усилия в борьбе с сексуальным насилием, по принятию национального Семейного кодекса, а также по запрету женского обрезания.

Активную общественную позицию супруги кандидатов в президенты часто демонстрируют уже в ходе их предвыборных кампаний. Например, в Замбии Морин Мванаваса, основавшая в 2002 г. национальную «Общинную инициативу по борьбе с ВИЧ/СПИДом» (Maureen Mwanawasa Community Initiative, ММСИ), названную ее именем, в предвыборных кампаниях мужа Леви Мванавасы в 2001 и 2006 гг. привлекала внимание к теме борьбы с этой болезнью. Т. Банда (жена следующего президента Рупиа Банды) накануне выборов 2008 г. также активно отстаивала права ВИЧ-инфицированных, поддерживая лозунг *If you are not infected, you are definitely affected* («Не инфицирован, но определенно затронут») [42]. Как матери, часто многодетные (Б. Каунда – 10 детей, Вера Чилуба – 9, М. Мванаваса – 4 детей, Э. Лунгу – 6 детей), эти женщины в предвыборных кампаниях старались показать намерение их мужей решать проблему охраны материнства и детей. Особенно ярко и профессионально это демонстрировала супруга замбийского президента М. Саты – К. Касеба-Сата – признанный в стране специалист в области акушерства и гинекологии, практиковавшая 25 лет в клинической больнице Университета в Лусаке. А нынешняя первая леди страны Э. Лунгу в январе 2015 г. под вспышками фото- и кинокамер посетила с мужем несколько родильных домов и вручила подарки женщинам, родивших детей в новом году.

Более открытая частная жизнь кандидата в президенты, как правило, помогает ему сократить дистанцию к избирателям, «приблизиться» к ним. В африканских странах с большим числом населения, исповедующего христианство, избиратели придают существенное значение семейным ценностям. Вероятно, этот фактор учитывали имиджмейкеры Эдгара Лунгу, победившего на президентских выборах в Замбии в январе 2015 г. Супружеская пара, у которой шестеро детей, на митингах и встречах в период предвыборной кампании всем своим видом как бы показывала «мы одни из

вас», и это на ассоциативном уровне влияло на решение избирателей опустить бюллетень с указанием имени именно такого понятного для них кандидата [5, с. 9–34]. В то же время участие жены соперника Лунгу Хакаинде Хичилемы в предвыборной кампании было эпизодическим, несмотря на то, что он баллотировался на этот пост уже в четвертый раз, а оппозиция утверждала, что в последние годы он прибегал к услугам британских PR-технологов¹.

Африканские первые леди часто становятся официальными представителями важных международных организаций, например, в 2014 г. К. Касеба-Сата (Замбия) была послом доброй воли ВОЗ по вопросам борьбы с гендерным насилием, а Д. Уаттара (Кот-д'Ивуар) тогда же – специальным представителем ЮНЭЙДС по расширению доступа к лечению для детей, живущих с ВИЧ.

Практика последних десятилетий показывает, что активная благотворительность первых леди является мощным инструментом для создания и повышения положительного имиджа супруга. Например, в Сенегале так поступали все первые леди, кроме К. Сенгор. Занимались благотворительностью Занеле Мбеки и Марике де Клерк (ЮАР), С. Обасанджо (Нигерия), С. Мубарак (Египет) и др., а первая леди Камеруна Ш. Бийя патронирует три благотворительных фонда. Нынешняя первая леди Кот-д'Ивуара Д. Уаттара создала свой первый благотворительный фонд «Дети Африки» (The Children of Africa) в 1998 г. – задолго до того, как ее муж, А. Уаттара, пришел к власти. Сегодня этот фонд, помимо Кот-д'Ивуара, действует еще в 10 африканских странах. Было реализовано несколько проектов по строительству школ, центра содержания беспризорных детей, проведены кампании в поддержку детской иммунизации. Гуманитарная деятельность Д. Уаттара была отмечена: в апреле 2000 г. в Венеции американская консалтинговая компания Star Group

¹ Связи с общественностью, ПР.

вручала премии лучшим женщинам-предпринимателям мира, Уаттара победила в номинации «Лучшая бизнесвумен-2000» [34]. Успешно действует фонд «Служить Сенегалу» (*Servir le Sénégal*), созданный теперешней первой леди Марем Файе Салль (супруга президента страны Маки Салля, избранного в 2012 г.).

Залогом успеха многих африканских первых леди была и остается их профессиональная деятельность. Юристы (Г. Машел (Мозамбик и ЮАР), Моника Гейнгоб (Намибия), экономисты (М. де Клерк (ЮАР), З. Мбеки (ЮАР), Шарлотт Харланд-Скотт (Замбия)), медики (К. Касеба-Сата (Замбия), Сиа Корума (Сьерра-Леоне), Кристофин Мутарика (Малави), Пенехупифо Похамба (Намибия), А. Бухари (Нигерия)), учителя (Б. Каунда (Замбия), Мария Ньерере (Танзания), Т. Банда (Замбия), Эрнестина Миллс (Гана), Патрисия Мулузи (Малави)), филологи (Симона Гбагбо (Кот-д'Ивуар)), художники (Н.А. Ролингс (Гана)). Все они в разной степени оказались способны поддержать своих супругов как в ходе избирательных кампаний, так и в период их нахождения у власти. Опыт работы этих женщин с людьми помогал им способствовать созданию благоприятного образа высокопоставленных супругов.

Не всегда инициативы первых леди находят поддержку и одобрение у электората. Например, в середине 2000-х гг. в Уганде некоторые организации обвиняли первую леди Дж. Мусевени (христианка фундаменталистского толка), которая в ходе кампании по борьбе со СПИДом выступала против пропаганды безопасного секса с использованием презервативов, предлагая сексуальное воздержание. А в Замбии оппозиция и местные СМИ критиковали К. Касеба-Сата за избыточную активность в сфере здравоохранения, считая это прерогативой министра здравоохранения. Президент М. Сата готовился участвовать в президентской гонке 2016 г., и критика поведения супруги была для него лишней проблемой. Первая леди для усиления позитивного имиджа своего мужа

самостоятельно или с использованием услуг PR-консультанта должна выработать такую тактику поведения, при которой ее действия не выйдут за рамки функций первой леди, и риск быть подвергнутой резкой критике станет минимальным.

Имидж первой леди может положительно повлиять на «смягчение» имиджа супруга в глазах части международного сообщества. Так отчасти было в случае позднего брака по любви между Г. Машел и Нельсоном Манделой. Несмотря на то что он в 1994 г. стал президентом демократической ЮАР, в США партия Африканский национальный конгресс (АНК) была в списке террористических организаций, а он, как его лидер, считался пособником терроризма. И только в июле 2008 г. (накануне празднования 90-летия Манделы) президент Дж. Буш подписал указ об отмене этого. АГ. Машел была известна своей гуманитарной деятельностью, в 1995 г. была награждена ООН медалью Нансена, в том числе за усилия по спасению детей-беженцев. Некоторые первые леди довольно смело защищали репутацию мужей-кандидатов в президенты. М. Мванаваса отстаивала авторитет супруга внутри правящей партии Движение за многопартийную демократию (ДМД), который после перенесенного инсульта пытался продолжить подготовку к выборам в 2006 г. АК. Касеба-Сата активно публично защищала мужа от нападок ДМД, участвовавших накануне всеобщих выборов 2011 г. В одном из интервью она открыто обвинила правящую партию в фальсификации информации по поводу того, что председатель партии Патриотический фронт (ПФ) М. Сата якобы страдал расстройством психики, что он поддерживал гомосексуалистов (в Замбии для них предусмотрено наказание в виде тюремного срока на 15 лет) и пр. Она заявила, что эти нападки демонстрируют страх ДМД перед возросшим влиянием оппозиционного лидера на электорат [48]. После избрания Саты президентом она понимала необходимость сохранять хорошие отношения с прежним руководством стра-

ны для поддержания авторитета мужа, который, оспаривая всякий раз результаты проигранных им выборов, вошел в конфликт со всеми предыдущими президентами от партии ДМД (Фредериком Чилубой, Л. Мванавасой и Р. Бандой) и снова планировал баллотироваться на президентских выборах, назначенных на 2016 г. С этой целью в мае 2012 г. она дала торжественный обед, на котором кроме официальных лиц присутствовали также бывшие первые леди страны Б. Каунда, Вера Тембо (бывшая жена Ф. Чилубы), Регина Чилуба и М. Мванаваса.

Президенты Ганы, ЮАР, Сенегала, Замбии, Танзании, Кении и других стран поощряли и продолжают поощрять активную деятельность своих жен, в том числе политическую. Возросшая в начале 2000-х гг. политическая активность женщин арабского мира затронула также африканские страны Магриба и некоторые страны с мусульманским населением. Президенты Туниса, Египта, Судана поддержали участие своих супругов в региональном женском саммите, проходившем в ноябре 2001 г. в Каире под эгидой Лиги арабских государств (ЛАГ) [4, с. 22]. Лейла Трабелси (Тунис), С. Мубарак (Египет) и Фатима Аль-Башир (Судан) были в числе первых леди, инициировавших создание в феврале 2002 г. Организации арабских женщин (ОАЖ).

Одним из важных факторов в определении места и влияния первой леди в общественно-политической жизни страны являются индивидуальные черты ее личности и характер сложившихся взаимоотношений с высокопоставленным мужем. (Не последнюю роль играет также ее возраст, а значит, возможность активности: если одной из первых леди ЮАР Сизакеле Хумало на момент «получения» роли первой леди было 67 лет, то Монике Гейнгоб (Намибия) – 38, а Зейнаб Джамме (Гамбия) всего 22 года). Однако публичность такого влияния «...всегда зависит от господствующей в обществе тенденции к восприятию и реализации в стране принципов и политики гендерного равенства» [7, с. 53]. Влияние первых

леди зеркально отражает положение женщин в обществе. За последние десятилетия многие страны Африки достигли значительных успехов в области гендерного равенства в политике. В ряде стран Африки гендерное равенство в политической сфере стало принципом государственной политики, который реализуется на практике. Руанда, ЮАР, Кабо-Верде в мировом рейтинге входят в число стран, где женщины составляют 30 и более процентов состава правительства. Согласно данным Межпарламентского союза в 2015 г. более 40 % женщин насчитывалось в парламентах Республики Сейшельские Острова (РСО), Сенегала и ЮАР, более 35 % – в Анголе, Мозамбике, Танзании и Уганде, более 30 % – в Алжире, Бурунди, Зимбабве, Камеруне и Тунисе [28]. Не подлежит сомнению факт, что определенная заслуга в этом принадлежит и первым леди, так как многие из них ратуют за гендерное равенство в политике. Но так обстоят дела не во всех странах континента. Актуальными остаются проблемы, связанные с сохранением в африканском обществе традиционного уклада: статус женщины во многом определяется традициями, которые складывались на протяжении многих столетий. В странах с низким уровнем жизни населению более понятен образ первой леди как далекой от политики домохозяйки, учительницы, матери большого семейства.

Как и в мировой практике, в Африке много случаев, когда первые леди начинали собственную политическую карьеру. Более того, некоторые первые леди после смерти своих супругов смело заявляли о готовности взять на себя ответственность за судьбу страны. Власть сладка и, находясь рядом с мужем, обладающим этой властью, энергичным первым леди избежать соблазна порой очень сложно. Президентские амбиции были у целого ряда первых леди (в Замбии, Египте, Тунисе и др.). Была такая возможность и у влиятельного политика и первой леди Ганы Н.А. Ролингс в 2000 г. [2, с. 372]. Вдова замбийского президента М. Саты

К. Касеба-Сата одной из первых заявила о своем решении баллотироваться на президентских выборах 2015 г., считая это своим долгом перед покойным мужем. Сам факт попыток этих женщин бороться за главный пост страны способствует дальнейшему формированию института первой леди в Африке. Пока амбиции первых дам реализованы не были. А намерение первой леди Туниса Л. Трабелси, которую даже называли «правительницей Карфагена», баллотироваться на президентских выборах вызвало резкое осуждение в обществе. Сами президенты признают возможность (и даже необходимость) появления женщины на вершине пирамиды власти. Об этом в свое время говорил экс-президент Замбии Л. Мванаваса [13]. А президент ЮАР Джекоб Зума в августе 2014 г. заявил, что «допускает возможность избрания женщины президентом страны в недалеком будущем» [24].

Возможности деятельности африканских первых леди во многом определяются рамками традиционного общества, в котором существует стойкая система этнических, родственных и клановых связей. Есть особенности в возможностях для деятельности первых леди и в странах, где преобладает мусульманское население. Спецификой этих стран часто является многоженство президента, не всегда даже четко определена первая леди. Некоторые полигамные президенты выбирают в этом качестве одну из жен, например О. Обасанджо (Нигерия) эту роль предоставил С. Обасанджо, Яйя Джамме (Гамбия) – З. Джамме. Тем не менее процесс демократизации в этих странах повлиял на гендерную ситуацию. В этом плане интересен пример Сенегала, где более 80 % населения исповедует ислам. Современная политическая и социальная жизнь в этой стране характеризуется активностью женщин. Ряд исследователей отмечают экуменическую толерантность в сенегальской политике [11]. Связывают это с реформами первого президента страны католика Л.С. Сенгора, толерантны в этом плане были и другие президенты Сенегала – А. Диуф и А. Вад, чьи жены также исповедовали

христианство. Многоженство присуще и некоторым лидерам немусульманских стран Африки. Нынешний президент ЮАР Джекоб Зумма принадлежит к зулусам, в чьих традициях сохраняется полигамность (законы страны разрешают традиционные полигамные браки). Он открыто заявил об этом: «Очень многие политики прячут своих любовниц и детей, чтобы притвориться моногамными. Я предпочитаю открытость. Я люблю моих жен и горжусь моими детьми» [33]. На церемонии своей инаугурации в 2009 г. его сопровождали все три супруги – Номпумелело Нтули, Сизакеле Хумало и Тобека Мадиба. В 2012 г. он женился еще раз – на Глории Бонги Нгема. В первые годы у власти лидера ЮАР на официальных мероприятиях чаще всего сопровождала Н. Нтули, она коммуникабельна и активно участвовала в общественной жизни страны. Известна и вызывает критику у оппозиции за расточительность «привычка жениться» короля Свазиленда Мсвати III.

У теперешней первой леди Сенегала М.Ф. Салль имидж традиционной сенегальской женщины-мусульманки, превыше всего ставящей интересы мужа и семьи. Согласно официальной биографии, она училась в университете в Дакаре, но после рождения ребенка решила посвятить себя семье [18]. В глазах мусульманского сенегальского электората это новый тип первой леди страны, так как почти все ее предшественницы были иностранками-христианками. Влиятельный сенегальский политический обозреватель Мадиямбал Дьянь отмечает, что имидж теперешней первой леди страны более понятен и близок гражданам, потому что она выглядит и ведет себя как большинство женщин страны [14]. К тому же в СМИ часто подчеркивается, что М.Ф. Салль не вмешивается в политику. Хотя ранее, когда ее супруг в 2004–2007 гг. был премьер-министром при президенте А. Ваде, некоторые СМИ писали об обратном.

Теплые, бережные и трогательные отношения президентов и их половин делают образы этих политиков ближе и

понятнее для избирателей, вызывают у них положительные эмоции. Определенное влияние на неоднократное переизбрание К. Каунды в течение 27 лет нахождения его у власти, наверняка имела его семья с Б. Каундой, которую часто в СМИ называли «Мама Бетти». Местные СМИ писали, что на торжестве по случаю 66-летия их брака Каунда сыграл ей на гитаре и спел песню. Бережно относились друг к другу президент Замбии М. Сата и его супруга К. Касеба-Сата. В январе 2011 г., когда уже шла предвыборная кампания Сата, он был рядом с супругой, которую оперировали в одной из клиник ЮАР [30]. А в июне 2014 г. она уже сопровождала мужа в поездке в Израиль, куда он прибыл с рабочим визитом и, как сообщали израильские СМИ, проходил обследование в Тель-Авиве в клинике «Асута» [36]. Была первая леди рядом с мужем и в Лондоне, когда он скончался в больнице Эдварда VII в Западном Лондоне. Супруга нового президента Э. Лунгу, избранного в январе 2015 г., также находилась рядом с мужем, когда он проходил в марте 2015 г. лечение в ЮАР. З. Мбеки (ЮАР) была рядом с мужем Табо Мбеки в сложный для него период, когда по требованию сторонников Дж. Зумы он был вынужден досрочно подать в отставку. Верна интересам мужа З. Дхамме (Гамбия): 10 января 2017 г. на официальном сайте правительства было размещено обращение первой леди, в котором она выразила свою твердую поддержку Я. Дхамме, проигравшему на очередных выборах в декабре 2016 г., заявив: «За последние годы Гамбия под его руководством добилась многого. Правление никогда не бывает идеальным, но важно признать, что в нем было положительного» [41].

«Фактор жены» может также негативно отразиться на формировании политического имиджа главы государства. Град критики со стороны оппозиции, СМИ и НПО по поводу высказываний первых леди, их участия в сомнительных проектах и пр. влияют на легитимность президента. Но это мало важная деталь на фоне обвинений президентов и первых

леди некоторых стран (Анголы, Египта, Замбии, Зимбабве, Нигерии, Туниса и др.) в коррупции. Международный резонанс получил громкий коррупционный скандал, связанный с именами президента Замбии Ф. Чилубы и его второй супруги Регины [6, с. 38–40]. В Нигерии объектом обвинений стала супруга президента Сани Абачи Мариам, причастная к хищению 2,3 млрд дол. США [32]. Местные СМИ также неоднократно обвиняли в коррумпированности другую первую леди этой страны – С. Обасанджо. Широкомасштабные хищения из государственной казны в Тунисе при президенте Бен Али связывают с именем его жены – Л. Трабелси. Экспервая леди Нигерии Пейшнс Джонатан оказалась в центре коррупционного скандала в сентябре 2015 г., буквально через пару месяцев после ухода в отставку ее мужа Гудлака Джонатана [40]. Попал под град критики и избранный в 2015 г. президент Нигерии М. Бухари. Причиной послужили часы первой леди, которые были у нее на руке во время инаугурации мужа; местные СМИ оценили их в 52 тыс. дол. США – трехмесячный должностной оклад президента [38]. Резкая критика оппозиции и СМИ часто звучит и в адрес первой леди Зимбабве Грейс Мугабе [15; 29].

В глазах международной общественности положительные имиджи некоторых африканских первых леди порой трансформируются в свою противоположность. Например, недавнюю хозяйку дворца тунисского президента Л. Трабелси суд страны в 2011 г. вместе с ее супругом заочно приговорил к 35 годам тюремного заключения и уплате многомиллионного штрафа [39]. Бесславно закончилась блестящая карьера С. Мубарак (Египет), чей муж после 30-летнего правления был свергнут в 2011 г. и долгое время находился под следствием. Приведенные примеры показывают, что коррупция негативно сказывается на восприятии населением демократии как таковой. В этом плане поведение первой леди существенно влияет на имидж высокопоставленного супруга и на отношение к власти в целом.

Руководство африканских стран, ставших на путь демократических реформ, для создания благоприятного имиджа власти и страны в целом столкнулись с необходимостью использования методов и средств PR. Прямых свидетельств того, что африканские лидеры и первые леди активно пользуются услугами известных PR-технологов не так много. Это закономерно, так как конфиденциальность процесса создания имиджа политического лидера часто отвечает интересам обеих сторон. Однако есть свидетельства того, что ряд президентов в ходе своих предвыборных кампаний работали с имиджмейкерами, в том числе зарубежными: в качестве клиентов южноафриканского медиастратега Лисл Гетерт называют президентов Дж. Зуму и Р. Мугабе [20], специалист в области репутационного менеджмента Франсуа Бэрд (пионер коммуникационного консалтинга в Африке) работал с замбийским президентом Ф. Чилубой [46], британская фирма по коммуникационным стратегиям Bell Pottinger привлекалась в 2014 г. к предвыборной кампании другого президента Замбии Р. Банды [43], а в Зимбабве на выборах 2008 г. работала местная PR-компания Imago Young & Rubicam [27]. Африканские президенты все больше сознают роль PR-специалистов, в том числе на должностях их пресс-секретарей. Вторым назначением, которое президент Замбии Э. Лунгу сделал уже в день своей инаугурации, было именно назначение специального помощника президента по СМИ и связям с общественностью Амоса Чанды [31]. Многое для имиджа Р. Мугабе сделал Джонатан Мойо [26], сейчас эти функции выполняет Джордж Чарамба. Стоит отметить, что недипломатичность некоторых его высказываний вряд ли приносит пользу имиджу президента страны, находящегося под санкциями Запада: по утверждению журналиста местной газеты The Herald за 7 февраля 2017 г., Чарамба посоветовал послу США в Зимбабве Гарри Томасу после его критики состояния прав человека в этой стране «пойти и повеситься на банановом дереве» [22].

Претерпевает изменения имидж президента ЮАР Дж. Зумы. Перед мировой общественностью он предстает довольно многоликим и противоречивым – лидер АНК и старый соратник Н. Манделы с одной стороны, с другой – коррупционер и насильник (хотя и официально оправданный после длительных судебных разбирательств). Он также «прославился» как невежественный в отношении СПИДа человек, ставший президентом страны, в которой эпидемия этой болезни охватила 12,5 % населения. В последние годы в его портрете добавились новые штрихи – посредник в африканских конфликтах, активный участник процесса по формированию нового миропорядка в рамках БРИКС. После вступления ЮАР в это объединение он заявил: «Мы теперь на равных с другими архитекторами новой справедливой международной системы» [35]. Отстаивая интересы Африки в ООН, он продолжает укреплять имидж ЮАР как одного из лидеров континента. Зума пригласил на V саммит БРИКС, проходивший в марте 2013 г. в Дурбане (ЮАР), президентов 15 африканских стран, руководящих работников Африканского союза (АС), НЕПАД, а также представителей субрегиональных организаций континента [9, с. 196]. Его жена Т. Мадоба в декабре 2015 г. стала специальным представителем ЮНЭЙДС по вопросам здоровья женщин, молодежи и детей. Она – основатель и покровитель национального фонда, названного ее именем, деятельность которого направлена на борьбу со СПИДом, туберкулезом, раком молочной железы и шейки матки [45]. Необходимо отметить, что супруги Зумы почти поочередно сопровождают его в ходе визитов и важных встреч, например, во время официального визита в США в 2012 г. его сопровождала Т. Мадоба, на VII саммите БРИКС (10 июля 2015 г., Уфа) – Г. Бонги Нгема.

Первые леди, разные по возрасту, уровню образования, вероисповеданию и даже по цвету кожи, объединены чувством долга и пониманием важности работы их мужей. Как отметила в одном из интервью первая леди Нигерии А. Буха-

ри, «...долг жены любого руководителя – помогать мужу, давая ему возможность решать государственные дела» [37]. Повлияли на имиджи первых лиц и автобиографические книги, написанные первыми леди позже, в них запечатлены страницы национальной истории, непосредственными свидетельницами которых они стали. Первые дамы Нигерии Мариам Бабангида и Олуреми Обасанджо (первая супруга О. Обасанджо) издали книги «На домашнем фронте: нигерийские офицеры и их жены» (*Babangida Maryam. The home front: Nigerian army officers and their wives. Ibadan: Fountain Publications, 1988*) и «Горько-сладкое: моя жизнь с Обасанджо» (*Obasanjo O. Bitter-Sweet: My Life with Obasanjo. Lagos: Diamond Publication, 2008*), кстати, вторая книга стала бестселлером в Нигерии. Л. Трабелси (Тунис), находясь в эмиграции в Саудовской Аравии, написала мемуары «Моя правда» (*Trabelsi L. Ma vérité. Paris: Edition du Moment. 2012*). В ней события в Тунисе показаны как результат заговора спецслужб Туниса и западных держав, но в то же время ею признавались определенные ошибки клана Бен Али. Первая леди Бурунди Дениз Букуми-Нкурунзиза в 2013 г. издала книгу «Власть надежды: Первая леди Бурунди. Моя история» (*The power of hope: The First Lady of Burundi. My story (French). Paris: L.: Harmattan. 2013*). А тяжелые переживания М. де Клерк ЮАР после развода (Ф. де Клерк публично признался в любви к другой женщине и женился на ней спустя неделю после развода) вылились в написание книги «Место, где солнце светит вновь» (*De Klerk M. A Place Where the Sun Shines Again*).

В XXI в. в общественно-политическом развитии государств Африки возросла роль имиджа лидера страны, в его формировании активно используются СМИ и PR-технологии. Местные традиции не всегда приветствуют значительное влияние первой дамы на главу государства. Одна-

ко постепенно эти стереотипы претерпевают изменения, глубоко «церемониальная» роль супруги первого лица в государстве постепенно вышла за эти рамки и наполнилась более значимым содержанием. Институт первой леди постепенно становится элементом местной политической культуры, ее имидж – важным элементом имиджа главы государства, а эффективная деятельность способствует его легитимизации. Но только реальные дела первой супружеской пары государства на благо общества, а не мифы, созданные о них PR-консультантами, могут сформировать и сохранить их положительный имидж и вписать имена большими буквами в историю страны.

Литература

1. *Абрамова И.О.* Глобальные политические и экономические процессы в Африке в контексте реализации целей развития континента в XXI веке // Ученые записки Института Африки РАН. Научный журнал. М.: Институт Африки РАН. 2015. № 1 (32).
2. *Денисова Т.С.* Тропическая Африка: эволюция политического лидерства. М.: Институт Африки РАН, 2016.
3. *Косухин Н.Д.* Африка: поиски обновления. Динамика политических изменений в конце XX – начале XXI вв. М.: Институт Африки РАН, 2007.
4. *Ксенофонтова Н.А.* Роль и место женщин в политической системе современных обществ. Новые тенденции и явления // Гендерные проблемы переходных обществ. М.: Институт Африки РАН, 2003.
5. *Прокопенко Л.Я.* Имидж политических лидеров и партий в избирательных кампаниях. Роль средств массовой информации и коммуникаций в его формировании» // Ученые записки Института Африки РАН. Научный журнал. М.: Институт Африки РАН. 2015. № 2 (33).
6. *Прокопенко Л.Я.* Влияние коррупции на политический процесс в Замбии // Юг Африки на современном этапе. М.: Институт Африки РАН, 2016.
7. *Шведова Н.А.* Институт Первой леди как компонент американской политической культуры // Женщина в российском

обществе. Иваново: Изд.: Ивановский государственный университет. 2013. № 3 (68).

8. *Шубин В.Г.* Судьбы Зимбабве. М.: Институт Африки РАН, 2015.

9. *Юртаев В.И.* БРИКС: вызовы сотрудничества на африканском континенте // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. Июнь 2016. Т. 16. № 2.

10. *Adamu S.* There is no office of the first lady in the Nigerian constitution. URL: <http://www.vanguardngr.com/2015/06/there-is-no-office-of-the-first-lady-in-the-nigerian-constitution-a-revisit-of-buhari-claim>

11. *Bekker S. B., Dodds M., Khosa M. M.* Shifting African Identities. Pretoria: HSRC Press, 2001. 180 p.; Africa's Islamic Experience: History, Culture, and Politics. New Delhi: Sterling Publishers Pvt. Ltd. 2009.

12. *Charlick R.B.* Niger: Personal Rule and Survival in the Sahel. Westview, Boulder. 1991.

13. *Dale P.* Zambians split over woman leader. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/2991931.stm>

14. *Diagne M.* Le cas Marieme Faye. URL: http://www.dakaractu.com/Le-cas-Marieme-Faye_a43155.html

15. *Donnelly C.* Hanging out with Zim's first shopper // Daily Mirror. L., 2003. June 20.

16. How I will operate as Nigeria's First Lady – Buhari's Wife. URL: <http://www.premiumtimesng.com/news/top-news/175541-will-operate-nigerias-first-lady-buharis-wife.html>

17. *Jibrin I.* The First Lady Syndrome and the Marginalisation of Women from Power: Opportunities or Compromises for Gender Equality? URL: http://agi.ac.za/sites/agi.ac.za/files/fa_3_feature_article_3.pdf.

18. La Première Dame. URL: <http://www.presidence.sn/content/la-premi%C3%A8re-dame>

19. *McBride A.* The First Ladies of Africa Make History. URL: <http://www.thedailybeast.com/articles/2009/04/27/the-first-ladies-of-africa-make-history.html>

20. *Monare M.* I'm No PR Prostitute, says Zuma's Spin Doctor // Sunday Argus. 2006. July 30. URL: http://www.armsdeal-vpo.co.za/articles09/no_pr.htm

21. *Mubanga P.* NGOCC advises Lungu's wife to keep her nose from abusing public money, politics. URL: <http://www.zambiatwatchdog.com/ngocc-advises-lungus-wife-to-keep-her-nose-from-abusing-public-money-politics>
22. *Munyoro F.* Govt blasts US. URL: <http://www.herald.co.zw/govt-blasts-US>
23. *Sage A.* Premières dames et first ladies: la femme du chef est-elle le chef du chef? // L'Afrique Politique. Femmes d'Afrique. Karthala Editions, 1998.
24. *Tsotetsi L.* South Africa is ready for a woman president: Zuma. URL: <http://www.sabc.co.za/news/a/f1ceb98045074bed926093a5ad025b24/South-Africa>
25. *Warungu J.* Meeting the first ladies of Africa. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/8685438.stm>
26. *Winter J.* The Rise and Fall of Mugabe's Spin Doctor. URL: <http://www.namibian.com.na/index.php?id=12595&page=archive-read>
27. *White D.* WPP sells Mugabe agency. URL: <http://www.telegraph.co.uk/finance/newsbysector/mediatechnologyandtelecoms/2795242/WPP-sells-Mugabe-agency.html>
28. Women in Politics: 2015 – Inter-Parliamentary Union. URL: http://www.ipu.org/pdf/publications/wmnmap15_en.pdf
29. Libération. Paris, 2003. 21 Fevrier.
30. Lusaka Times. Lusaka, 2011. January 2.
31. Lusaka Times. Lusaka, 2015. January 25.
32. URL: http://archive.transparency.org/content/download/4459/26786/file/Introduction_to_political_corruption.pdf
33. URL: <http://www.bbc.co.uk/2/hi/8485730.stm>
34. URL: <http://www.childrenofafrica.org/en/journey-working-woman-and-woman-heart>
35. URL: <http://www.dfa.gov.za/docs/2011/brics0411.html>
36. URL: <http://www.haaretz.com/news/diplomacy-defense/1.602140&prev>
37. URL: <http://www.ngrguardiannews.com/2015/10/aisha-buhari-reiterates-commitment-to-improve-maternal-health>
38. URL: <http://nigeriantimes.ng/news/first-lady-aisha-buhari-slammed-for-wearing-n10m-cartier-watch>
39. URL: <http://ria.ru/spravka/20121026/907117359.html>
40. URL: <https://ria.ru/world/20160914/1476957317.html>

41. URL: <http://statehouse.gov.gm/news/first-lady-breaks-the-silence/>
42. URL: <http://www.statehouse.gov.zm/index.php/about-state-house/first-lady>
43. URL: <http://thezambiavoice.org/2014/06/29/inside-the-presidency-trials-and-tribulations-of-a-zambian-spin-doctor-reviewed-by-emmanuel-mwamba>
44. URL: http://www.unaids.org/ru/resources/presscentre/featurestories/2015/september/20150928_OAFLA
45. URL: http://www.unaids.org/en/resources/presscentre/pressreleaseandstatementarchive/2015/december/20151202_TobekaMadibaZuma
46. URL: <https://za.linkedin.com/in/francoisbaird>
47. URL: <http://www.zambia.co.zm/headlines/2012/10/12/president-sata-praises-wife>
48. URL: <http://zambianwatchdog.com/dr-kaseba-condemns-mmd-for-attacks-on-sata/comment-page-1>
49. URL: <http://www.zambianwatchdog.com/ngocc-advises-lungus-wife-to-keep-her-nose-from-abusing-public-money-politics>

В.И. Гусаров

СЕВЕРНАЯ АФРИКА – ТРАМПЛИН ОПЕРАЦИИ «ХАСКИ» В ИЮЛЕ-АВГУСТЕ 1943 ГОДА: ПОДГОТОВКА, ПРОВЕДЕНИЕ, ПОСЛЕДСТВИЯ

9 июля 1943 г. началась операция союзников под кодовым наименованием «Хаски»¹ по захвату Сицилии, в которой приняло участие около полумиллиона солдат и офицеров. Основными трамплинами для их «прыжка» через Средиземное море послужили несколько североафриканских портов, в том числе Оран в Алжире, Суэц в Египте, несколько портов Туниса. Кроме того, некоторые соединения экспедиционного корпуса отплыли из портов Британии и Мальты.

Этой операции предшествовала длительная многомесячная подготовка. На конференции в марокканской Касабланке в январе 1943 г. политические лидеры и военные руководители США и Англии встретились для обсуждения стратегических вопросов дальнейшего ведения боевых действий. Главы британских генеральных штабов высказывались в пользу вторжения на Сицилию или Сардинию, считая, что это вынудит Германию рассеять ее силы, Италию выведет из войны, а Турцию заставит присоединиться к союзникам.

Поначалу американцы воспротивились этому плану, считая его малоэффективным, но затем согласились на втор-

¹ «Хаски» имеет в английском языке несколько значений, в том числе «эскимос», «эскимосский язык», «лайка» (собака), «рослый, сильный человек».

жение в Сицилию, полагая, что оно позволит союзникам сэкономить на морских перевозках благодаря устранению с острова авиации и военно-морских сил стран Оси. Командующим экспедиционным корпусом союзников был назначен генерал Эйзенхауэр – будущий президент США, его заместителем – британский генерал Гарольд Александер, командующим флотами адмирал Каннигхэм и командующим ВВС маршал авиации Теддер. В мае 1943 г. в Вашингтоне состоялась еще одна конференция глав правительств и высших военных руководителей США и Англии, которая подтвердила решения о сосредоточении главных усилий союзников на Средиземноморском театре.

Утвержденный план вторжения предусматривал разрозненные высадки соединений в масштабах бригад и дивизий на юго-востоке, юге и северо-западе острова. Замысел плана состоял в быстром захвате ключевых аэродромов стран Оси на острове, которые были угрозой для основных мест высадки десанта на побережье и флотов вторжения, находившихся неподалеку от них.

Планом предусматривался быстрый захват всех основных портов Сицилии, включая Катанию, Палермо, Сиракузы, Ликату, Аугусту, но не считая Мессину. Это означало бы быстрое развертывание сил союзников и исключение этих портов для использования войсками Оси.

В распоряжении союзников в Северной Африке находилось более 30 дивизий. Они объединялись в четыре армии (1-я и 8-я британские, 5-я и 7-я – американские). Все соединения были полностью укомплектованы личным составом и оснащены новой боевой техникой и вооружением. Военно-воздушные силы насчитывали около 4900 самолетов. Военно-морской флот союзников на Средиземном море имел в своем составе 6 линкоров, 6 авианосцев, 26 крейсеров, 120 эсминцев и 70 подводных лодок. Всего для участия в операциях привлекалось свыше 3200 кораблей, транспортов, десантных и других вспомогательных судов.

Для захвата Сицилии союзное командование создало крупную группировку вооруженных сил. Сухопутные войска объединялись в 15-ю группу армий под командованием упомянутого выше английского генерала Г. Александера. В нее входили 8-я британская армия (семь дивизий и три танковые бригады) и 7-я американская армия (шесть дивизий). Общая численность личного состава этой группировки достигала 478 человек.

Военно-морские силы Великобритании и США, выделенные для участия в операции под командованием адмирала Э. Каннингхэма, были объединены в два оперативных соединения: Восточное (английское) и Западное (американское). В составе Восточного соединения находилось до 800 боевых кораблей, десантных и вспомогательных судов и свыше 700 единиц высадочных средств; в Западном – 580 кораблей, десантных и вспомогательных судов и более 1100 единиц высадочных средств. Восточное соединение должно было высадить на Сицилию 8-ю английскую, а Западное – 7-ю американскую армии.

Для поддержки десанта выделялись 6 линейных кораблей, 2 авианосца, 6 крейсеров и 24 эсминца; к участию в операции привлекалось 4 тыс. боевых самолетов.

Итало-немецкие войска на Сицилии, сведенные в 6-ю итальянскую армию, в начале июля 1943 г. состояли из девяти итальянских и двух немецких дивизий и насчитывали около 255 тыс. человек: 195 тыс. итальянцев и 60 тыс. немцев. Низкие плотности войск и артиллерии оборонявшихся, нежелание итальянцев сражаться свидетельствовали о том, что десант не встретит решительного противодействия при высадке. «Сицилия, – писали американские исследователи Ч. Нимиц и Э. Поттер, – оказалась пустым орехом. Одной из причин этого была плохая организация обороны и недостаточно глубокое ее эшелонирование. Основным же недостатком явился низкий моральный дух итальянцев... Военное положение страны они считали безнадежным и даже

приветствовали вторжение англо-американских сил, которое вывело бы их из состояния войны, а ненавистных немцев – из Италии» [2, с. 342].

Поскольку силы стран Оси были разгромлены в Северной Африке, стратегическая бомбардировочная авиация союзников начала атаковать главные аэродромы Сардинии, Сицилии и Южной Италии, промышленные центры в Южной Италии и порты Неаполя, Мессины, Палермо и Кальяри на Сардинии. Эти атаки были рассредоточены по широкому фронту с тем, чтобы вызвать у противника неуверенность в следующих шагах союзников, прижать немецкую и итальянскую авиацию к аэродромам и удержать их за пределами Сицилии. Были усилены бомбардировки Северной Италии и Греции.

От бомбардировок страдало и мирное население. Так, например, только в административном центре Сицилии г. Палермо в результате бомбардировок крова лишились около 14 тыс. человек, многие из которых жили в лачугах среди развалин старого центра, особенно пострадавшего от бомбежек.

Начиная с 3 июля бомбардировки были сконцентрированы на сицилийских аэродромах и коммуникациях войск Оси с Италией, а береговые укрепления оставались нетронутыми с тем, чтобы сохранить неизвестность того, где могла бы начаться высадка десанта. К 10 июля только два аэродрома на Сицилии оставались полностью в рабочем состоянии, а более половины авиации противника было вынуждено оставить остров. С середины мая и до начала вторжения летчики союзников совершили 42 227 вылетов и уничтожили 323 немецких и 105 итальянских самолетов. Потери союзников составили 250 самолетов, преимущественно из-за зенитного огня над Сицилией.

Авиаудары союзников в мае начались с бомбардировки небольшого острова Пантеллерия, расположенного в 110 км к юго-западу от Сицилии и в 240 км к северо-западу от

Мальты. Их целью было предотвращение использования местного аэродрома для поддержки войск Оси, пытавшихся выбраться из Северной Африки.

13 и 31 мая крейсер союзников «Орион» подверг остров обстрелу, а начиная с 6 июня атаки союзников усилились. 11 июня после обстрела с моря и высадки морского десанта 1-й британской пехотной дивизии гарнизон острова сдался. 12 июня за ним последовали гарнизоны широко известных ныне из-за проблем с афро-арабской миграцией островов Лампедуза, Лампione и Линоза в 140 км к западу от Мальты.

Потеря Пантеллерии произвела на Муссолини ошеломляющее впечатление. В своих мемуарах он с возмущением писал, что захват острова был осуществлен, в сущности, без противодействия. Он стоил англичанам двух легко раненных солдат, а итальянский гарнизон, насчитывавший 12 тыс. человек, потеряв во время бомбардировок 35 солдат, обслуживавших зенитные орудия, капитулировал.

В ходе подготовки операции «Хаски» и в процессе ее проведения союзники неоднократно использовали военные хитрости, разного рода уловки и отвлекающие маневры для того, чтобы сбить противника с толку и разбросать его вооруженные силы по разным участкам фронта. Одной из таких уловок была самая известная и успешная операция «Минсемит»².

В конце апреля 1943 г. англичане переодели труп в форму высокопоставленного английского офицера и спустили его с подводной лодки в воду у побережья Испании. При нем был портфель, содержащий фальшивые секретные документы, свидетельствующие, что союзники планируют «Операцию Бримстоун» и что целью «Операции Хаски» было вторжение в Грецию. Немецкая разведка подтвердила подлинность документов, после чего немцы стали перево-

² «Минсемит» в переводе с английского языка означает смесь изюма, миндаля и других компонентов.

доть значительную часть своих оборонительных резервов с Сицилии в Грецию.

Германский генерал-фельдмаршал Эрвин Роммель был направлен в Грецию, чтобы принять там командование немецкими войсками. Немцы перевели с Сицилии группу минных тральщиков и заложили три дополнительных минных поля вдоль греческого побережья. Они перевели также в Грецию три танковых дивизии, одну из Франции и две с восточного фронта из-под Курска.

Это продолжалось вплоть до оккупации союзниками упоминавшегося выше острова Пантеллерия 11 июня, после чего немцы и итальянцы переключили свое внимание на западную часть Средиземноморья.

Одним из факторов, способствовавших успеху «Операции Хаски», было использование союзниками остатков мафиозных структур, сохранившихся на острове несмотря на жестокие репрессии фашистского режима Муссолини³. Сотрудничество официальных властей США с мафиозными итальянскими, в особенности с сицилийскими, структурами на американской территории началось несколько ранее, после того как США вступили в войну в декабре 1941 г. Ведомство военно-морской разведки призвало мафию на помощь для защиты побережья Нью-Йорка от актов саботажа агентов стран Оси. В последующем контакты с мафией были исполь-

³ Слово «мафия» появляется в итальянском языке в 1863 г. Имеется несколько версий его происхождения. По социально-экономическим причинам в период между 1901 и 1913 гг. около 800 тыс. сицилийцев переехали в США. Многие из них уже до отъезда были так называемыми «людьми чести», т.е. входили в мафиозные структуры. Другие уже в Америке связали с ними свои судьбы. Так, например, только в Новом Орлеане нашли прибежище около 12 тыс. сицилийцев. В этом городе активно действовала мафия. Этнические сицилийцы после 1931 г. составляли ядро американского «общества чести». А на их родине в 1926 г. фашистская диктатура Муссолини объявила беспощадную войну организованной преступности. За несколько лет репрессий мафия была подавлена, но отнюдь не искоренена.

зованы Ведомством стратегических служб – предшественником ЦРУ в годы войны – в ходе вторжения на Сицилию.

Итальянские американцы были весьма полезны при планировании и реализации вторжения. Они нашли многих сицилийцев, которые помогали военно-морской разведке США составлять карты портов Сицилии и разыскивать старые фотоснимки линии побережья. Благодаря контактам мафии с военно-морской разведкой имена лиц сицилийского подполья и дружественных сицилийских родственников, которым можно было доверять, были получены и использованы в ходе сицилийской кампании.

Оперативники американского Объединенного штаба подготовили для глав штабов США доклад под названием «Специальный военный план психологического ведения войны на Сицилии», который рекомендовал «установление контактов и связей с лидерами сепаратистских организаций, недовольными деятелями и подпольными радикальными группами, например, с мафией, и оказание им всякой возможной помощи. Доклад был одобрен главами объединенных штабов в Вашингтоне 15 апреля 1943 г. и в дальнейшем был использован в ходе «Операции Хаски».

Она предусматривала высадку как авиационных, так и морских десантов. Сразу после полуночи с 9 на 10 июля по противнику были нанесены два удара английских и два удара американских авиадесантных частей для создания плацдармов десантирующихся частей в районах Сиракуз и Джелы. Несмотря на отдельные промахи и просчеты высадка десантных частей на широком фронте имела позитивный эффект, поскольку небольшие десантные группы, даже будучи изолированными друг от друга и действуя по собственной инициативе, атаковали жизненно важные объекты противника и вызвали замешательство в его рядах.

Рано утром 10 июля началась высадка морского десанта на 26 участках побережья протяженностью 169 км с южной и восточной сторон острова между городами Ликата, где выса-

дилась третья американская пехотная дивизия, и Кассибиле, где высадились английские и канадские части. С позиций протяженности зоны высадки и количества дивизий, десантированных в первый же день на побережье, это была крупнейшая десантная операция Второй мировой войны.

Итальянский план обороны не предполагал какого-либо крупного сражения на побережьях, поэтому десанту союзников серьезного сопротивления не было оказано за исключением отдельных участков. Определенную роль сыграл и погодный фактор, крайне неблагоприятный для высадки десанта, в особенности на южном побережье острова. В такую ненастную погоду итальянцы совсем не ожидали десанта. Утром 10 июля союзники захватили порт Ликата на южном побережье, а вечером того же дня силами семи дивизий – трех английских, трех американских и одной канадской – порт Сиракузы на восточном побережье острова ценой определенных потерь.

План генерала Александера состоял в том, чтобы расположить свои войска на линии между Ликатой на западе и Катанией на востоке. Ключом к его выполнению был захват портов и аэродромов. Задача 8-й британской армии заключалась в захвате аэродрома Пачино на мысе Пассеро и порта Сиракузы перед тем, как двинуться на север для захвата портов Аугуста и Катания. В ее цели входили также территории для десантирования вокруг Гербини в долине Катания. Основные задачи 7-й армии США состояли в захвате порта Ликата и аэродромов в Понте-Оливо, Бискари и Комизо. Кроме того, она должна была не допустить резервы противника двинуться на восток против левого фланга 8-й армии.

С другой стороны, по немецко-итальянским планам соединение Шмальца (полковника Вильгельма Шмальца) во взаимодействии с 54-й итальянской пехотной дивизией «Наполи» должно было контратаковать десант союзников на участке побережья от Аугусты до Сиракуз. Однако 10 июля

Шмальц не смог вступить в контакт с итальянской дивизией и был вынужден самостоятельно пробиваться к Сиракузам.

Рано утром 13 июля части 5-й дивизии на правом фланге 8-й армии, сдерживавшиеся соединением Шмальца, вступили в Аугусту. На левом фланге английская 50-я дивизия вышла на трассу 114 по направлению к Лентини в 24 км к северо-западу от Аугусты и столкнулась с нарастающим сопротивлением итальянской дивизии «Наполи». Ее командир и его штаб были взяты в плен англичанами 13 июля. К 18.45 Аугуста была очищена от отдельных очагов сопротивления и снайперов.

В американском секторе операции 10 июля был взят порт Ликата, 11 июля генерал Паттон приказал своим резервным парашютным войскам десантироваться и укрепить центральный участок наступающих частей.

Специальные предупредительные приказы были отданы флоту и войскам 6, 7, 10 и 11 июля относительно планировавшихся маршрутов и времени десантирования с тем, чтобы самолеты союзников не были обстреляны своими же силами. Они намеревались высадиться в Понте-Оливо, в 8 км от Джелы, чтобы обеспечить маршрут для 1-й американской пехотной дивизии из Джелы. 144 транспортных самолета Дуглас С-47 прибыли в то же самое время, когда проводился воздушный рейд противника. Первый эшелон самолетов, перевозивший войска, высадил их без происшествий, когда вдруг корабль союзников обстрелял соединение. Сразу все другие суда и береговые части присоединились к нему, сбив свой же самолет и вынудив парашютистов десантироваться далеко от намечавшихся зон высадки.

Десантные части, формировавшие 52-е десантное крыло, потеряли 23 из 144 самолетов С-47 из-за обстрела своими же войсками. Потери в людях составили 318 человек, в том числе 83 убитых. 37 самолетов были повреждены, а 8 – вернулись на базу, не высадив парашютистов. 504-й парашютный полк потерял от «дружественного огня» 229 человек,

в том числе 81 убитым. Несмотря на это, американская высадка на побережье в целом прошла успешно. Была выгружена основная часть припасов и транспортных средств. 1-я американская пехотная дивизия взяла Понте-Оливо 12 июля и начала наступать на север.

На правом фланге 45-я пехотная дивизия захватила аэродром в Комизо и вступила в Рагузу, соединившись с канадцами. На левом фланге 3-я пехотная дивизия, высадившись в Ликате, продвинулась на 40 км по побережью почти до Арженто и на 32 км в глубь острова до Каникатти.

После захвата побережий генерал Александер планировал разделить остров пополам, пробившись на север через Кальтанисетту и регион Этны и лишив защитников горизонтальной дороги, идущей с востока на запад. Дальнейшее продвижение на север к Никозии отрезало бы противнику следующую горизонтальную трассу, а дальнейшее наступление на Сан-Стефано на северном побережье отрезало бы прибрежную дорогу. В новых приказах, отданных 13 июля, он поставил эти задачи перед 8-й армией.

12 июля командующий немецкой группой армий «Юг», действовавшей в Италии, генерал-фельдмаршал А. Кессельринг посетил Сицилию. У него сложилось впечатление, что немецкие войска сражаются сами по себе. Поэтому он принял решение усилить их и оставить Западную Сицилию, чтобы сократить линию фронта. Первоочередная задача состояла в том, чтобы замедлить наступление союзников, а затем совсем остановить его. Главная линия фронта должна была пройти от Сан-Стефано на северном побережье через Никозию и Агиру до Катенануова и оттуда на восточное побережье к югу от Катании.

В то время как 13-й корпус союзников продолжал наступать вдоль дороги на Катанию, 30-й корпус был направлен на север вдоль двух дорог. Первая была внутренней через Виццим, а вторая – вдоль трассы 124, проходившей через позиции 45-й американской пехотной дивизии и вызы-

вавшей необходимость ее возвращения на южное побережье близ Джелы для переформирования за позициями 1-й американской пехотной дивизии.

Прогресс был незначительным, поскольку упоминавшееся выше соединение Шмальца умело сдерживало 5-ю английскую пехотную дивизию, давая возможность двум полкам 1-й немецкой парашютной дивизии прибыть в Катанию для развертывания. 12 июля была десантирована 1-я английская парашютная бригада для захвата моста Примасоль через реку Симето на южной оконечности долины Катания. Английские парашютисты сумели удержать его, несмотря на ожесточенные атаки семи итальянских батальонов.

16 июля Сицилийское военно-воздушное командование принимает решение об эвакуации в Италию самолетов, оставшихся на аэродромах. Около 160 итальянских самолетов были уничтожены в первую неделю вторжения союзников. Только за 10–12 июля 57 из них были уничтожены истребителями и зенитным огнем.

В тот же день 16 июля английский корабль «Индоми-табль» («Неукротимый») был поврежден итальянским торпедным бомбардировщиком и вышел из строя до конца войны в Европе. В ночь на 17 июля легкий итальянский крейсер «Сципионе Африкано», проходя на большой скорости Мессинский пролив, вступил в бой с четырьмя английскими торпедными катерами, находившимися в засаде. При этом один катер был потоплен, а второй поврежден, 12 английских моряков были убиты.

В ночь с 17 на 18 июля Монтгомери возобновил атаки в направлении Катании силами двух бригад 50-й дивизии. Они встретили серьезное сопротивление, и 19 июля Монтгомери решил прекратить атаки, а вместо этого усилить давление на левом фланге. 5-я дивизия атаковала на левом фланге 50-й дивизии, но крупного успеха не добилась.

20 июля 51-я дивизия далее к западу форсировала реку Диттайно у п. Сферро и направилась к аэродромам в Джербини. Но контратакой 21 июля она была отброшена назад.

На левом фланге канадцы продолжали наступать, однако становилось ясно, что поскольку немецкие части расположились на новых позициях в Северо-Восточной Сицилии, войскам союзников не хватит сил наступать по всему фронту. Исходя из этого, канадцам было приказано продолжать движение на север к Леонфорте, а затем повернуть на восток к Адрано на юго-западных склонах горы Этна. Из Северной Африки Монтгомери вызвал 78-ю английскую пехотную дивизию.

Генерал Паттон переформировал свои силы в два корпуса, один из которых, временный, на левом фланге 17 июля взял Порто-Эмпедокле и Агридженто, а 2-й корпус на правом фланге 18 июля взял Кальтаниссетту, неподалеку от магистрали 121, главной трассы, идущей с востока на запад через центр Сицилии.

Американское наступление на Агридженто временно сдерживалось 207-й итальянской дивизией обороны побережья, которая находилась в Сант'Олива в 10 км от Ликаты, и 10-м полком Берсаглиери. Однако 16 июля Агридженто был взят американцами.

Немецкая 15-я танковая гренадерская дивизия соединилась с другими немецкими формированиями на востоке острова. Поэтому 18 июля Паттону было приказано направить свои войска на север через Петралию по трассе 120, а затем отрезать дорогу, идущую по северному побережью. А затем он должен был очистить от противника западную часть острова. Перед II корпусом была поставлена задача двигаться на север, а I – должен был зачищать занятые территории.

Генерал Г. Александер дал приказания Паттону развивать движение на восток по прибрежной трассе. Ему было также приказано взять Палермо как можно быстрее, с тем чтобы создать главную базу снабжения для обеспечения

движения войск к северу от горы Этна. 21 июля временный корпус 7-й армии США преодолел сопротивление нескольких частей противника, обеспечивавших вывод итальянских войск. При этом Паттон потерял 300 человек убитыми и ранеными.

22 июля временный корпус вступил в Палермо, а на следующий день 45-я дивизия перерезала дорогу, идущую вдоль северного побережья.

За последнюю неделю июля генерал Монтгомери собрал свои части с тем, чтобы возобновить наступление 1 августа. Его непосредственной целью был Адрано, взятие которого раскололо бы немецкие войска по обеим сторонам горы Этна. В течение недели канадцы и 231-я бригада продолжали свое наступление на восток из Леонфорте и 29 июля взяли Агиру в 24 км к западу от Адрано. В ночь на 29 июля 78-я дивизия совместно с приданной ей 3-й канадской бригадой заняла Катенануову и предмостный плацдарм через реку Диттайно. В ночь на 1 августа эти части возобновили свои атаки на северо-запад в направлении Сентурине – изолированной скалистой вершины, бывшей главным южным аванпостом обороны Адрано. После тяжелых боев против немецкой дивизии «Герман Геринг» и 3-го парашютного полка на протяжении всего дня 2 августа город был очищен от защитников 3 августа. Взятие Сентурине стало для них критическим, поскольку нарастающая угроза для Адрано сделала позиции, прикрывающие Катанию, не приспособленными к обороне.

Генерал Паттон решил, что его части могут поддержать две наступающие на восток дивизии – 45-ю дивизию на прибрежной дороге и 1-ю дивизию на трассе 120. Для поддержания давления на противника он сменил 45-ю дивизию на свежую 3-ю дивизию и вызвал 9-ю пехотную дивизию из резерва в Северной Африке для замены 1-й дивизии.

Силы Оси переместились на вторую линию обороны, – линию Этны, проходившую от Сан-Фрателло на северном побережье через Троину и Адорно. 31 июля 1-я дивизия сов-

местно с приданными частями 9-й дивизии достигла Троины и начала бой за нее. Эту важную позицию удерживала немецкая 15-я танковая гренадерская дивизия. Остатки 28-й итальянской пехотной дивизии Аосте, состоявшие из четырех батальонов, были отведены к Тройне для помощи в ее обороне.

В течение шести суток немцы и итальянцы держали оборону и 24 раза переходили в крупные контратаки и многие локальные. 7 августа американский 18-й пехотный полк взял Маунт Пеллегринно, прикрывавшую оборонительные позиции Троины, что дало артиллерии союзников возможность их прямого обстрела. Левый фланг обороняющихся, ставший соседним для дивизии «Герман Геринг», был отброшен английским 30-м корпусом, и им было приказано отступить на оборонительные позиции на линию Торторици.

Частям 29-й немецкой танковой гренадерской дивизии и 26-й итальянской пехотной дивизии «Ассиетта» оказалось не просто пробиться на побережье Санта-Агата и Сан-Фрателло. Паттон послал в тыл обороняющихся небольшую часть амфибий, что привело к падению Санта-Агаты 8 августа после ее обороны на протяжении шести суток.

3 августа 13-й корпус союзников воспользовался дезорганизацией в рядах противника, вызванной угрозой для Адрано, и возобновил наступление на Катанию. 5 августа Адрано был взят частями 78-й дивизии, а на правом фланге 51-я дивизия взяла город Бьянкавилла в 3 км к юго-востоку от Адрано.

8 августа 78-я дивизия, наступая к северу от Адрано, заняла г. Бронте, а 9-я дивизия, наступая от Троины, заняла населенный пункт Чезаро. Обе дивизии соединились в Рандаццо на северо-западных склонах Этны. Рандаццо пал 13 августа, после чего 78-я дивизия была переведена в резерв.

Поскольку наступление союзников продолжалось, линия фронта сократилась. В этих условиях Монтгомери 10 августа решил вывести 13-й корпус и английскую 5-ю пехот-

ную дивизию из боев с тем, чтобы у них была возможность подготовиться к высадке на материковую Италию.

На северном побережье 3-я дивизия продолжала сталкиваться с ожесточенным сопротивлением противника и трудностями, вызванными сильными разрушениями полотна дороги. Две атаки частями амфибий и восстановительные работы инженерных частей позволили продолжить наступление.

Хотя генерал-фельдмаршал Кессельринг уже решил провести эвакуацию своих войск на материк, они продолжали свою тактику оттягивания ее, опираясь на благоприятные оборонительные возможности Мессинского полуострова.

В ночь на 16 августа авангардные части 3-й дивизии вошли в Мессину.

Командование немецко- и итальянско-фашистскими войсками к 27 июля осознало, что выход из операции по битве за Сицилию может быть в эвакуации их из Мессины. 29 июля Кессельринг доложил Гитлеру, что эвакуация может быть завершена за три дня. За 1–10 августа немцы переправили на материк более 12 тыс. человек, 4,5 тыс. транспортных средств и 5 тыс. т разного рода оборудования.

6 августа немецкий генерал Хубе предложил итальянскому командующему Гуццони перевести штаб 6-й армии в Калабрию. Гуццони отверг идею, но спросил, решил ли Хубе эвакуировать Сицилию. Но Хубе ответил отрицательно.

На следующий день Гуццони узнал о немецком плане эвакуации и доложил в Рим об этом изменении намерений. 7 августа Гуццони сообщил, что без немецкой поддержки любое сопротивление будет бесполезным.

9 августа Рим приказал, чтобы полномочия Гуццони были распространены на Калабрию и чтобы он перевел некоторые части для укрепления территории. 10 августа Гуццони информировал Хубе о том, что он будет ответственным за оборону Северо-Восточной Сицилии и что итальянские при-

брежные части и гарнизон Мессины будут под его командованием.

После этого Гуццони переправился на материк со штабом 6-й армии и штабом 16-го корпуса, оставив адмирала Бароне и адмирала Паренти для организации эвакуации дивизий Ливорно и Ассиетта и других частей и оборудования, которые могли быть спасены.

Немецкий план был тщательно разработан с четкими линиями командования, предусматривавшими строгую дисциплину выполнения. Полковник Бааде был немецким командантом Мессинского пролива и гарнизона крепости и всех ее частей, а также немецкого штаба морского транспорта. На материке генерал-майор Гейдрих, который оставался в Калабрии со штабом 1-й парашютной дивизии и 1-м парашютным полком, поскольку основная часть дивизии была направлена в качестве подкрепления на Сицилию, был назначен командиром 14-го танкового корпуса на материке с задачей приема эвакуирующихся частей, в то время как Хубе продолжал контролировать операции на острове.

Полный вывод немецко- и итало-фашистских войск с острова начался 11 августа и продолжался до 17 августа. В этот период Хубе приказал каждую ночь оставлять от 8 до 24 км побережья, сдерживая наступающие части союзников на расстоянии «вытянутой руки» с помощью мин, подрывных работ и других преград. Благодаря сужению линии фронта он смог осуществить эвакуацию частей.

Союзники пытались воспрепятствовать этому, осуществляя атаки бригад амфибий 7-й и 8-й армий 15 августа. Однако быстрота вывода немецко- и итало-фашистских частей была такова, что эти атаки оказались безрезультатными. Союзники оказались не в состоянии предотвратить эвакуацию и движение транспортов через Мессинский пролив. На его берегах было установлено 120 тяжелых и 112 легких зенитных орудий. Их огонь с обоих берегов пролива пилоты союзников называли «хуже, чем в Руре». Поэтому воздуш-

ные атаки в дневное время были совершенно безуспешными, а в ночное время не такими рискованными. Временами благодаря воздушным атакам движение через пролив останавливалось. Атаки с моря на транспорты с эвакуирующимися частями также не давали большого результата.

18 августа Верховное немецкое командование сообщило, что всего с острова было эвакуировано 60 тыс. войск, а по итальянским данным их число составило 75 тыс. По данным исследователя Б. Томблин, опубликованным в 2004 г., итальянцы эвакуировали 62 182 человека, 41 орудие и 227 транспортных средств, потеряв лишь два парома. Немцы эвакуировали 52 тыс. войск, включая 4444 раненых, 14 105 транспортных средств, 47 танков, 94 орудия, 1100 т амуниций и около 20700 т разного оборудования [7, р. 49–61].

В ходе операции «Хаски» 7-я армия США потеряла 8171 человека, в том числе 2237 убитыми и пропавшими без вести, 5946 – ранеными и 598 – пленными. Английская 8-я армия потеряла 11 843 человека, в том числе 2062 убитыми и пропавшими без вести, 7137 – ранеными и 2644 – пленными.

Флот США потерял 546 человек убитыми и пропавшими без вести, королевский флот – 314 человек убитыми и пропавшими без вести, 411 ранеными и 4 пленными.

ВВС США потеряли 28 убитыми, 88 пропавшими без вести и 41 раненого.

Канадские потери составили 2310 человек, в том числе 562 убитыми, 1664 ранеными и 84 взятыми в плен.

В 2007 г. исследователи Митхэм и Штауффенберг написали, что немецкие войска в ходе операции «Хаски» потеряли около 20 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными.

В работе Мессершмидта и др. «Вторая мировая война», опубликованной также в 2007 г., указывается, что немецкие войска потеряли 4225 человек убитыми, 4583 – пропавшими без вести, 5532 – пленными и 13 500 – ранеными, или всего 27 940.

По данным Исторического отдела итальянской армии, итальянские войска потеряли 4678 человек убитыми, 36 072 пропавшими без вести, 32 500 – ранеными и 116 681 – пленными. Значительная часть пропавших без вести солдат и офицеров была убита и похоронена на поле боя либо в неизвестных местах, в то время как другая часть, состоявшая из рекрутированных на месте солдат, дезертировала и разбежалась по своим домам.

В 2007 г. Митхэм и Штауффенберг оценили общие итальянские потери в 147 тыс. человек.

Более раннее канадское исследование оценило общее число немцев и итальянцев, взятых в плен на Сицилии, в 100 тыс. человек.

Сопоставляя потери союзников и стран Оси в последние два года войны, отечественный историк Б.В. Соколов в своей работе «Тайны второй мировой» (М., 2000), в частности, пишет: «...в войне против западных союзников, по нашим оценкам, Германия теряла больше противника. Даже по погибшим соотношение в целом оказывается 1,6:1 в пользу союзников, не говоря уже о превосходстве их по числу пленных в десятки раз. Лишь в Италии соотношение потерь было равным, что можно объяснить условиями театра, благоприятным для обороны, и военным искусством немецкого командующего на этом театре фельдмаршала А. Кессельринга» [5, с. 255]⁴.

⁴ В марте 1945 г. А. Кессельринг был назначен главнокомандующим немецко-фашистскими войсками на Западном фронте. 8 мая 1945 г. он был взят в плен союзниками. В 1947 г. английский военный трибунал в Венеции приговорил его к смертной казни по обвинению в расстреле 335 заложников-итальянцев – мирных жителей в Адриатических рвах близ Рима.

Однако под давлением англо-американских друзей Кессельринга смертный приговор был заменен пожизненным заключением. В 1952 г. Кессельринг был освобожден из тюрьмы по состоянию здоровья. После освобождения продолжал вынашивать реваншистские планы. В 1960 г. умер от сердечного приступа в возрасте 74 лет.

Продвигаясь по Сицилии, союзные войска сразу смещали назначенных фашистами мэров городов. Вместо них американцы ставили на эти посты новых людей, порой лишь на основе рекомендаций своих военных переводчиков сицилийского происхождения.

После освобождения острова от немецко-итальянских войск союзники столкнулись с ситуацией, когда все сицилийские кланы мафии были фактически разгромлены. Но ее отделения во многих городах Сицилии стали быстро возрождаться.

17 августа 1943 г. британский генерал Г. Александер телеграфировал Черчиллю о том, что Сицилия находится полностью в руках союзников. В течение следующих шести месяцев остров оставался под управлением Военного правительства союзников на оккупированной территории – ВПСОТ.

В поисках антифашистских знатных деятелей для замены фашистских властей ВПСОТ назначило, например, Дона Калогера Виццини мэром Виллалбы и почетным полковником армии США. Благодаря этим исключительным связям Виццини стал также «королем» безграничного послевоенного черного рынка.

ВПСОТ полагалось на мафиози, рассматривая их в качестве верных антифашистов, подвергавшихся репрессиям при Муссолини. Много других мафиози, таких, например, как Джузеппе Дженко Руссо, были назначены мэрами их родных городов. Усилия ВПСОТ направлял бывший вице-губернатор Нью-Йорка полковник Чарльз Полетти, которого известный американский гангстер Лючано однажды охарактеризовал как «одного из наших добрых друзей». Американские военные предоставили Мишелю Наварре – боссу мафии г. Корлеоне разрешение на сбор брошенных транспортных средств, оставленных итальянской армией в ходе вторжения союзников на Сицилию.

Таким образом, война и последовавшая за ней оккупация союзниками Сицилии оказались для мафии реальным

спасением. В период режима ВПСОТ мафия попыталась определять политический спектр жизни острова.

Итак, «Операция Хаски», продолжавшаяся 38 дней с начала первых десантных операций из портов Северной Африки, завершилась успехом для союзников. Они перешли к разработке планов высадки союзных войск на материковую Италию.

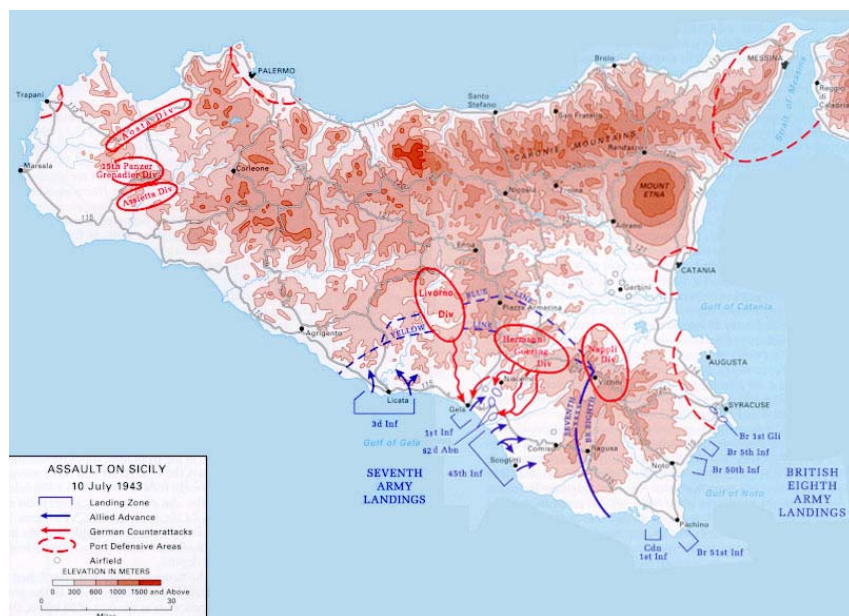
Военные историки различных стран по-разному оценивают результаты «Операции Хаски». Одни считают, что на Сицилии союзниками был открыт второй фронт борьбы в Европе против стран Оси после разгрома их войск в Северной Африке.

Другие считают, что такого фронта не было, поскольку на противодействие войскам союзников на Сицилии было отвлечено лишь до 7 % немецко-фашистских и итальянско-фашистских сухопутных сил, флота и авиации [2, с. 345].

Но в любом случае в истории Второй мировой войны «операция Хаски» останется как крупнейшая десантная операция союзников, завершившаяся успехом.

Л и т е р а т у р а

1. Африка во Второй мировой войне. – М., 2005.
2. Вторая мировая война. Краткая история. – М., 1984.
3. Дикки Д. Cosa Nostra. История сицилийской мафии. – М., 2004.
4. Италия. Путеводитель «Вокруг света». – М., 2012.
5. Соколов Б.В. Тайны второй мировой. – М., 2000.
6. Molony I.C. others. The Mediterranean and Middle East: The campaign in Sicily 1943 and the Campaign in Italy 3 September 1943 to 31 March 1944. History of the Second World War 2004, Uckfield, UK.
7. Tomblin B. With Utmost Spirit. Allied Naval Operation in the Mediterranean, 1942–1945, 2004, University Press of Kentucky, Mitcham S.W. Rommel's Desert Commanders: The Men who served the Desert Fox, North Africa, 1941–1942. 2007 Green wood Publishing Group, 2007.

Карта высадки союзных войск на Сицилии 10 июля 1943 г.

Взрыв американского транспорта «Роберт Роуэн» с боеприпасами после попадания в него трех 500-килограммовых бомб немецких бомбардировщиков у сицилийского порта Джела 11 июля 1943 г.

**А. Кессельринг (справа) и Э. Роммель (слева)
в Северной Африке**

Войска 51-й английской пехотной дивизии производят высадку оборудования с грузового транспорта на Сицилию 10 июля 1942 г.

Войска 1-й Канадской дивизии вступают в сицилийский город Модика

**Танк 8-й английской армии в деревне Мило близ г. Катания
в августе 1943 г.**

**Английские войска идут в атаку по одной из разрушенных улиц
г. Катания, 5 августа 1943 г.**

А.Н. Мосейко,
Е.В. Харитонова

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ АФРИКЕ: КУЛЬТУРНЫЕ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ КОДЫ? (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Цивилизации уникальны и у цивилизаций есть свой цивилизационный код. Этот тезис в последнее время стал весьма привлекательным и одновременно чрезвычайно дискуссионным. Код определяют как «сжатую информацию, которая предопределяет специфический вид цивилизации» (см., например, [1]).

Цивилизационный код можно понимать как ядро, сгусток информации, определяющей различные формы самосознания и жизнеустройства.

Термин «идентичность» стал употребляться в научной литературе и публицистике примерно с 60-х гг. XX в. Широкое распространение он получил в период борьбы за независимость и после ее обретения в бывших колониях, а также в США – в период борьбы афроамериканцев против расизма, за свои права. Известный немецко-американский психолог Эрик Эриксон, один из ведущих исследователей проблем идентичности, анализируя обстановку в США в сравнении с движениями за независимость во всем мире, писал, что «концепт или по крайней мере термин “идентичность” не только заполнил литературу по негритянской революции в этой стране, но также стал представлять в Индии (и других странах) нечто в психологическом ядре этой революции

цветных рас и наций, которые ищут внутреннего и внешнего освобождения от колониального порядка и пережитков колониальных паттернов мышления» [2, с. 227].

В эпоху глобализации актуальность проблемы идентичности приобрела мировой масштаб. Американский футуролог Э. Тоффлер писал: «Миллионы индивидов напряженно ищут собственную идентичность или некоторую магическую терапию, облегчающую воссоединение их личности, чтобы победить хаос, внутреннюю энтропию, сформировать собственный порядок» [3, с. 366].

Очень важна проблема идентичности в Африке. Какой бы вопрос мы ни затронули, в его сути мы обнаружим следы, отзвуки глубочайшего кризиса идентичности – индивидуального (персонального) и группового во всех его формах (культурно-религиозных, этнических, морально-этических и др.). Этот глубочайший кризис, начавшийся в эпоху европейского вторжения, в каждый исторический период усугубляется и втягивает в свой водоворот все новые поколения африканцев. Кризис идентичности (как индивидуальный, так и коллективный) можно определить как крушение привычной картины мира, логику устоев жизни, девальвацию ценностей, разрушение норм и стереотипов поведения, подрыв доверия к собственной культуре.

В понятийный аппарат отечественной африканистики «идентичность» входит примерно с начала XXI в. в виде частных аспектов идентичности: «этническая идентичность», «национальная идентичность», «культурная идентичность». Однако идентичность как самостоятельная проблема до сих пор не рассматривалась. В то же время исследование в данном ракурсе кажется нам своевременным и актуальным.

Ракурс исследования духовной жизни в Африке, предлагаемый нами, является новым и непривычным для отечественной африканистики, впрочем, он недостаточно распространен и в других областях гуманитарного знания. Не случайно авторы исследования «Цивилизационная идентичность

в переходную эпоху» отмечают: «Видимо, мы недооцениваем значимость этой проблемы, и, может быть, это происходит потому, что в нашей науке традиция исследования этого феномена отсутствует. Объяснение этого нового направления исследований, как и нового явления жизни, связано с переживаемой переходной эпохой. Хотя такой эпохой является весь XX век, следует все же констатировать: идентичность как проблема в наше сознание входит лишь на рубеже XX–XXI вв.» [4, с. 110–111].

Некоторые методологические подходы к проблеме идентичности

Несмотря на распространенность термина «идентичность», стоящее за ним понятие, как правило, не имеет достаточно четкого определения. Не случайно Э. Эриксон писал, что проблема идентичности «столь всеобъемлюща и все же столь трудноуловима» [5, с. 31].

Наиболее ранним и широко распространенным было использование понятия «идентичность» в психологии, где оно вписывалось в «Я-концепцию». Именно психологам принадлежат многочисленные определения идентичности, прежде всего индивидуальной (персональной).

Одним из удачных, на наш взгляд, является определение Э. Эриксона: «Субъективное вдохновенное ощущение тождества и целостности, которое я бы назвал ощущением идентичности...» [5, с. 28].

В то же время, и это неоднократно подчеркивал Эриксон, ощущение, осознание собственной целостности невозможно без соотнесения *себя с другим* – другими людьми, коллективом, обществом. Это тем более важно, что в ряде коллективистских культур определение индивида невозможно без его соотнесения с коллективом. Так, практически во всех африканских культурах индивид скажет: *Я* есть потому, что *мы* есть. Согласно философии бантуязычных народов – *убунту* – человек одинокий, изолированный от других не

может состояться как личность со своей идентичностью, личностью он становится только в единении с другими, через общество [6, с. 68].

Теоретическое осмысление коллективной (социальной) идентичности дано в трудах Г. Теджфела как части «Я-концепции» («образа – Я»), основанной на осознании индивидом своего членства в различных социальных группах, вместе с принятием ценностей, норм, установок, представлений и убеждений, свойственных данным группам [7]. Таких групп может быть много (половозрастные, профессиональные, этнические, субкультурные, религиозные, общественно-политические и т.д.); возникает и много идентичностей, иерархия которых ситуативна, т.е. в разных ситуациях на первый план выходит та или иная групповая идентичность, наиболее значимая в данный момент для индивида.

Таким образом, в индивидуальной идентичности можно выделить два взаимосвязанных и взаимодействующих аспекта. Во-первых, это субъективное, личное осознание и переживание своих тождества (подлинности) и целостности (гармонии). При этом к подлинности индивид приходит, достигая гармонии между своей самостью, то есть природной, естественной индивидуальностью и обретенными коллективными принципами, ценностями, ориентациями, одухотворяющими его жизнь и придающими ей высокий смысл [8; 9]. Во-вторых, это осознанное самоопределение индивида по отношению к *Другому* (личности, коллективу), ценности и нормы которого он усваивает.

Итак, идентичность индивид обретает в процессе коллективной идентификации. Понятие «идентификация» («самоидентификация») означает процесс обретения идентичности [7]. При этом идентификация – процесс достаточно сложный, включающий в себя выбор, иногда трудный, чему предшествует «социальная категоризация», упорядочивание социального окружения, сравнение различных категорий, а также «самокатегоризация», когда личность категоризирует

себя в пределах определенного континуума ближе то к одному, то к другому полюсу [10, с. 184].

Процесс самоидентификации является пожизненным, поскольку личность постоянно развивается, накапливается жизненный опыт, раздвигаются рамки жизненного мира, расширяется и углубляется картина мира. В процессе идентификации «социальная категоризация» также усложняется, индивид включается во все новые групповые связи. Идентичность с каждым из новых сообществ предполагает приобщение к новым ценностям, нормам и стереотипам поведения, новым ориентациям. Иногда между этими групповыми идентичностями может возникать конфликт, несовпадение или противоречивость ценностей и ориентаций. В этом случае индивиду предстоит выбор на основе самокатегоризации. Важную роль в данном случае играет ситуация, которая выдвигает на первый план ту или иную идентичность. Так, на первый план в ситуации межэтнических конфликтов может выйти этническая идентичность, при этом индивид может временно отодвигать, игнорировать другие групповые установки и интересы. В трудных жизненных обстоятельствах индивид находит точку опоры в религиозной идентичности как одной из центральных трансцендентальных идентичностей.

Очень большую роль в процессе идентификации индивида играет культурная среда с ее исторически сложившимися особенностями. Американский психолог японского происхождения Дэвид Мацумото определяет «Я-концепцию» (понятие «Я» – индивидуальную идентичность) как одно из фундаментальных понятий в социальных науках, как представление о себе, являющееся неотъемлемой и важной частью нашей жизни. По его словам, «...наше ощущение “я” находится в сердцевине нашего бытия, бессознательно и автоматически влияя на каждую нашу мысль, действие и чувство», направляя «...мысли и действия в различных социальных ситуациях» [11, с. 55]. При этом люди развиваются и

действуют внутри определенной культурной среды, которая формирует и обуславливает их ощущения «я» (идентичность).

Известный антрополог Клиффорд Гирц пишет, что «...индивидуальность мы обретаем, руководствуясь паттернами культуры, исторически сложившимися системами значений, с точки зрения которых мы придаем форму, порядок, смысл и направление нашей жизни. Задействованные при этом паттерны культуры имеют не общий, а специфический характер...» [12, с. 135]. Последнее означает, что различные культуры продуцируют у своих представителей различные идентичности и различным образом воздействуют на поведение индивидов.

Очень важным, на наш взгляд, является уточнение понимания коллективной идентичности. Как уже говорилось выше, в психологии коллективная идентичность выводится из «Я-концепции» и связана с индивидом. В этом случае говорится об этнической, культурной, цивилизационной идентичности индивида как субъекта. В то же время в последние десятилетия в социально-гуманитарном научном дискурсе и в публицистике стали дебатироваться темы об идентичности культуры, государства, цивилизации. Такое понимание коллективной идентичности вызвало ряд возражений. Так, отечественный философ В.С. Малахов в статье «Неудобства с идентичностью» [13] достаточно категорично заявил, что коллективная идентичность относится только к индивиду и представляет собой его «социальное Я» и поэтому не может рассматриваться как самостоятельный феномен, ибо не имеет субъектности. Однако в современной философии коллективный субъект является предметом анализа как субъект исторический, политический и т.д. Коллективный субъект понимается, во-первых, как носитель определенных норм деятельности, познания и коллективного сознания, «коллективных представлений» и, во-вторых, как система взаимо-

отношений входящих в него индивидов [14, с. 659–660; 15, с. 660–661; 16, с. 661].

В ряду центральных коллективных идентичностей, таких как культура, государство, нация, стоит цивилизационная идентичность как совокупность высших человеческих ценностей, жизненных целей и установок не только для индивидов, но и групп, сообществ, культур.

Проблематика цивилизационной идентичности возникает, очевидно, в конце XX в. в условиях роста глобальных угроз, таких как угроза существованию самобытности национальных культур, а отсюда и бытия человека как субъекта историко-культурного развития. Растущей гомогенности мира теория идентичности противопоставляет идеи сохранения тождественности, подлинности и целостности индивида и культуры, сохранения самобытности, особенности, различия, дифференциации, ибо «...так уж получается, – пишет Э. Эриксон, – что мы начинаем теоретически осмысливать вопросы идентичности именно в тот период истории, когда они становятся реальной проблемой» [17, с. 396].

Именно такой реальной проблемой стала проблема цивилизационной идентичности к концу XX в. и особенно в век двадцать первый. В появившихся в это время работах С. Хантингтона говорится, что наибольшее значение в современную эпоху приобрела идентичность, конструируемая на основе цивилизации [18]. И это естественно, поскольку в эпоху нарастания глобальных угроз, которые фокусируются в главной – угрозе выживания человечества – перед людьми всех стран и континентов со всей остротой встают основные экзистенциальные вопросы: «Кто мы?», «Откуда мы?», «Куда мы идем?», «С кем мы?» «Что делать?».

И именно цивилизационная идентичность ставит высшие основные вопросы в формах, специфичных и актуальных для каждой культуры и цивилизации в конкретных условиях ее существования.

Важно отметить, что цивилизационная идентичность может формироваться как на основе образа реально существующего культурно-исторического макросообщества, так и на основе образа-идеала желаемого великого сообщества.

В эпоху глобализации, как отмечает Хантингтон, «возникает мировой порядок, основанный на цивилизациях: общества, имеющие культурные сходства, сотрудничают друг с другом; ...страны группируются вокруг ведущих или стержневых стран своих цивилизаций» [18, с. 15].

Многочисленные и многообразные идейные искания в Африке (начиная с конца XIX в. и до наших дней), осуществляющиеся в разных регионах, разными поколениями общественных деятелей, квалифицировались и как национализм разного толка, и как афроцентризм, и как этнофилософия, и как синдром «мы тоже». Однако, если посмотреть на них с позиций теории идентичности, мы увидим, что это мучительные более чем вековые поиски собственной идентичности и часто идентичности цивилизационной.

Цивилизационную идентичность С. Хантингтон понимает как «самый широкий уровень культурной идентификации». «Она определяется, – пишет С. Хантингтон, – как общими объективными элементами, такими, как язык, история, религия, обычаи, социальные институты, так и субъективной самоидентификацией людей. Есть несколько уровней идентификации людей... Цивилизация – это самые большие “мы”, внутри которых каждый чувствует себя в культурном плане как дома и отличает себя от всех остальных “них”» [18, с. 51].

Соглашаясь с пониманием цивилизационной идентичности С. Хантингтона, мы считаем необходимым его уточнить и предложить свое понимание этого явления.

Мы понимаем цивилизационную идентичность (понятие, актуальное для любого общества), во-первых, как сохранение, защиту и развитие обществом, и прежде всего его государственными, культурно-просветительными и образо-

вательными институтами основных ценностей, жизненных смыслов, традиций, идеалов, принципов; как определение на этой основе главных стратегических целей, направлений, задач развития общества. Во-вторых, как самоопределение индивида по отношению к цивилизации, его цивилизационный выбор, ответ на вопрос, с кем он, на что ориентируется?

Как мы видим, цивилизационная идентичность представляет собой фокус множества самых актуальных проблем и вопросов, возникающих у людей: от самых глобальных до повседневных.

Существенно отметить, что образ желаемого (будущего) великого сообщества (цивилизации) в процессе идентификации распадается на ряд цивилизационных подобразов. Это, например, представление о человеке этого идеального сообщества и о том, соответствует ли ему конкретный индивид. Главным в этой совокупности цивилизационных образов является образ (проект) будущего сообщества и путей его реализации.

Цивилизационная идентичность имеет сильную эмоциональную составляющую, способствует возвышению своего «я», внушает уверенность, надежду, придает жизни высокий смысл. Этот образ способен объединить людей, сплотить их под знаменем общей цели.

Трудный и долгий процесс цивилизационной идентификации включает в себя различные формы самоопределения, обретения идентичностей, которые, образно говоря, представляют ответы на сакраментальные смысловые вопросы. Как писал Э. Эриксон, обретенная идентичность проявляется в осознанной деятельности, когда человек «знает, куда он идет и кто идет с ним» [5, с. 313–314].

Весь этот процесс в совокупности является, по существу, процессом формирования цивилизационного сознания. Цивилизационные образы, как основа цивилизационного сознания, могут формироваться «от противного» по классической дихотомии «мы – они».

Так, если позитивная цивилизационная идентификация Запада формировалась на основе отталкивания от негативного образа Востока и, позже, Африки, то африканская позитивная цивилизационная идентификация осуществляется, напротив, отталкиваясь от негативного образа Запада, фактически путем зеркальной смены оценочных полюсов. В образах африканского цивилизационного сознания раньше всего оформилась протестная составляющая, направленная против колониализма, расизма, угнетения, дискриминации, унижения достоинства.

Современная Африка сегодня привлекает внимание во всем мире. Как пишет в Предисловии к книге «*Rac Africana. Континент и диаспора в поисках себя*» А.Б. Давидсон: «Мы видим, что события там сменяют друг друга так быстро, что и не уследишь. И какие события... Геноцид в Руанде – погиб почти миллион. Война в Конго – ее в Африке называют Третьей мировой войной: три-четыре миллиона убитых... А эмиграция из Африки? Миллионы и миллионы африканцев – в Европе... и вместе с тем – достижения Африки, возрастание ее роли в мировой политике, а у некоторых государств – успехи в экономике» [19, с. 4]. События в современной Африке вызывают множество вопросов, но есть среди них главные, наиболее существенные. Прежде всего, это вопрос о том, как все эти бесконечные волны событий – разрушительные войны и конфликты, противостояния этнические и конфессиональные, жестокие болезни и не менее жестокий вирус терроризма, сотрясающие Африку, а еще коррупция, нищета и безработица, – как все это воспринимает рядовой африканец, в каком состоянии находится индивидуальная идентичность?

Второй важнейший вопрос – это вопрос о том, чего хотят африканцы, каковы их коллективные устремления? Что думают они о своем африканском будущем в условиях множества этносов, культур, конфессий, государств? И наконец, какие варианты выбора, ориентации просматриваются в со-

временном массовом сознании? Ответы на эти вопросы могут стать предметом обширного исследования. Наша задача более скромная, мы попытаемся лишь подойти к этим вопросам и наметить контуры ответов на них.

Сразу же заметим, что поставленные вопросы не только взаимосвязаны, но ответы на них, собственно, и представляют собой анализ развития цивилизационной идентичности.

Формирование цивилизационной идентичности в Африке и проблемы индивидуальной идентичности

Если попробовать окинуть общим взглядом богатейшую панораму африканских общественных настроений и воззрений – как народно-массовых ее форм, так и элитарных – мы увидим, что красной нитью через все эти воззрения проходит мысль о роли человека, индивида. В ранних мифо-религиозных и мифопоэтических формах человек выступает как создатель жизненного фонда, реализующий его в коллективных, семейно-родовых отношениях, как культурный герой, организующий космический порядок и среду обитания коллектива. В более поздних социальных представлениях человек выступает как субъект общественных отношений народа, страны, а еще позже – в период противостояния иноземным вторжениям – как носитель «африканства», что воплотилось в многозначном лозунге «Африка для африканцев».

Жизнь человека традиционного африканского мира как центра этого мира организуют и регламентируют национальные культуры посредством норм, установок, запретов – нравственно-этических и обычно-правовых. В условиях современного развития африканских стран традиционный мир с его культурой подвергся грандиозной деформации, и особенно серьезные удары обрушились на человека, на его индивидуальную идентичность.

В связи с этим снова обратимся к проблеме индивидуальной идентичности именно в африканском контексте.

В африканской ситуации годы европейского вторжения принесли с собой различные формы агрессивного воздействия на африканские культуры и на личность африканца. Произошла встреча стадильно и типологически разных культур, причем трудность этой встречи усугублялась негативно-презрительным отношением европейцев к африканским культурам, созданием оскорбительного образа африканца и его культуры, для которого характерно было употребление определений с префиксом «недо-» – «недокультура», «недоцивилизация» и т.д., вплоть до выражения «недо-человек». В процессе колонизации Африки негативное отношение к традиционным культурам подкреплялось практическими действиями по разрушению традиционных культур и жизненного уклада, по внедрению современных форм хозяйствования и торговли для получения максимальной прибыли. Произошло столкновение двух социальных массивов, двух миров – традиционного и современного, результатом чего стало глубокое разрушение всей системы социокультурных связей, механизмов регулирования и ориентаций традиционного мира (см. подробнее, например, [20]). В этом социальном хаосе больше всего пострадал индивид, идентичность которого оказалась в состоянии кризиса. Индивид испытал воздействие иных ценностей, норм, социальных регуляторов и мотиваций поведения, его собственные нормативы и ценности были дискредитированы.

В чем же ключевое различие западной и африканских культур, столкнувшихся на африканской земле, и как они влияют на идентичность индивида? Каковы специфические черты культур Африки?

В современной социальной психологии различаются культуры индивидуалистические, к которым, несомненно, относятся современные западные (европо-американские) культуры и культуры коллективистские, к которым относятся, в том числе, и африканские культуры [21]. Различные по типу культуры, воздействуя на когнитивные, эмоциональные

и мотивационные процессы, определяют и различия в идентичности. В индивидуалистических культурах развивается «независимый конструктор “Я”», т.е. индивидуалистическая идентичность, которая характеризуется сосредоточенностью на личных чертах, целях, предпочтениях, на обособленности от других, на стремлении к личным успехам и достижениям [11, с. 57–59].

В коллективистских культурах, как правило, развивается «взаимозависимый конструктор “Я”». В этих культурах ощущение себя, своего «я» основано на принципе фундаментальной взаимозависимости «я» с другими людьми. В этом случае мотивация социального поведения индивида определяется ожиданиями окружающих, обязательствами перед другими или чувством долга перед значимой («референтной») группой, к которой человек принадлежит. Африканский мир, по словам философа из Ганы К. Догбе, управляется «мы – законом», «мы – логикой» [22, с. 781–799]. Философ из Южной Африки (ЮАР) Джеймс Кигонго считает важнейшими в африканских культурах этические (нравственные) ориентации, передающиеся из поколения в поколение, но постоянно развивающиеся адекватно развитию африканского сообщества [23]. основополагающим элементом этических ориентаций, особенно значимым для возрождения и обновления Африки, является «чувство общности», которое мотивирует и детерминирует все аспекты жизни традиционного общества – экономику, политику, социальную жизнь. Это «чувство общности», при наличии этнического разнообразия культур, встречается во всех культурах Африки, является их основой и сутью «африканства» в них (см. об этом подробнее [24]).

Американский исследователь П. Райзмен пишет об африканской культуре как способе представлять и выражать человеческую взаимосвязанность. В то же время индивиды постоянно меняются, развиваются, они открывают и выясняют, кем они являются [25].

Иногда можно встретить мнение, что индивид в Африке растворен в коллективе и не существует как самостоятельная личность. Это совершенно не верно. Коллектив для индивида – не сковывающие его путы, а опора, защита, поле теплоты, внимания и взаимопомощи. Коллектив – это также и контроль, способный уберечь человека, сбившегося с пути, помочь ему.

Устная африканская традиция сохранила знание и память о множестве ярких индивидуальностей. Это и герои борьбы с иноземцами, такие как южноафриканский вождь зулу – Чака Зулу, руководитель восстания Маджи-Маджи Кинджикитиле и др. Но еще интереснее устные народные предания о личностях, запомнившихся своими духовными исканиями и подвигами. Таков, например, герой притчи народа *бету* (Южный Камерун) Абобо – простой крестьянин, но «мудрый, как паук», который поставил вопрос о природе зла и ответил на него, сделав вывод, что бог Замба – причина всего, и добра, и зла.

Абобо дерзко обвиняет бога в людских несчастьях, считая его причиной зла на земле. В этом обвинении житель традиционного мира – народный философ – ищет метафизические корни зла, переходя с уровня феноменологии зла на уровень онтологии зла [26, с. 181–184].

Очень интересно представленное В.А. Бейлисом эпическое сказание народа *сонинке* (Мали) о Гассире – сыне вождя города-государства Уагаду, который получил предсказание о том, что он создаст необыкновенное произведение для народа – бессмертную эпическую песнь «дози», но за это должен заплатить своими властными и военными притязаниями. Текст эпоса очень выразителен, в нем видно отношение народа к поэту и его творчеству: «Лютня... должна слиться с тобой и твоим народом. Она должна жить не только с тобой, но и с твоими сынами. Тогда пение, исходящее из твоего сердца, отзовется в ушах твоего сына и не умрет в твоём народе. И кровь жизни твоего сына, истекая из его сердца,

будет жить в этом куске дерева. Только тогда зазвучит твоя лютня».

Эпос о Гассире трагичен. Для того чтобы создать «до-зи», он жертвует всем: властью, славой, городом, сыновьями. Отверженный, изгнанный в пустыню, но одержимый творчеством, он заставляет звучать лютню и создает свою бессмертную песнь. Несмотря на то что Гассире не уберег город-государство Уагаду, свою семью, он почитается народом как культурный герой, ибо из разрушения и трагедии он вынес способность творить и создал для своего народа искусство бардов, стал основателем новой касты музыкантов, знатоков истории и генеалогии, которых стали называть его именем «гесире» [27, с. 183–185]. Традиция бардов *сонинке* до сих пор жива. В Бомако «гесире» выступают по радио, занимают руководящие посты в Ассоциации художников и артистов Мали и пользуются большим уважением.

Общие для всех народов Африки идеи единения, солидарности, общей судьбы, определяющие идентичность индивида, находят свое продолжение и воплощение в социальной сфере, прежде всего, в борьбе с иноземными захватчиками, очаги которой первоначально в стихийной форме возникали в различных районах Африки. Ранние формы антиколониальных движений часто основывались на идеях и лозунгах, возникших на базе массового традиционного мировоззрения. Именно поэтому движения этого типа часто выступали в мистической, мифорелигиозной форме.

Вождь движения «Маджи-Маджи» Кинджикителе говорил: «Все мы – *погоро, матумби, лугуру, зарамо* (юг Танзании. – *А.М., Е.Х.*) – один народ. Мы не должны больше воевать друг против друга, мы должны объединиться... Колсо (божество. – *А.М., Е.Х.*) поручил мне вести вас к свободе, при условии, что мы сплотимся...».

«Объединяющая идеология», или идея единства, хоть и облаченная в мистическую форму, во многом предопределила массовость, организованность и упорный характер не

только восстания “Маджи–Маджи”, но и ряда других антиколониальных движения в Африке [28, с. 180–186].

С идеями объединения выступали в XIX в. в Южной Африке Макана (представитель народа *косу*), объявивший себя пророком, присланным высшим существом, чтобы изгнать белых, Мшешве – правитель народа *басуто*, который обращался к вождям других народов с призывом объединения всех южноафриканских народов *банту* в общей борьбе, и другие [29, с. 67–70].

Так зарождались идеи народного единения, общей судьбы, общеафриканской идентичности. Сначала речь шла о единении в рамках группы этносов, в рамках государства или региона.

Постепенно меняется массовое сознание африканцев, в нем формируются настроения протеста и ненависти к белым колонизаторам, их религии, образу жизни. Антиколониальный протест формируется сначала на уровне чувств, массовой психологии, на уровне традиционного мифо-религиозного мировосприятия. Этот протест сначала неустойчив в своих ориентациях и формах, его стихийный характер подвержен влияниям и манипуляциям. Однако постепенно зреет осознание своего положения и выявление главного в этих протестных настроениях. Оскорбительность отношения белых колонизаторов, зреющие чувства униженности порождают еще неясные до конца настроения расовой общности различных этнических групп Африки и расовой чуждости колонизаторов.

Самым существенным было то, что в разных регионах Африки в разных формах стихийно возникла массовая коллективная идентичность, способная сплотить полиэтническую, поликонфессиональную и разноязыкую массу людей. В основе этой коллективной идентичности лежали две мощные идеи: идея эмоционально окрашенного неприятия колониализма, белого расизма, воспринимаемых как абсолютное зло, и идея единении в борьбе с этим абсолютным злом.

Идеи единения, общей судьбы, общеафриканской идентичности, родившиеся в массах и «носившиеся в воздухе» повсеместно, были отрефлексированы и оформлены представителями африканской образованной элиты. Эти первые «идеологи» уже пользовались европейскими знаниями и идеями, европейским категориальным аппаратом.

Образованная элита в ее ранних вариантах стала формироваться в XIX в. в первую очередь в зонах наиболее интенсивных культурных контактов и влияний, прежде всего, контактов с европейской культурой. В субсахарской Африке такими зонами были Британская Западная Африка, Южная Африка. Огромное влияние на формирование общественной мысли в Африке оказали идейные поиски и общественные движения в африканских диаспорах.

Следует отметить, что условия формирования африканской элиты были различными в разных регионах Африки, по-разному складывались и личные биографии первых мыслителей. Все это наложило отпечаток на идентичность ранних африканских идеологов, их образы мира и цивилизационную идентификацию.

Огромный интерес для последующего формирования общественной мысли и цивилизационного самосознания представляет творчество двух характерных личностей, сформировавшиеся в Британской Западной Африке во второй половине XIX в. – Дж. Хортона и Э. Блайдена. В идейных позициях этих двух мыслителей уже тогда наметились противоречия, развившиеся в последующей истории общественной мысли в Африке. Во многом эти противоречия были обусловлены различиями их индивидуальностей, проявившихся в их личных биографиях.

Дж. Хортон (1835–1883) был блестяще образованным человеком, врачом высокой квалификации с большим опытом работы. Помимо медицины он изучал антропологию, психологию, историю Африки, ее культуру. В начале своей деятельности Дж. Хортон обладал европейской идентично-

стью, ощущая себя «чернокожим англичанином». Ему доводилось испытывать расовую дискриминацию, но он был, прежде всего, ученым, глубоким гуманистом, его ценностями были – следование истине и справедливость.

Э. Блайден (1832–1912) – политик, дипломат, ученый – был столь же блестяще образован. Будучи оторван, как и другие выходцы из среды реэмигрантов, от реальной жизни традиционной Африки, он пытался ее изучить, понять ценности и традиции африканской культуры, которую он оценивал очень высоко. Посещая европейские страны даже с официальными визитами как министр иностранных дел Либерии, он неоднократно сталкивался с унижительной расовой дискриминацией, от которой глубоко страдал.

Э. Блайден на начальном этапе своей деятельности не верил в творческие возможности коренного населения. Оно было для него чуждым и враждебным, но постепенно это отношение изменилось. Он понял, что только в единении народа – коренного населения и реэмигрантов – залог успеха. Позже Блайден стал выступать уже от лица всей Африки, даже всех народов негроидной расы.

И Хортон, и Блайден, безусловно, испытывали характерный для всех образованных африканцев кризис идентичности, но по-разному переживали его на разных этапах своей жизни.

Первое фундаментальное противоречие во взглядах этих двух ученых проявилось в отношении к такой первоочередной для всех африканцев проблеме, как расовая. Дж. Хортон вступил в острую полемику с социальными антропологами, которые во второй половине XIX в. выдвигали теории о неравенстве человеческих рас, и в частности о «неполноценности» негроидной расы.

В этой полемике Дж. Хортон занял позицию объективного ученого. Используя антропологические данные, а также глубокое знание человеческой природы – как физической, так и психической (независимой от цвета кожи и разреза глаз),

Хортон опроверг расистские концепции антропологов о неравенстве рас и «неполноценности» негроидной расы. На основе своих исследований он доказал их ненаучность и противоречивость фактам и заявил о недопустимости расизма. Взгляды его были изложены в книге «В защиту африканской расы». Хортон писал: «Я настаиваю на том, что африканской или негритянской расе присущи общечеловеческие качества; что нет принципиальных различий между африканцем и его более цивилизованным собратом; что его моральные и умственные качества от природы такие же или почти такие же, как у европейца. Неоспорим логический вывод, что различия возникли целиком под влиянием внешней среды» [30, с. 63–64].

Иную позицию по этому вопросу занял Э. Блайден. Он пришел к заключению, что расы равны, но каждая обладает своим характером и осуществляет особую задачу. Так, «африканцы – раса богоискателей и проповедников. Европейцы – раса строителей империй и завоевателей». У европейцев, считал Э. Блайден, огромные успехи в материальной сфере. Но духовная жизнь их бедна и, видимо, Африка призвана возродить среди них веру в Бога.

Особенности негроидной расы и ее предназначения Э. Блайден связывал со спецификой ее культуры и типа личности. Блайден впервые поднял вопрос об африканской личности и особом психическом складе африканца, более того, не употребляя термина «идентичность», он говорил, по существу, о важности африканской идентичности, о необходимости беречь свое африканское естество. «Если вы не будете сами собой, – говорил он, – если вы откажетесь от своей личности, вам нечего будет дать миру, вы не принесете ни радости, ни пользы (цит. по [30, с. 110]). Блайден осуждал образованных африканцев, стремившихся к ассимиляции с европейцами. Он считал, что долг каждого человека не стыдиться своей расы, а защищать и развивать ее самобытность, ее культуру.

Второе противоречие во взглядах Дж. Хортона и Э. Блайдена возникло по вопросу о направлении развития Африки. Дж. Хортон был сторонником ориентации Африки на образцы европейской цивилизации, которую он считал высшим идеалом.

Бесплодные надежды на добрую волю колонизаторов привели Дж. Хортона к глубокому разочарованию в европейских идеалах, к крушению его европейской идентичности.

Э. Блайден считал, что Африка должна ориентироваться на самобытное развитие. По его мнению, коренные различия между африканцами и европейцами обуславливаются несовпадением путей их социального и политического развития. В одной из своих статей он писал, что главная задача африканцев – сохранить своеобразие континента, его культуры, ибо основное богатство народа – его культура. Блайден первым выдвинул лозунг «духовной деколонизации». Он верил в будущее Африки и считал, что, если африканцы обретут свободу, они смогут создать цивилизацию, подобную которой мир еще не видел [30, с. 102].

Два африканских мыслителя XIX в. – Дж. Хортон и Э. Блайден – оказали значительное влияние на формирование цивилизационных представлений, цивилизационной идентификации в Африке. По существу, их взгляды на сущность расового вопроса в преломлении к Африке, на особенности африканцев, их культуры, на пути, возможности и формы развития Африки явились вехами, отправными точками формирования основных тенденций африканского цивилизационного самосознания.

Можно заметить определенные параллели в процессах формирования самосознания, обретения себя в Африке и в Чернокожей Америке. И у африканцев, и у афроамериканцев во все периоды истории их зависимого положения самыми болезненными были мотивы расового унижения, ущемления личного достоинства, то есть целостности своего «я» – именно поэтому так близки были проблемы африканцев и афро-

американцев, так сходны идеи, рождавшиеся у тех и у других. На двух континентах через океан как бы циркулировали некие общие токи, взаимно влияющие друг на друга.

Особенно показательны процессы взаимных влияний, а иногда совпадений, на идейно-теоретическом уровне. Таков, например, комплекс идей, развивающихся в русле панафриканского движения в Африке и в США. Идеи панафриканского движения, декларирующего постулат об общности судеб всех народов африканского происхождения, хотя и далеко не всегда отвечают реальности, тем не менее часто приводят к идейной переключке африканских теоретиков, проживающих на разных континентах.

Перекликаются идеи Э. Блайдена и Дж. Хортона о великой истории Африки с идеями афроамериканского историка У. Дюбуа о влиянии Черной Африки на Древний Египет и Рим, а лозунг «Африка для африканцев», который интерпретировали оба африканских ученых, – с идеями М. Гарви, которые стали основой организованного им движения «Назад в Африку».

Особенно интересна судьба идей афроцентризма. В афроцентризме, как одном из сегментов цивилизационного сознания, очень четко проявилась протестная составляющая, построенная на классической дихотомии «мы – они». Позитивные образы Африки, африканской культуры, африканской истории, личности африканца строились в этой теории на отталкивании от негативных образов Европы и вообще Запада (Вавилона), западной культуры, истории, западной личности.

В первой половине XX в. у афроамериканцев существовали две альтернативные возможности жизнеустройства: во-первых, это путь ассимиляции, усвоение консервативных ценностей белой Америки и, во-вторых, жизнь на основе ценностей и норм своей исконной африканской культуры.

Уильям Дюбуа выступал за идеалы белого сообщества, за путь «черных джентльменов». С совершенно иной, афроцентристской позиции выступил Маркус Гарви. Его движе-

ние «Назад в Африку» строилось на декларациях «всемирного братства людей черной расы», «восстановлении величия падшей расы и распространения расовой гордости и любви», «на необходимости развития образования детей расы». Гарви убеждал черных американцев вернуться на «землю предков» – в Африку, где он предполагал построить идеальное государство, гражданами которого станут все чернокожие, где бы они ни проживали.

Надо отметить, что проект М. Гарви был пусть совершенно утопическим, но первым цивилизационным проектом для африканцев. Он имел универсалистский характер, так как был обращен ко всей негроидной расе, имел свою идеологию – большую традицию – свою расово окрашенную христианскую церковь, свою мифическую землю – Африку, свое проектируемое государство. И это был первый афроцентристский проект.

Сам феномен деятельности М. Гарви оказал и продолжает оказывать серьезное воздействие на формирование цивилизационных представлений, цивилизационной идентификации африканцев, как на элитарном, так и на массовом уровнях.

Процессы цивилизационной идентификации в современной Африке

Период борьбы за независимость был для Африки славной героической порой. В это время проявились лучшие качества африканцев – стремление к единению, солидарность, мужество и сплоченность. За этот период африканцы сильно изменились. Значительной деформации подверглась их индивидуальная идентичность, изменились традиционные институты.

Ученый и политический деятель из Зимбабве Н. Ситоле в своей книге об африканской личности писал, что в эпоху колониализма личность африканца была опустошена, его достоинство обесценено [31]. В то же время почти вековое при-

существование европейцев вместе с бедами и унижениями способствовало позитивным изменениям. Распространение христианства сопровождалось просвещением народа, появлением образованных африканцев – священников, учителей, врачей. В традиционное общество пришли нововведения – медицинская помощь, грамотные земляки, новые предметы обихода и средства коммуникации.

Н. Ситоле писал, что «время породило нового африканца, который по сравнению с предками более уверен в себе, более напорист... Становление африканского национализма сопровождалось изменением психологии африканцев, итогом которого стало развенчание мифа о белом человеке... Политическое освобождение невозможно без внутренней психологической эмансипации» [31]. Таким образом, в Африке к эпохе независимости и последующего развития народные массы уже сформировались как подлинный субъект общественного развития, произошло формирование принципиально новых идентичностей и общественного сознания. Народные массы стали реальной общественной силой, которую необходимо принимать во внимание как политической элите Африки, так и зарубежным «учителям» и «советчикам».

Изменилась и молодая элита Африки. Многие государственные деятели происходили из народа, как правило, из родоплеменной верхушки, работали учителями. Надежды, настроения народа были им хорошо известны. Такими были, например, танзанийский лидер Дж. Ньерере, конголезский Д. Сессу-Нгессо, основатель и первый президент Ганы Кваме Нкрума и др.

60-е годы – годы обретения независимости большинством африканских стран – были временем больших надежд. В общественном сознании формировались, зрели и обсуждались вопросы, в центре круга которых были главные цивилизационные вопросы: самоопределение, выбор путей, форм и методов развития.

В биполярном мире этот выбор, как правило, сводился к капиталистической или социалистической ориентации.

В то же время доминировала в общественном сознании идея самобытного развития, содержание которой, правда, не было представлено достаточно ясно. Поэтому эта идея декларировалась практически во всех странах, независимо от заявленного выбора (который также не всегда был четко определен).

Так, первый президент Сенегала Л.С. Сенгор в стране, которая активно принимала помощь Запада, в которой экономика развивалась по западным моделям, как и формы демократии, декларировал «африканский социализм». Этот социализм он считал не похожим ни на марксистский социализм, ни на капитализм. Основой «африканского социализма» объявлялись самобытные ценности африканской культуры, соединенные с лучшими западными достижениями [32].

Президент Танзании Дж. Ньерере, декларируя социализм как ориентацию развития, заявлял, что в основе африканского социализма в Танзании лежит «уджамаа» – традиционный способ социальной организации. Дж. Ньерере считал, что традиционный образ жизни в общине и есть идеал социального устройства – социализм. Социализм в Танзании предполагалось строить на базе «национальной этики», в основе которой – человек и принципы единения и солидарности [33, с. 37–38].

Необходимо отметить, что, несмотря на декларации, африканские страны по-прежнему были включены в экономические отношения с бывшими метрополиями. Как писал Дж. Ньерере, ни одно африканское государство так и не сумело освободиться от неокOLONИАЛЬНОГО засилья в экономике, по-прежнему существовал неокOLONИАЛЬНЫЙ статус Африки [33, с. 43].

Наряду с идеей самобытности в общественном сознании ведущими по-прежнему были идеи солидарности и единения. Действуя в одиночку, ни одна из африканских стран

не сможет добиться экономической независимости, – отмечал Дж. Ньерере. «Мы нуждаемся друг в друге, мы можем оказывать друг другу помощь, и мы должны сделать это», – продолжал Ньерере [33, с. 43–44].

Последовательным борцом за единство Африки был Кваме Нкрума. После обретения независимости он писал: «Когда мы рассматриваем различные опасности, угрожающие молодым государствам и борцам за свободу Африки, нам становится все более ясно, что наша лучшая и фактически наша единственная оборона – это единство... масса рядовых членов националистических движений по всему континенту горячо стремится к единству» [34, с. 270–271].

Отвечая желаниям народов Африки, в мае 1963 г. правительствами независимых стран была создана Организация Африканского Единства (ОАЕ). Таким образом, можно сказать, что в общественном сознании Африки на гребне антиколониальной борьбы, в условиях установления независимости, в большинстве африканских стран сформировались основы цивилизационного сознания, panafricanского по своей сути, но далеко превосходящие принципы, выдвинутые в начале panafricanского движения. Эти начальные принципы (основы) цивилизационной идентификации еще далеки от развитого цивилизационного сознания, способствующего формированию цивилизационной целостности Африки, но и их значение существенно.

С. Хантингтон, рассматривая возможность формирования африканской цивилизации в ряду мировых цивилизаций, писал: «По всей Африке еще сильна племенная идентификация, но среди африканцев быстро возрастает чувство африканской идентичности и, по-видимому, Африка “ниже” Сахары (субсахарская) может стать отдельной цивилизацией, вероятно с ЮАР в роли стержневого государства» [18].

Годы независимости были годами надежд, иллюзий, эйфории, а также роста потребления, расточительности и увеличения задолженности. К 80-м гг. XX в. Африка пришла

в состоянии глубокого кризиса, не разрешившегося и поныне. Суть этого кризиса в экономической отсталости и провале многих модернизаторских проектов по западным моделям, в росте голода и эпидемий, в непрекращающихся гражданских войнах, вспышках терроризма и насилия.

При этом надо иметь в виду важнейший фактор – существование в Африке мощной стихии традиционного мира со своими социальными отношениями и институтами, с культурой и ментальностью, со своими духовными лидерами. Традиционный мир не только является фоном строительства современного африканского мира, между ними существуют постоянные незримые связи, взаимовлияния, противоречия, иногда прорывающиеся в ткань современного мира яркими вспышками, часто крайне опасного свойства. Такими стали прорывы этноцентризма, проявлением которого стали этнические конфликты, nepoтизм на государственном уровне и т.д. Казалось бы, эти явления партикуляризма (регионального, этнического, семейно-кланового) противоречат главному принципу африканских культур – принципу коллективизма, единения, солидарности. Однако единение существует на двух уровнях: семейно-родовом, племенном и общенародном, каждый из которых актуализируется в зависимости от обстоятельств – и как основа для всенародной борьбы, и как оправдание местнических интересов. Вспышки традиционализма проявляются и в идейных позициях африканских интеллектуалов – это афроцентристские тенденции преувеличения значения «особости», исключительности африканских культур, африканской ментальности, африканских социальных и хозяйственных структур, якобы способных вывести Африку из кризиса. Такие взгляды встречались в выступлениях на коллоквиуме в рамках «Недели национальной культуры» в Камеруне в 1985 г., а также на других африканских встречах, например, на форуме африканских интеллектуальных и научных кругов диаспор в 2010 г. в Сенегале. Рационален, очевидно, взвешенный взгляд на роль традиционного

фактора, «срединная» позиция в этом вопросе. Значение традиционного фактора в жизни и строительстве современной Африки неоспоримо. Однако необходимо найти пути эффективного использования традиционных ценностей для решения насущных современных проблем. Важна не самобытность Африки сама по себе, а ее использование в современных условиях. Эти вопросы ставят молодые интеллектуалы современной Африки, например, выходцы из Камеруна, экономист Пебе Монзо, социолог Аксель Кабу и экономист Д. Этунга-Мангелле, братья Аллен и Эдгар Хазуме, тоголезский политолог Э. Кодгио, философ и теолог Ка Мана и др. Многие из них входят в неформальное объединение «Школа внутренней африканской мысли», возникшее в Камеруне.

В 90-е г. XX и в начале XXI в. обращают на себя внимание южноафриканские ученые, принадлежащие к различным расам, такие как философы Джеймс Кигонго, Млудеки Манука (Mluleki Munyuka) и Мокгети Мофлоби (Mokgethi Mothlobi), Нейл Роделинхейс и другие. Особенность этих ученых в том, что они рассматривают африканские проблемы в цивилизационной перспективе. Важнейшими и актуальными являются проблемы ментальности современных африканцев. Так, А. Кабу в своей книге «А что, если Африка отказывается развиваться?» [35] дает аргументированный анализ идей авторов, преувеличивающих культурную самобытность Африки, и видит в этой позиции сохраняющиеся комплексы зависимости и духовной порабощенности. А. Кабу, а также ее единомышленник Д. Этунга-Мангеле говорят о необходимости изменения менталитета африканцев, их самовосприятия, развития их индивидуальной и социальной идентичности, то есть способности приобщения к новому, к новым отношениям и ценностям. Д. Этунга-Мангеле [36] апеллирует к африканской молодежи, которая, по его мнению, способна претворить в жизнь проект сочетания традиционных самобытных ценностей с духом новаторства и технологическими достижениями современной эпохи. Очень

важной была постановка вопроса Д. Этунга-Мангеле о внешней помощи и об отношении к ней. По его утверждению необходимо искоренить в себе иждивенческие настроения, сознание «вечно опекаемых», любое развитие требует внутренней перестройки, самоограничения и ментальной дисциплины.

Подобные вопросы в очень острой, даже драматической форме ставит южноафриканская исследовательница Нейл Ределинхейс. В своей статье «Африканский ренессанс: взгляд из Южной Африки», рассматривая перспективы африканского возрождения, она дает реальную картину положения Африки южнее Сахары. При этом она акцентирует внимание на положении индивида в этой сложнейшей ситуации. Автор констатирует, что последние 40 лет «политического хаоса», «всеразрушающих преобразований», войн, экономической разрухи, потерь и травм, горьких разочарований привели к дегуманизации континента, опасности потери Африкой своей души. Все эти несчастья тяжелым бременем ложатся на каждую отдельную личность, вызывая пагубные последствия. При всем этом Нейл Ределинхейс призывает Африку искать пути выхода из кризиса в самой себе. Она считает неконструктивным «синдром перекладывания вины» и видит положительные сдвиги в появлении в конце XX в. «нового поколения прагматически мыслящих политических лидеров». Положительным явлением она считает и стремление вырабатывать тот тип реформ и социальных программ, который подходит отдельной стране в конкретной ситуации [37].

Последнее положение представляется особенно важным. Любые акции не могут быть успешными, если они не поняты массами и не приняты как свои. А для этого требуется гибкая политика, обращенная к каждому человеку, учет особенностей ментальности людей, их жизненного опыта, традиционных связей и ценностей. И только через учет этих

многообразных факторов лежит путь к взаимопониманию, оздоровлению обстановки и обновлению.

Уже предыдущие поколения политиков понимали это и немало сделали в направлении учета самобытных особенностей Африки. Так, преемник Л. Сенгора на посту президента Сенегала Абду Диуф, находившийся у власти 20 лет, главным в своей политике считал «человеческий фактор», учет присутствия и влияния в любой африканской стране традиционного мира. Он понимал, что политическая жизнь в африканских условиях не исчерпывается деятельностью политических партий, а имеет другие формы влияния. Как писали братья Хазуме, – «племенная иерархия, включенная в социальное тело», – это реальность Африки [38, с. 134]. А. Диуф не игнорировал эту реальность, он считался с властью традиционных вождей и учитывал мнение традиционной элиты.

Все эти процессы определяют поиск новых идентичностей, в ходе которых происходит все более глубокое осмысление собственных культурных ценностей, их использование в различных аспектах общественной жизни. Лидеры африканских стран и африканские интеллектуалы обращаются к традиционным ценностям в поисках самобытных социальных форм. Это, например, «традиционная демократия», суть которой выражена в традиционной африканской «палабре» – беседе вождей, старейшин, мудрецов, собирающихся у огня. Эта модель легла в основу идеи Национальных конференций, вдохновителями которых стали африканские философы П. Хунтонджи и Ф. Эбусси Булага. Последний считает, что именно обращение к традициям может дать ответ на вопрос, «...как войти в сегодняшний научный и технологический мир и не потеряться в нем, как модернизировать себя и вернуться к истокам» [39, с. 169].

Джулиус Ньерере огромное значение придавал традиционной этике, ее воспитательному значению, в его «Арушской декларации» был разработан «Кодекс лидера», согласно которому руководящим кадрам запрещались занятия част-

ным бизнесом, получение более чем одной зарплаты, использование своего положения для получения побочных доходов и т.д.

С конца XX в. и по настоящее время проблемы этики находятся в центре идентификационных процессов, причем за основу берутся принципы традиционной этики. К традиционным этическим нормам и этико-правовым институтам обращаются лидеры африканских государств для разрешения острейших конфликтов [24].

Серьезным прорывом в формировании цивилизационной перспективы и цивилизационного самосознания стали идеи о «коллективном культурном пространстве Африки» и о «континентальной культурной идентичности». Эти, по существу, цивилизационные идеи циркулируют в идейном поле Африки, облекаясь во вполне реальные проекты, в частности в проект дальнейшей интеграции, объединения африканских стран. Это направление развития стало ответом на существование однополярного мира, в котором полным ходом шли процессы глобализации. Опыт провала программ структурной перестройки африканских стран, навязанный им в 80-е гг. МВФ и МБ, а также изменения в мире обнаружили неготовность ОАЕ ответить на вызовы современности. Идея, за которую боролся Кваме Нкрума, – идея создания единого африканского пространства: экономического, политического, культурного – овладела умами африканской интеллектуальной элиты, правящими кругами. В 1999 г. на IV чрезвычайном саммите в Сирте (Ливия) впервые была поставлена проблема реорганизации ОАЕ. Наиболее радикальной была позиция М. Каддафи, который предложил два проекта: создание «Соединенных Штатов Африки» (формулировка, предлагавшаяся в свое время К. Нкрумой) и создание «Союза Африканских Государств». Предлагались такие меры, как: ликвидация границ, создание единой финансовой системы, общей валюты, единой армии, правоохранительной системы и общеафриканского парламента. В результате бурных деба-

тов была одобрена идея разработки проекта учредительного акта «Африканского союза» (АС). В 2000–2001-х гг. существование АС приобрело общеафриканскую легитимность [40]. Это был серьезный шаг в формировании цивилизационного единства Африки, тем более что он был всенародно одобрен. Это показали выборочные опросы, проведенные в разных странах. Согласно полученным ответам, более 90 % граждан одобряют создание АС. Таким образом, цивилизационная идея доминирования единства в условиях многообразия не только стала всенародной, но и получила реальное воплощение. Образование АС очень важно и потому, что АС имеет более существенные полномочия, чем ОАЕ с ее политикой «невмешательства». Напротив, АС, согласно статье 4-й, имеет право «вмешиваться, после принятия решения Ассамблеей, в дела государства – члена АС при наличии серьезных обстоятельств, а именно: военные преступления, геноцид и преступления против человечества». Согласно статье 30, «Правительству, которое придет к власти неконституционным путем, не будет позволено принимать участие в деятельности Союза» [41].

В то же время необходимо отметить, что при наличии вырисовывающейся цивилизационной перспективы и активных процессов цивилизационной идентификации сложившегося цивилизационного сознания в Африке еще нет. Более того, существует серьезный раскол в цивилизационной идентификации, наметившийся в генезисе этого процесса, раскол в цивилизационном сознании. Мы уже неоднократно касались двух сторон феномена цивилизационной идентичности, цивилизационного сознания – это всеафриканское (панафриканское) единение и выбор пути развития. Сущность этих двух сторон (аспектов) цивилизационной идентичности соответствует принципам современного панафриканизма, сформулированным директором Института Африки ЮАР Эдди Малокой: осознание общего исторического опыта; осознание общности происхождения и судьбы; противостояние

расовой дискриминации и колониализму; решимость создать «новую» Африку [41]. Осознание общности и единение состоялось и стало мощной силой в борьбе «против»... Но сейчас это единение необходимо направить «за», за «новую» Африку, но какую? И этот второй аспект идентичности вызывает поток вопросов, именно он становится линией разлома, раскола цивилизационного сознания. Какую «новую» Африку надо строить? Этот вопрос возник давно, еще во времена Э. Блейдена, и тогда же в нем определились два направления: путь развития по западным моделям и самостоятельный, самобытный путь. Каждый из этих двух путей примеривается к конкретным условиям, уточняется, трансформируется, в этих путях обнаруживаются новые формы, меняются маски, но суть остается прежней.

Рассмотрим их снова, уже в контексте XXI века. Проекты по западным моделям проваливаются один за другим, сокращается финансовая помощь Запада, так как она признана западными партнерами малоэффективной. Особенно тяжело ударил по экономике большинства африканских стран провал программы структурных реформ, на которые возлагались большие надежды. Из сказанного следует, что путь обновления Африки по западным моделям завел африканские страны в тупик. А другой путь – самобытность, самостоятельность? Этот путь не реализован; кроме деклараций и неудачных экспериментов, типа уджамаа, ничего не было. В реальности, как говорит Нейл Ределинхейс, голод, нищета, явное неумение создать здоровую экономику, неспособность успешно вести дела, получая огромные суммы иностранной помощи (сейчас она резко сократилась), коррупция [37, с. 197] – все это характерно для многих стран. Есть, правда, более успешные страны, активно торгующие земельными ресурсами, но и в них сокращаются объемы торговли, а отсюда сохраняется и невысокий уровень жизни.

Очевидно, путь самобытности в настоящее время проблематичен в условиях Африки, которая давно включена в

мировую хозяйственную систему и рыночные отношения. Могут меняться партнеры, а также возможен путь приспособления рыночных отношений к самобытности Африки. На это, очевидно, и ориентируются цивилизационные проекты, в которых просматриваются афроцентристские акценты.

Следует уточнить понимание афроцентризма, на что обращает внимание А.Б. Давидсон во вступительном слове к конференции «Евроцентризм и афроцентризм». Он говорит, что «в афроцентризме, как в любых идеях, основанных на возвеличивании своей расы или нации, можно найти самое разное – от патриотизма до шовинизма и расизма» [42, с. 33]. Правда, на наш взгляд, если в афроцентризме и содержится патриотизм, то грань, отделяющая его от расизма, очень тонка.

Один из очень известных, бурно обсуждаемых проектов – это проект «африканского ренессанса» (АР). Сторонники АР определяют его по-разному, например, как «прогрессивную, афроцентристскую задачу» (Э. Малока), «разумный афроцентристский подход», основывающийся на культурной и исторической принадлежности (Квези Пра) (цит. по [43, с. 28–29]). Н. Ределинхейс считает, что АР «предполагает существование “новой” Африки, где будет господствовать дух самоопределения, который отбросит негативный образ прошлого и позволит ей стать политически стабильным, экономически устойчивым и морально здоровым континентом» [37, с. 195]. Надо признать, что все определения достаточно туманны и общи.

Значительно более конкретный проект преобразования Африки выдвигал М. Каддафи. Основные принципы нового, справедливого жизнеустройства он изложил в своей «Зеленой книге» [44], в которой рассматривал вопросы, касающиеся всех сфер жизни, от форм государственного правления до роли женщины в обществе, и предлагал модель идеального жизнеустройства и модель управления, в противовес западной демократии.

Практически Каддафи была создана модель социально-защищенного справедливого общества, привлекательного для большинства африканских стран, независимо от конфессиональной и этнической принадлежности. Его целью было объединение Африки, отказ от западной финансовой системы, создание единой африканской системы безопасности, решение основных для Африки социальных и гуманитарных вопросов.

Мало знают о самом грандиозном проекте Каддафи – Великой рукотворной реке (The Great Manmade River, GMR). Это огромная система труб, акведуков и более 1300 колодцев глубиной более 500 метров, которая снабжает водой из Нубийского водоносного слоя пустынные районы и побережье Ливии, города Триполи, Бенгази, Сирт и др. [45]. Существует мнение, что именно этот проект является одной из основных причин устранения Каддафи.

Это могло бы показаться утопией, но в Ливии очень многое из перечисленного переводилось в реальную плоскость. Успех был налицо, в перспективе Африка превращалась из континента, большая часть территорий которого – пустыня, непригодная для сельского хозяйства, в цветущий континент, способный прокормить себя сам и обеспеченный пресной питьевой водой на 3-4 тысячи лет.

И когда его идеи получили одобрение и резонанс в рамках Африканского союза, Каддафи был устранен, его стратегия развития африканского континента блокирована. Примечательно, что во время бомбардировок Ливии мишенью были и рукава «рукотворной реки Каддафи».

Культурная программа цивилизационного преобразования Африки была изложена Каддафи в обращении к представителям африканских интеллектуальных и научных кругов африканской диаспоры, собравшихся на форуме в Сенегале в 2010 г. В первую очередь, им была поднята важнейшая для Африки проблема языка. В Африке существует реальное двуязычие. Официальный язык – язык колонизаторов – до

сих пор недоступен большинству сельской Африки и выходцам из села в городах. Каддафи поставил перед интеллигенцией задачи создания письменности для африканских языков, а также проект объединения многих близких языков. Он также предложил не забывать свои автохтонные религии, национальные архитектуру, одежду, кухню, систему традиционных воспитания и образования. В конце он призвал к дальнейшему объединению и предложил грандиозный цивилизационный проект, завершающий и обобщающий ранее предложенные инициативы – создание на территории Африки единого государства – «Соединенных Штатов Африки» [46].

Государственные социально-экономические эксперименты, включенность в новые экономические отношения, а также культурные проекты не принесли ощутимых положительных результатов, но сильно повлияли на образ жизни африканцев и их ментальность. Изменились структура занятости африканцев (многие из них переселились в города и включились в рыночные отношения), изменились потребности, изменилась даже сельская жизнь, ее уклад и характер занятий. В сельской местности появились школы при миссиях, магазинчики, пункты связи. Получила хождение «ярмарочная литература» на местных языках, появились самодеятельные театры, музыкально-танцевальные фестивали, которые организовывали учителя, ученики школ, священники – люди, живущие одной жизнью со своими соплеменниками. Так до широких масс доходили новые веяния, идеи, они побуждали их к поискам нового, к изменениям в своей жизни.

Совершенно новым явлением на исходе XX и в начале XXI в. стало стихийное возникновение в городах, а иногда и в селе неформального сектора экономики (НФС). Группа экспертов Международной организации труда (МОТ) провела масштабное исследование структуры, динамики НФС, отношения к нему правительств африканских стран и подготовила объемную книгу [47]. Эксперты констатируют, что в

условиях длительной экономической стагнации и ослабления государства усиливаются позиции НФС, дающие большинству горожан средства к существованию. К НФС относятся предприятия, не имеющие юридического статуса, с численностью наемных работников менее 5 человек плюс семейные работники и ученики, с отсутствием лицензии, не состоящие на учете в системе соцобеспечения и не имеющие бухгалтерского учета. С точки зрения закона, эти предприятия не существуют.

В НФС доминирует торговля, сфера услуг, меньше объем производительной деятельности. Первоначальный капитал и его обновление формируются за счет личных сбережений, поддержки семьи и родственников. Сырье и оборудование добываются своими средствами. По уровню доходов НФС находится в основном в зоне бедности, однако дает средства к существованию от 60 до 90 % городского населения и является доминирующей сферой занятости [47, с. 49]. Авторы пишут, что существует поразительный контраст между неспособностью к инновациям африканских элит и изобретательностью и инициативностью гражданского общества в лице НФС: саморегуляция, солидарность, экономические инициативы [47, с. 4–5].

НФС с его многообразными формами несет в себе ферменты новой культуры, влияет на всю социальную структуру африканских обществ, его систему социальной защиты, роль традиционных культурных ценностей, на все социальные отношения, – считают эксперты. По их мнению, «речь идет о сложном “социетальном” процессе», в котором глобальное переустройство совершается вокруг слоев мелких собственников и самостоятельных работников – носителей специфических устремлений [47, с. 5].

Существенно, что авторы – ведущие эксперты МОТ – обращают внимание на НФС – «народную экономику» как носителей двойной логики: рыночной и традиционной социокультурной, укорененной в семейных, этнических, комму-

налистских и религиозных отношениях [47, с. 483]. Очевидно, на базе такой двойной логики формируются в специфических условиях Африки основы гражданского общества и сегменты самобытного цивилизационного переустройства общества. Опасными становятся для НФС отношения с официальной властью, ибо сталкиваются два типа власти: один – публичный, правовой и другой – частный, атомизированный и фактический [47, с. 486].

Еще один важнейший феномен современной ситуации в Африке – возникновение негосударственных сил обеспечения безопасности и, по существу, гибридных форм управления. Известна политическая нестабильность в современной Африке и наличие множества вооруженных группировок – криминальных, оппозиционных, террористических, оборонительных и т.д. Печально известна террористическая салафитская группировка «Боко Харам» (в переводе с хауса – «западное образование грешно»), которая имеет антизападное направление.

14 апреля 2014 г. мировые СМИ заговорили о нигерийской террористической группировке «Боко Харам», в связи с одной из самых резонансных акций – похищением 276 школьниц в городе Шибок на северо-востоке Нигерии. В мае 2014 г. Нигерия обратилась в контртеррористический комитет Совета Безопасности ООН, но, несмотря на это, терроризм в регионе продолжает нарастать.

Государства часто неспособны справиться с терроризмом, и в этих условиях некоторые вооруженные группировки берут на себя функции государства и сил правопорядка. Этот новый феномен исследует ученый из Лондонской школы экономики и политических наук К. Мигер [48]. В местах, где правительство слабо контролирует обстановку, некоторые местные группировки в силу обстоятельств берут на себя функции защиты населения. Складывается система местного административного самоуправления, в которой действуют, по договоренности с правительством, местные обществен-

ные, клановые организации, опирающиеся на местные же вооруженные формирования. Так складывается гибридное управление, непонятное западным экспертам, но эффективное в условиях слабой или непопулярной государственной власти. Такая форма возможна при наличии достаточно сильной традиционной власти, ее поддержке населением и ее авторитетности в глазах неформальных вооруженных группировок.

Несмотря на двусмысленность подобного положения, оно, возможно, также способствует формированию самобытных форм переустройства.

Серьезные изменения сознания африканцев привели еще к одному, отчасти парадоксальному явлению – это изменение образа Запада в сознании, прежде всего, молодежи. Образ Запада стал необыкновенно привлекательным для образованной африканской молодежи. В условиях местной нестабильности молодежь не видит для себя привлекательных перспектив на Родине и стремится при первой возможности эмигрировать в Европу или в США. Эти «чемоданные настроения» молодого поколения лишь усугубляют и без того нелегкую ситуацию в Африке. Так, трагично решается вопрос о цивилизационном выборе частью африканцев – уход, отъезд, ориентация на западные соблазны. Впрочем, этот выбор (сознательно или бессознательно) делают и африканцы, включенные (как правило, в виде служащих транснациональных компаний) в бизнес, в западную деловую культуру, получившую название «давосской» и распространенную в нашу эпоху во всем мире. Эти африканцы обычно идентифицируют себя с европейским образом жизни, с западными ценностями индивидуального успеха, карьеры, богатства. Эти люди также попадают в ловушку двух логик жизни, систем ценностей, причастности к принципиально различным культурам.

Таким образом, кризис идентичности, ее мучительные поиски в Африке продолжаются. События, происходящие в

последние десятилетия на Юге Африки, показывают всю остроту этих процессов. В связи со сказанным нам представляется, что нельзя не затронуть, хотя бы коротко, афроцентристские, даже скрыто-расистские элементы в формирующемся цивилизационном сознании африканцев, прежде всего на юге Африки. С апартеидом там покончено. Политика примирения и единства всех рас, реализованная Нельсоном Манделой, принесла свои плоды, что констатируют в своей статье долго работавшие в ЮАР Д.Б. Давидсон и И.И. Филатова [49, с. 179–182]. И они же обращают внимание на то, что «расовая дискриминация была основой государственной структуры страны на протяжении столетий, не говоря уже о четырех с лишним десятилетиях режима апартхеида. Она оставила глубочайший след в исторической памяти южноафриканцев, как черных, так и белых» [49, с. 141]. На практике этот «след» обнаруживается на каждом шагу, как в быту, так и во многих законодательных актах и реальных действиях. Так, в одном из документов АНК говорится, например, о равенстве и «позитивных действиях» при приобретении квалификации. На практике это означает, что при наличии нескольких претендентов на одну должность предпочтение будет отдано черным кандидатам. То же самое правило действует в отношении абитуриентов при приеме в учебные заведения и т.д.

На партийно-правительственном уровне произошел отход от политики национального примирения и создания «радужной нации» к политике провозглашения «африканской нации, основанной на единстве многообразия африканских идентичностей». В стране был взят курс на возрождение «африканизма», а также провозглашено, что «черные в целом и африканцы являются движущими силами народно-демократической революции» [49, с. 150-151]. В ходу такие понятия, как «демографическая репрезентативность», «позитивные действия», которые на практике означают преимущественное представительство черных и ограничения в отно-

шении белых, в частности африканеров. Возникла практика объяснения причин любого конфликта расизмом (белым). Стигматизация апартеида настолько глубоко въелась в южноафриканское общество, что все вообще принято объяснять с помощью расового вопроса: «Это потому, что я черный/белый». В результате на расовые притеснения постоянно жалуются и черные (по исторической инерции), и белые (по реальным фактам). Можно сказать, что на юге Африки в формирующемся цивилизационном сознании доминирует афроцентризм. Он же декларируется в виде цивилизационных идей в терминах «африканство», «африканизм» и иногда «афроцентризм», как у упоминавшихся выше теоретиков «африканского ренессанса».

Напрашиваются параллели с положением в США, где идеи афроцентризма также доминируют в общественном сознании афроамериканцев. При этом чернокожее население не только одержало победу в борьбе за равные права, но и получило ощутимые преимущества в результате практики «позитивной (реверсивной) дискриминации» [50]. Однако результаты те же, что и в южноафриканском обществе, дают о себе знать те же стигматы векового рабства и сегрегации. Для афроамериканцев по-прежнему все беды объясняются расовым вопросом, во всем они видят «происки белых».

Важным, по нашему мнению, является теоретическое обоснование концепции афроцентризма в США, представленное рядом работ, главными из которых являются книги ведущего на сегодняшний день теоретика афроцентризма, фактически его пророка Молефи Кете Асанте (урожденный Артур Ли Смит-младший). Концепция его книг проанализирована в статье А.Б. Давидсона и И.И. Филатовой [51, с. 24–28].

Коротко остановимся на позиции Асанте, изложенной им в интервью журналистке Евгении Ковда в феврале 2015 г. [52]. Афроцентризм (в интерпретации Асанте «афроцентричность») он определяет как транснациональную революцион-

ную теорию людей, которые в прошлом подвергались угнетению. Это теория, согласно которой африканцы должны воспринимать себя в качестве субъектов с собственным нарративом, а не как второсортный народ на периферии европейской истории. Согласно теории афроцентричности, первый шаг к решению любых проблем – это изменение ментальности, привитие самосознания посредством изучения многовековой истории африканского народа и знания, что Африка – это родина древнейших цивилизаций и революционного концепта Маат¹.

В Африке, по нашему мнению, афроцентризм широко распространен прежде всего на Юге континента. В других африканских странах афроцентризм присутствует в цивилизационном сознании латентно, проявляясь время от времени. Так, афроцентристские настроения, образы присутствуют в молодежных субкультурах, например, в субкультурах раста регги и рэпа, они проявляются в протестных настроениях, но не являются доминирующими. Экстремистской формой проявления афроцентризма стали действия террористических группировок “Боко Харам”, “Армия божьего сопротивления” и др. Идеальной основой этих группировок является активный антизападный протест, в подтексте которого – тот же расовый вопрос.

Афроцентризм распространен в африканской научной среде, прежде всего, историков. Имеет он резонанс и в среде африканистов, как отечественных, так и зарубежных [53].

В нашей статье мы попытались с позиций современной теории идентичности проанализировать становление и развитие цивилизационного сознания и цивилизационной идентичности на фоне глубокого кризиса идентичности и измене-

¹ Маат – египетская богиня, персонифицирующая истину, справедливость, вселенскую гармонию, божественное установление и этическую норму.

ний ментальности индивидов в сложившихся социокультурных и политических обстоятельствах. Процесс этот далеко не завершен, цивилизационная идентификация осуществляется, прежде всего, в форме образов, цивилизационных представлений и отдельных цивилизационных идей, которые постоянно корректируются, пересматриваются, уточняются. Однако в этом формирующемся конгломерате настроений и образов, идеологем и концепций – цивилизационном сознании – вырисовываются определенные цивилизационные перспективы. Во-первых, это дальнейшее единение, интеграция африканских стран по основным жизненно важным линиям – экономическим, политическим, социальным, культурным, экологическим. Во-вторых – это, очевидно, дальнейшее включение африканских стран в мирхозяйственное пространство. Под вопросом формы этого включения. Исключаются зависимые формы, копирующие западные образцы. В качестве общественных самобытных форм, по нашему мнению, перспективны различные формы самоорганизации, но с участием и с помощью государства и с привлечением современных технологий, с одной стороны, и использованием традиционного опыта организации, регулирования хозяйства и сохранения правопорядка – с другой. Эти гибридные формы самоорганизации и самоуправления уже существуют и эффективно работают в Африке.

В африканском сознании еще какое-то время сохранятся, очевидно, последствия рабства, колониального угнетения и унижающей дискриминации. А поэтому сохранятся настроения и идеи афроцентризма.

Л и т е р а т у р а

1. Сулакшин С. Цивилизационный код. Передача «Обретение смыслов». URL: <http://rusrand.ru/tv/meaning/tsivilizatsionnyj-kod>
2. The Negro American. Boston, 1970. P. 227.
3. Toffler A. The Third Wave. N.Y., 1980. P. 366.

4. Кондаков И.В., Соколов К.Б., Хренов Н.А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. М.: Прогресс-Традиция, 2011. – С. 110–111.
5. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 31.
6. *Mluleki Muneara, Mokgethi Motlhabi. Ubuntu and its socio-morale significance: African Ethics in Anthologi of Comparative and Applied Ethics. University of Kwa-Zulu – Natal, 2009. P. 68.*
7. *Tajfel H. Social Identity and Intergroup Relations. N.Y., 1982.*
8. Дерим О.Н. Человеческая подлинность // Это человек: Антология. М., 1995. С. 156–159;
9. Кон И.С. Открытие «Я». М., 1978. С. 8–9.
10. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 184.
11. Мацумото Д. Психология и культура. СПб, 2000. С. 55.
12. Гириц К. Влияние концепции культуры на концепцию человека // Антология исследований культуры. Интерпретации культуры. М.; СПб, 2006. С. 135.
13. Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. № 2.
14. Лекторский В.А. Субъект // Новая философская энциклопедия. Т. 3. М., 2010. С. 659–660.
15. Панарин А.С. Субъект исторический // Новая философская энциклопедия. Т. 3. М., 2010. С. 660–661.
16. Панарин А.С. Субъект политический // Новая философская энциклопедия. Т. 3. М., 2010. С. 661.
17. Эриксон Э. Детство и общество. СПб, 1996. С. 396.
18. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003; Он же. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.
19. Рах Africana. Континент и диаспора в поисках себя. Сборник статей. М., 2009. С. 4.
20. Харитонова Е.В. О формах взаимодействия культур в эпоху глобализации // Диалог культур в условиях глобализации: XI Международные Лихачевские научные чтения. Т. 2. СПб, ГУП, 12–13 мая 2011 г.

21. Харитонова Е.В. Деловые культуры в российско-африканских отношениях: ценностно-смысловые аспекты // Диалог культур в условиях глобализации. Ценности и смыслы: материалы XIII международных лихачевских научных чтений. 17–18 мая 2013 г. СПб., 2013.
22. Dogbe K. Concept of community and community support systeme in Africa // *Anthropos*. Freiburg, 1980. Bd. 75. № 5/0. P. 781–799.
23. Kigongo James. The Relevance of African ethics to contemporary African society. URL: http://www.crvo.org/book_series_o2/ii-8/chapter_ii,.htm
24. Мосейко А.Н., Харитонова Е.В. «Африканская традиционная этика в контексте современности» // *Восток*. 2015. № 6.
25. Riesmen P. The person and the life cicle in African social life and thought // *Adr. studies rev.* 1986. Vol. 29.
26. Fouda B.J. Dialogue philosophique et problème du mal cher les Beti (Sud-Cameroun) // *La philosophic africaine*. – Addis-Ababa. 1980. – P. 38–56; представлено: Мосейко А.Н. Человек в традиционных обществах Африки. Образы мира – коллектив – личность // *Обычай. Символ. Власть*. М.: ИНАФ РАН, 2010. С. 181–184.
27. Jablow A. Gassire's lute: A reconstruction of Soninke bardic art // *Research in Afr.lit.* – Austin. 1984. Vol. 15. № 4. P. 519–529 (цит. по: Бейлис В.А. Личность и социальная коммуникация в культурах народов Африки // *Культурные традиции и современность*. М.: ИНИОН АН СССР, 1989. С. 183–185).
28. Пегушев А. М. Массовые антиколониальные движения в Тропической Африке (конец XIX – начало XX в.): идеологические формы и социально-политические цели // *Антиколониальная борьба и общественная мысль в Тропической и Южной Африке*. М.: Наука, 1983. С. 180–185.
29. Давидсон А. Б. Южная Африка. Становление сил протеста (1870–1924). М.: Наука, 1972. С. 67–70.
30. Френкель М. Ю. Общественная мысль в Британской Западной Африке во второй половине XIX века. М.: Наука, 1977. С. 63–64.
31. Sithole N. African Personality // *Voice of Africa*. Accra. 1961. Vol. № 8.

32. *Senghor L.S.* Liberte II. Nation et voie aqrecaine du socialisme. – Paris, Ed. du Seuil, 1971.
33. *Косухин Н.Д.* Д.К. Ньерере – первый президент Танзании // Современные африканские лидеры. М.: Инафр, 2001. С. 37–38.
34. *Кваме Нкрума.* Африка должна объединиться. М.: Прогресс, 1964. С. 270–271.
35. *Kabou A.* Et si l’Afrique refusait le developpement? P., 1991.
36. *Etounga-Manguelle D.* L’Afrique a-t-elle besoin d’un programme d’ajustement culturel? P., 1991.
37. *Ределинхейс Нейл,* Африканский ренессанс: взгляд из Южной Африки // Европоцентризм и афроцентризм накануне XXI века: африканистика в мировом контексте. Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию А.Б. Давидсона, М., 2000.
38. *Hazoume A., Hazoume E.* Afrique, un avenir en sursis. P., 1998. P. 134.
39. *Eboussi Boulaga F.* Les Conferences Nationales en Afrique Noire. P., 1993. P. 169.
40. *Юрченко Е.А.* Интеграционные процессы в Африке: генезис феномена // Проблемы социально-политических и культурных трансформаций африканских обществ в современной отечественной африканистике: материалы научной конференции «Африка: общества, культуры, языки». Санкт-Петербург, 5–6 мая 2005 г. М., 2007.
41. *Малока Эдди.* К африканскому ренессансу: Африканский союз и Новое партнерство для развития Африки (НЕПАД): доклад на конференции африканистов. Москва, 21–23 мая 2002 г. М., 2002.
42. Евроцентризм и афроцентризм накануне XXI века: африканистика в мировом контексте // Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию А.Б. Давидсона. Москва: ИВИ РАН, 2000. С. 33.
43. *Прокопенко Л. Я., Шубин В. Г.* Африканский ренессанс // Африка: поиск идентичности. М.: Изд-во Института Африки РАН, 2001. С. 28–29.

44. *Аль-Каддафи Муаммар*. Зеленая книга. М.: Изд-во Международные отношения, 1989.
45. Грандиозный проект Каддафи. Великая рукотворная река. URL: <http://aftershock.su/?q=node/5886>
46. *Каддафи Муаммар*. Африканская культурная революция. africaindependence.com 06.03.2010. URL: <http://trueinform.ru/modules.php> 23
47. L'économie informelle en Afrique francophone: structure dynamiques et politiques / Maldonado C., Gaufrégau B. et autres auteurs. – Geneve: Bureau intern. Du travail, 2001.
48. *Meagher K.*, The strength of weak states? Non-state security forces and hibrid governance in Africa // Development and change. – Hague, 2012. Vol. 43. № 5.
49. *Филатова И.И., Давидсон А.Б.* Какого цвета «южноафриканское чудо»? Национально-демократическая революция и национальные отношения в ЮАР в конце XX – начале XXI века // Рах Africana. Континент и диаспора в поисках себя. М., 2009. С. 179–182.
50. Черный расизм. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nst/ruwiki/1583748>
51. *Давидсон А.Б., Филатова И.И.* Исторические пласты афроцентризма // Рах Africana. Континент и диаспора в поисках себя. – М., 2009.
52. *Ковда Евгения*. Африканская диаспора уникальна, потому что это не национальный союз. The Prime Russian Magazine. 16 февраля 2015.
53. *Следзевский И.В.* Развитие африканского цивилизационного сознания: образы. Концепции, тенденции, перспективы // Африка в поисках источников мира и развития: Ежегодник-2013. М.: РУДН, 2013.

РЕЗЮМЕ

РАЗВИТИЕ И ПОЛИТИКА

Шубин В.Г. «Товарищ Мзваи»

Эта статья представляет собой политический портрет Мзвандиле Пилисо, видного члена руководства Африканского национального конгресса Южной Африки в 1960–1980-х гг. На основе документов АНК, материалов южноафриканских и отечественных архивов, бесед с его товарищами по оружию и многочисленных встреч автора с ним в течение четверти века рассматривается роль Пилисо в борьбе против расистского режима в этой стране.

Ключевые слова: Южная Африка (ЮАР), Мзвандиле Пилисо, Оливер Тамбо, Африканский национальный конгресс, Южноафриканская компартия, «Умкнтото ве сизве», Южноафриканский объединенный фронт, ОСНАА, Национальный исполнительный комитет, Революционный совет, Директорат разведки и безопасности (НАТ).

Следзевский И.В. Постколониальные африканские государства: кризисные тенденции развития

В статье анализируется опыт национально-государственного строительства в африканских странах в контексте нарастающих конфликтов и снижения управляемости обществ в регионе южнее Сахары. Ставится проблема политической и культурно-цивилизационной состоятельности в африканских условиях евроцентрической модели «нация-государство». Делается вывод о кризисном состоянии этого типа государства в условиях культурно-исторической неоднородности африканских обществ, сохраняющихся тра-

диций африканского трибализма и специфики эволюции африканских общинных социумов, нарастания в регионе масштабных социальных конфликтов и их деструктивного влияния на состояние национальной государственности, глобальных вызовов модели «нация-государство».

Ключевые слова: регион Африки южнее Сахары, опыт национально-государственное строительство в условиях догоняющей модернизации, национальное государство как цивилизационный проект африканской интеллигенции, факторы и тенденции кризиса национальной государственности в Африке южнее Сахары.

Иванов П.В. Осознанное бездействие мирового сообщества как катализатор при возникновении геноцида

В данной работе ставится вопрос о предпосылках возникновения такого явления, как геноцид, в рамках пассивного или активного невмешательства мирового сообщества. В частности, были проанализированы четыре региона с учетом исторической хроники, затрагивая период с начала XX в. вплоть до настоящего момента. На основе происходящих политических и социальных потрясений в государствах на фоне военного времени, изучив и сопоставив ряд описываемых в статье фактов, было сделано заключение о том, что геноцид индейцев Аймак и Гуарани во время Чакской войны, события периода диктатуры Пол Пота и его красных кхмеров, война с террористами, в Родезии (Зимбабве), геноцид в Руанде, бомбардировки Белграда в 1999 г. и текущий конфликт в Йемене имеют общий базис, согласно которому именно фактор всеобщего безразличия, в результате коррумпированности мировых политических элит или банального равнодушия, становится действительным катализатором при возникновении чудовищных конфликтов, последствия которых остаются кровоточащей раной на теле нашей планеты.

Ключевые слова: невмешательство, мировое сообщество, геноцид, Родезия, Руанда, Сербия, СБ ООН, нарушение

прав человека, фальсификация, военные преступления, Красные кхмеры, геополитика.

Хазанов А.М. Обсуждение вопроса о судьбе бывшего итальянского Сомали в организациях ООН и установление итальянской опеки

Статья посвящена рассмотрению различных аспектов процесса принятия решения по установлению опеки под контролем ООН с фиксированным сроком предоставления независимости, что означало известный шаг вперед в политическом и социально-экономическом развитии Сомали. Показано, что правящие круги США и Англии способствовали возвращению Италии в Африку, политика которой в период 1950–1955 гг. ничем принципиально не отличалась от политики фашистского правительства Муссолини в отношении Сомалии.

Ключевые слова: Сомали, Сомалия, итальянская опека, план Бевина – Сфорца, Англия и США, СССР, ООН, колониализм

Пархоменко В.К. АФРИКОМ против Армии Сопротивления Господа

Армия Сопротивления Господа (Lord's Resistance Army – LRA) – угандийская повстанческая группировка. Начинала свое противостояние с правительством на севере Уганды. Проповедуемое ею вероучение представляет собой смесь христианского радикализма, местных обычаев и магии. За жестокие расправы над военнопленными, мирным населением, а также насильственное пополнение своих рядов за счет детей-солдат приобрела известность как террористическая организация. Помимо Армии обороны Уганды, АСГ противостоят ВС Демократической Республики Конго (ДРК), Центральноафриканской Республики (ЦАР) и Южного Судана, к которым в конце 2011 года подключился спецназ Обь-

единенного боевого командования ВС США в зоне Африки – АФРИКОМ.

Ключевые слова: Джозеф Кони, АСГ, АФРИКОМ, Уганда, ДРК, ЦАР, Южный Судан, Африканский Союз (АС), США, боевики, беженцы, дети-солдаты, командные пункты

Идахоса Стефен Осахерумвен. Современная нестабильность в Ливии и ее влияние на региональную стабильность (на примере Африки)

Предмет рассмотрения настоящей статьи – многочисленные риски, угрожавшие побережью Африки и области Магриба, вспышка споров в данном регионе и в конечном счете падение Муаммара Каддафи, которое привело к нестабильности во всей прибрежной зоне при том, что война в Ливии усиливает тревогу в регионе и умножает эти риски. Исследование, однако, позволяет выявить показатели того, как эта область действует в качестве относительно безопасной зоны для сети международных вооруженных групп, которые находят все средства, необходимые для военной подготовки, вербовки боевиков, осуществления убийств, террористических актов, атак террористов-смертников и похищений, а также для создания тренировочных лагерей. Кроме того, эта область считается уязвимой с точки зрения безопасности, поскольку здесь просто осуществлять незаконную деятельность, включая незаконный оборот оружия, наркотиков, автомобилей и торговлю людьми. Здесь также можно устраивать подземные захоронения ядерных отходов, формировать группы радикальных исламистов и организовывать нелегальную иммиграцию и отмывание денег. В статье делается попытка проанализировать нестабильность в Ливии и ее неблагоприятное воздействие на безопасность и стабильность в Африке и своекорыстные роли, которые играют международные акторы. Исследование приходит к выводу о том, что современная проблема отсутствия безопасности в Ливии негативно влияет на путь к миру и стабильности, что серьез-

но препятствует созданию политических и административных институтов и способствует росту преступности и активности радикальных групп в регионе. Автор среди прочих рекомендует, чтобы наилучшим выходом для Ливии было бы достижение соглашения о разделе власти и согласованного политико-экономического продвижения вперед, которое могло бы решительно обратить вспять отрицательную траекторию страны и поставить ее на путь к единству и процветанию.

Ключевые слова: нестабильность, западное влияние, Африканский Союз, НАТО, терроризм, Россия, введение

ЭКОНОМИКА И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

Дейч Т.Л. Вклад Китая в транспортную инфраструктуру Африки

В статье рассматривается сотрудничество Китая со странами Африки в сфере инфраструктуры. Особое внимание уделяется финансируемым Пекином и реализуемым китайскими компаниями африканским проектам в сфере транспортной инфраструктуры. Следствием «выхода за рубеж» стала активизация политики Китая в Африке и рост китайских займов и инвестиций странам континента. В последнее десятилетие в фокусе финансирования Китаем стран Африки оказалась инфраструктура, прежде всего транспортная система континента. Спад в экономике Китая дал основания экспертам прогнозировать сокращение объемов его экономического сотрудничества с Африкой. Однако руководство страны продолжает политику стимулирования китайских компаний к освоению зарубежных рынков и оказания поддержки инвестиционным проектам за рубежом, в том числе в Африке. В последние годы Китай привлек международное внимание, взявшись за реализацию целого ряда инфраструктурных мега-проектов на континенте, в том числе призван-

ных связать страны Африки сетью скоростных железных дорог.

Ключевые слова: Китай, африканские страны, инвестиции, займы, инфраструктура, китайские компании, проекты, железные дороги, шоссейные дороги, мосты.

Юртаев В.И., Ндакисса Онкасса Ф.К. Дипломатия малых африканских стран: опыт Габона

В статье на примере Габона рассмотрены некоторые особенности дипломатии малых стран Африки. Фокус исследования направлен на анализ концептуальных оснований внешней политики Габонской Республики, выявление специфики многосторонней и двусторонней дипломатии, формирования международного имиджа Габона. Особое внимание уделено рассмотрению роли Президента страны в процессе принятия внешнеполитических решений и показу места внешней политики в реализации Стратегического плана «Процветающий Габон».

Ключевые слова: Африка, дипломатия малых стран, Габонская Республика, президент Али Бонго Ондимба, внешняя политика, диалог, процветание и развитие, экология, мир, безопасность.

Адебайо Кафилат Мотунрайо. Экономическое сообщество западноафриканских государств: посредничество и разрешение конфликтов (на примере гражданских войн в Либерии)

Цель настоящей статьи – представить значительное участие африканской субрегиональной организации, Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС), во внутренних делах одного из государств-членов. Гражданские войны в Либерии неизбежны в истории Африки по двум основным причинам. Во-первых, это послужило существенным примером успешного «внешнего вмешательства» нового типа, осуществленного субрегио-

нальной организацией. Во-вторых, это заставило африканских лидеров вновь изучить политику невмешательства во внутренние дела государств, поскольку они полностью осознали угрозу региональной безопасности, которую представляют внутренние конфликты. В центре внимания статьи – не только участие ЭКОВАС, которое предотвратило дальнейшее развитие отчуждения и политических сложностей, но также анализ существовавших на тот момент условий, которые позволили ЭКОВАС принимать необходимые решения и действия по вмешательству во внутренние дела Либерии, главную, похвальную и заметную роль в которых сыграло государство – член сообщества – Нигерия. Анализировать политические и военные аспекты операции жизненно важно, учитывая те проблемы и сложности, с которыми сталкиваются политики в процессе поддержания мира. Важно также показать гуманитарный кризис, с которым сталкивалась и сталкивается Либерия, начиная с начала конфликтов.

Ключевые слова: гражданские войны в Либерии, гуманитарный кризис, ЭКОВАС, Нигерия, вмешательство, вызовы, успех.

ИНТЕГРАЦИЯ И ФИНАНСЫ

Усов В.А. Африканские общины в современной Индии: попытка классификации

Африканцы общины появились в Индии еще в XIII в. и сегодня в этой стране проживают 50–60 тысяч их потомков. В основном они занимаются неквалифицированным ручным трудом, сталкиваясь с регулярными притеснениями. В целях отстаивания своих интересов среди них происходит выработка новой идентичности и переход на единое самоназвание – «сидди», которые рассматриваются как часть всемирной африканской диаспоры.

Ключевые слова: Африка, Индия, африканцы, работорговля, рабство, ислам, колониализм, притеснение, миграция, идентичность, сидди, диаспора.

МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВЫЕ РЕСУРСЫ

Пичугин С.В. Минерально-сырьевая база Королевства Марокко и возможные направления двустороннего сотрудничества

Статья посвящена анализу минерально-сырьевой базы Королевства Марокко. Показано, что базой экономического развития Марокко являются разрабатываемые месторождения высоколиквидного сырья. При этом, как отражено в анализе экспертов геологоразведочной компании «ОЗГЕО», геолого-экономические характеристики целого ряда полезных ископаемых еще недостаточно выявлены и перспективно проведение дистанционных исследований по современным российским и американским технологиям на драгоценные, цветные, редкие, радиоактивные металлы, редкоземельные элементы и алмазы, а также организация дальнейших поисково-оценочных работ на золото, серебро, медь, свинец, цинк, кобальт, карбонатиты (с цирконом, ниобием, флюоритом и баритом), редкие металлы и платину. Целесообразна и прогнозная оценка различных районов Марокко на энергетическое сырье: нефть, газ, конденсат, уголь, горючие сланцы и уран на основе использования новейшей российской технологии CRS. В целом, по мнению экспертов «ОЗГЕО», Марокко имеет благоприятные экономические предпосылки для развития горнодобывающей промышленности.

Ключевые слова: Королевство Марокко, минерально-сырьевая база, геолого-экономические характеристики, полезные ископаемые, энергетическое сырье, российская технология CRS.

ПОРТРЕТ АФРИКАНСКОГО ЛИДЕРА

Прокопенко Л.Я. Имидж первой леди как элемент имиджа главы государства (страны Африки)

В статье рассматривается имидж первой леди в африканских странах как элемент имиджа главы государства. В условиях политической либерализации, начавшейся в 1990-е гг., роль жен глав африканских государств в общественно-политической жизни значительно возросла. Их деятельность направлена на решение важных вопросов развития континента, например, борьба с голодом и СПИДом, становление гендерного равенства в обществе. Сегодня эффективная деятельность африканских первых леди, как и в странах других континентов (участие в предвыборной кампании супруга, благотворительность, работа в различных фондах и пр.), положительным образом влияет на формирование его благоприятного политического имиджа и способствует его легитимизации.

Ключевые слова: первые леди, имидж, страны Африки, глава государства, общественно-политическая активность, избирательные кампании, PR (связи с общественностью), борьба со СПИДом, благотворительность, гендерное равенство, политическая культура, коррупция.

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Гусаров В.И. Северная Африка – трамплин операции «Хаски» в июле-августе 1943 года: подготовка, проведение, последствия

В статье рассмотрена история подготовки и проведения операции союзников под кодовым названием «Хаски» по захвату Сицилии (1943). Показаны основные факторы, способствовавшие успеху операции, в том числе использование «итальянских американцев» при планировании и реализации вторжения, а также особенности становления послевоенного

управления на острове. Сделан вывод о том, что в истории Второй мировой войны «операция Хаски» останется как крупнейшая десантная операция союзников, завершившаяся успехом.

Ключевые слова: Сицилия, операция «Хаски», союзники, итальянские американцы, мафиози, генерал Г. Александер.

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

Мосейко А.Н., Харитонова Е.В. Самоопределение и идентичность в современной Африке: культурные и цивилизационные коды? (К постановке проблемы)

В статье предпринята попытка с позиций современной теории идентичности проанализировать становление и развитие цивилизационного сознания и цивилизационной идентичности на фоне глубокого кризиса идентичности и изменений ментальности индивидов в сложившихся социокультурных и политических обстоятельствах. Показано, что в этом формирующемся конгломерате настроений и образов, идеологем и концепций – цивилизационном сознании – вырисовываются определенные цивилизационные перспективы. Во-первых, это дальнейшее единение, интеграция африканских стран по основным жизненно важным линиям – экономическим, политическим, социальным, культурным, экологическим. Во-вторых, это, очевидно, дальнейшее включение африканских стран в мирхозяйственное пространство. Перспективны гибридные формы самоорганизации и самоуправления, уже существующие в Африке.

Ключевые слова: Африка, идентичность, цивилизационное сознание, интеграция, гибридные формы самоорганизации и самоуправления, ментальность.

SUMMARY

DEVELOPMENT AND POLITICS

Shubin V.G. "Comrade Mzvai"

The article is a political portrait of Mzwandile Piliso, an eminent member of the leadership of the African National Congress of South Africa in the 1960s-1980s. Based on the ANC's documents, materials of South African and Soviet archives, conversations with his comrades-in-arms and the author's numerous meetings with him over a period of a quarter of a century, Piliso's role in the struggle against the racist regime in that country is examined.

Key words: South Africa (RSA), Mzwandile Piliso, Oliver Tambo, African National Congress, South African Communist Party, Umkhonto we Sizwe (Spear of the Nation), South African United Front, Afro-Asian Peoples' Solidarity Organization (AAPSO), National Executive Committee, Revolutionary Council, Department of National Intelligence and Security (NAT)

Sledzevsky I.V. Postcolonial African States: Crisis Development Trends

The article examines the experience of the national and state construction in the African countries in the context of the accruing conflicts and decrease in controllability of societies in the region to the south of the Sahara. The problem of a political and cultural and civilization solvency in the African conditions of European model the nation state is put. The author makes a conclusion about the crisis of this model in the conditions of historical heterogeneity of the African societies, the remaining traditions of the African tribalism and specifics of evolution of the

African communal societies, increase in the region of the large-scale social conflicts and their destructive influence on a condition of national statehood, global threats to the existence of nation-states.

Key words: the region of Africa to the south of the Sahara, experience the national and state construction in the conditions of the catching-up modernization, the national state as the civilization project of the African intellectuals, factors and tendencies of crisis of national statehood in Africa to the south of the Sahara.

Ivanov P.V. Deliberate Inaction of the World Community as a Catalyst for the Emergence of Genocide

In this article, the question is raised about the prerequisites for the emergence of such a phenomenon as genocide, within the framework of passive or active non-interference of the world community. In particular, four regions were analyzed taking into account historical chronicle, affecting the period from the beginning of the 20th century up to the present day. Based on the ongoing political and social upheavals in the states against the backdrop of war, having examined and compared a number of the facts described in the article, it was concluded that the genocide of the Aimar and Guarani Indians during the Chako War, the events of the period of the dictatorship of Pol Pot and Khmer Rouge, The war on terrorists in Rhodesia, the Genocide in Rwanda, the bombing of Belgrade in 1999 and the ongoing conflict in Yemen have a common basis according to which it is the factor of general indifference, as a result of the corruptness of world political elites or banal indifference, that becomes the real catalyst in the emergence of dreadful Conflicts, the consequences of which remain a bleeding wound on the body of our planet.

Key words: Non-intervention, world community, Genocide, Rhodesia, Rwanda, Serbia, UN Security Council, violation of human rights, falsification, war crimes, Khmer Rouge, geopolitics.

Khazanov A.M. The Discussion of the Question about the Destiny of the Former Italian Somalia at UN Bodies and the Establishment of Italian Trusteeship

This article examines various aspects of the process of decision making for establishing trusteeship under the UN's control with a fixed period of providing independence, which was a certain step ahead in the political and socio-economic development of Somalia. It is shown that the ruling circles of the US and Britain promoted the return of Italy, whose policy in 1950-1955 was not radically different from the policy of Mussolini's fascist government with respect to Somalia, to Africa.

Key words: Somali, Somalia, Italian trusteeship, Bevin-Sforza Plan, Britain and the US, USSR, UN, colonialism.

Parkhomenko V.K. AFRICOM against the Lord's Resistance Army

The Lord's Resistance Army (LRA) is a Ugandan rebel group. It began its confrontation with the government in the north of Uganda. The religious doctrine preached by this group is a mixture of Christian radicalism, local customs and magic. It has become known as a terrorist organization for violent reprisals against prisoners of war and civilian population and forced recruitment of child soldiers into its ranks. In addition to the Uganda People's Defense Force, the LRA is confronted by the Armed Forces of the Democratic Republic of Congo (DRC), Central African Republic (CAR) and South Sudan, which in late 2011 were joined by the United States Africa Command, also known as AFRICOM – a new U.S. military headquarters devoted solely to Africa.

Key words: Joseph Kony, LRA, AFRICOM, Uganda, DRC, CAR, South Sudan, African Union (AU), USA, guerillas, refugees, child soldiers, command posts.

Idahosa Stephen Osaherumwen. Libya's Contemporary Instability and Its Effect on Regional Stability: Africa as a Case Study

The subject of this paper examines the many risks that threatened the African coast and the Maghreb region, the explosion of disputes in the area and ultimately the fall of Muammar Gaddafi that has led to the instability of the entire coastal area, while the war in Libya adds more dismay to the scene and multiplies these risks. The research reveals the indicators of how this space however, acts as a relatively safe haven for the network of international armed groups that find all the facilities needed for military training, recruiting fighters, carrying out assassinations, suicide bombings, suicide attacks and kidnappings, and building training camps. Additionally, the region is considered fragile in terms of security as illegal activities are easy to carry out, including arms trafficking, drugs, cars, and trafficking of persons. It is also possible to bury nuclear waste, form radical Islamist groups, illegal immigration, and money laundering. The paper attempt to analyze the instability in Libya and it's adverse effect on Africa's security and stability and factional roles being played by international actors. The study therefore concludes that, the contemporary problem of the lack of security in Libya negatively impacts the path to peace and stability and it seriously hinders the establishment of political and administrative institutions, which also contributes to the increase in crime and activities of radical groups in the region. The author among others recommend that the best outcome for Libya lies in reaching a negotiated power sharing agreement and a consensual political-economic way forward that could decisively reverse the country's negative trajectory and put it on a pathway toward unity and prosperity.

Key words: Instability, Western Influence, AU, NATO, Terrorism, Russia Introduction.

ECONOMY AND STRATEGIC PARTNERSHIP

Deich T.L. China's Contribution into Africa's Transport Infrastructure

This article explores China-Africa cooperation in infrastructure sphere. Special attention is paid to the Beijing-funded and implemented by Chinese companies to African projects in the field of transport infrastructure. The result of "going abroad" policy was the intensification of China's activity in Africa and the growth of Chinese loans and investments to the African countries. In the last decade, in the focus of Chinese financing of African countries was infrastructure, first of all, the transport system of the continent. The slowdown in the Chinese economy has enabled the experts to predict the decline in China economic cooperation with Africa. However, Chinese leadership continues to pursue the policy of encouraging Chinese companies to foreign markets and to support investment projects abroad, including Africa. In recent years China has attracted international attention, undertaking the implementation of several infrastructure mega-projects in Africa, including those designed to link the African countries by network of high-speed railways.

Key words: China, African countries, investments, loans, infrastructure, Chinese companies, projects, railways, roads, bridges.

Yurtaev V.I., Ndakissa Onkassa F.C. The Diplomacy of Lesser African Countries: The Experience of Gabon

The article deals with the peculiarities of the Gabonese diplomacy as the example of the diplomacy of the small countries of Africa. The focus of the study is aimed at analyzing the conceptual bases of foreign policy of the Gabonese Republic, specific features of multilateral and bilateral diplomacy, shaping the international image of Gabon. Special attention is paid to consideration of the role of the President in making foreign policy deci-

sions and understanding the place of the foreign policy of Gabon in realizing the Strategic plan "Prosperous Gabon".

Key words: Africa, diplomacy of the small countries, the Republic of Gabon, President Ali Bongo Ondimba, foreign policy, dialogue, development and prosperity, environment, peace, security.

Adebayo Kafilat Motunrayo. Economic Community of West African States. Conflict Mediation and Resolution: A Case Study of Liberia Civil Wars

This paper aims at presenting the major involvement of an African sub-regional organization, Economic Community of West African States (ECOWAS) in the internal affairs of a member state. The Liberia civil wars is inevitable in the history of Africa for two major reasons. Firstly, it served as a significant example of a new type of successful 'external intervention' that is carried out by a sub-regional organization. Secondly, it has made African leaders to re-examine the policy of non-interference in the internal affairs of states, as they have become totally aware of the threat to regional security that could be posed by internal conflicts. This paper does not only focus on ECOWAS involvement that prevented rifts and political entanglements from developing far beyond, but also focuses on the provisions that existed which allowed ECOWAS to take the necessary decisions and actions in intervening in the internal affairs of Liberia, a major, commendable and recognizable part was played by a member state, Nigeria. The need to analyze the political and military aspects of the operation is very vital, especially the problems and complications encountered in the peacekeeping mission. It is paramount to illustrate the humanitarian crisis Liberia was/is faced with since the outbreak of the conflicts.

Key words: Liberia civil wars, Humanitarian Crisis, ECOWAS, Nigeria, Intervention, Challenges, Success.

INTEGRATION AND FINANCES

Usov V.A. African Communities in Contemporary India: An Attempt at Classification

Africans since 13th century A.D. at least put their footprints in Indian history. 50–60 thousand of their descendants are still living in India. These Indian Africans do mostly manual work and often face oppression. The need for more effective measures to promote their interests makes the Indian Africans pool their efforts and take one common name – Siddi who are seen as integral part of global African Diaspora.

Key words: Africa, India, Africans, slave trade, slaves, Islam, colonialism, oppression, migration, identity, Siddi, Diaspora.

MINERAL RAW MATERIAL RESOURCES

Pichugin S.V. The Mineral Raw Material Base of the Kingdom of Morocco and the Possible Areas of Bilateral Cooperation

This article offers an analysis of the mineral raw material base of the Kingdom of Morocco. It is shown that deposits of highly liquid raw materials form the basis of Morocco's economic development. As is shown in the analysis of experts of the OZGEO Geological Prospecting Company, the geological-economic characteristics of quite a number of mineral deposits have not yet been fully uncovered, and the conducting of remote sensing surveys for precious, non-ferrous, rare and radioactive metals, rare earth elements, and diamonds, and also the organization of further exploration and evaluation work for gold, silver, copper, lead, zinc, cobalt, carbonatites (with zircon, niobium, fluorite and barite), rare metals, and platinum using modern Russian and US technologies is highly promising. The predictive assessment of various areas of Morocco for energy commodities – oil, gas, condensate, coal, oil shale, and uranium – using the latest Russian CRS technology would also be expedient. Overall, in the

opinion of OZGEO experts, Morocco has favorable economic prerequisites for the development of mining industry.

Key words: Kingdom of Morocco, Mineral Raw Material Base, geological-economic characteristics, mineral deposits, energy commodities, Russian CRS technology.

PORTRAIT OF AN AFRICAN LEADER

Prokopenko L.Ya. The Image of the First Lady as an Element of the Image of the Head of State (Countries of Africa)

The article considers the image of the first lady in African countries as an element of the image of the head of state. Under political liberalization started the 1990s, the role of the spouses of African heads of state in social and political life has significantly increased. Their activities are aimed at addressing important issues of development of the continent, such as fight against hunger and AIDS, development of gender equality in society.

Today effective activity of African First Ladies, as well as in the countries of other continents, e.g. participation in husband's election campaign, charity work in various funds, etc., influences positively the formation of his favorable political image and contributes to his legitimacy.

Key words: First Ladies, image, African countries, head of state, social and political activism, electoral campaigns, public relations (PR), fight against AIDS, charity, gender equality, political culture, corruption.

HISTORY AND RELIGION

Gusarov V.I. North Africa: The Springboard of Operation Husky in July-August 1943: Its Preparation, Implementation and Effects

This article features the history of preparing and conducting the Allies' operation codenamed Husky for the capture of Sicily (1943). Highlighted are the main factors which contributed to the

success of the operation, including the use of “Italian Americans”, in planning and implementing the invasion, and the specific features of the establishment of postwar management on the island. The conclusion is made that Operation Husky will remain in the history of World War II as the Allies’ biggest landing operation that was a complete success.

Key words: Sicily, Operation Husky, the Allies, Italian Americans, mafiosi, General Harold Alexander.

CULTURE AND EDUCATION

Moseiko A.N., Kharitonova Ye.V. Self-Determination and Identity in Contemporary Africa: Cultural and Civilizational Codes? (Towards Problem Statement)

This article attempts to analyze, from the standpoint of modern identity theory, the formation and development of civilizational consciousness and civilizational identity against the background of a deep crisis of identity and changes in the mentality of individuals in the current socio-cultural and political conditions. It is shown that within that forming conglomerate of sentiments and images, ideologemes and concepts – civilizational consciousness – there emerge certain civilizational prospects. Firstly, this promotes further unity and integration of African countries along major, vitally important economic, political, social, cultural and ecological lines. Secondly, this is apparently further inclusion of African countries into the world economic space. The hybrid forms of self-organization and self-government already existing in Africa are quite promising.

Key words: Africa, identity, civilizational consciousness, integration, hybrid forms of self-organization and self-government, mentality.

НАШИ АВТОРЫ

Адебайо Кафилат Мотанрайо (Adebayo Kafilat Motunrayo) – магистрант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов.

Гусаров Владилен Иванович – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Центра социологических и политологических исследований Института Африки РАН, академик Российской академии естественных наук.

Дейч Татьяна Лазаревна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН.

Иванов Павел Валерьевич – магистрант I курса кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов.

Идахоса Стефен Осэрамвен (Idahosa Stephen Osaherumwen) – магистрант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов.

Кирабаев Нур Серикович – доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе РУДН, член НМС НОЦ африканских исследований Российского университета дружбы народов.

Мосейко Аида Николаевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки Российской академии наук (РАН).

Ндакисса Онкасса Франсуаз Кристиан (Габонская Республика) – аспирантка 3-го года кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов.

Пархоменко Валентин Константинович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института США и Канады РАН.

Пичугин Сергей Валентинович – главный геолог ООО «ОЗГЕО».

Прокопенко Любовь Ярославовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Африки Российской академии наук (РАН), член Научного совета РАН по проблемам Африки (НСА), член Исследовательского комитета по гендерной политологии РАПН (Российской ассоциации политической науки). Член НМС НОЦ африканских исследований РУДН.

Следзевский Игорь Васильевич – доктор исторических наук, профессор, директор Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, член НМС НОЦ африканских исследований Российского университета дружбы народов.

Усов Вячеслав Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Африки Российской академии наук (РАН).

Хазанов Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, заведующий Отделом комплексных проблем международных отношений Института востоковедения РАН, профессор, академик РАЕН, член НМС НОЦ африканских исследований РУДН.

Харитоновна Елена Владимировна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Центра цивили-

лизационных и региональных исследований Института Африки Российской академии наук (РАН).

Шубин Владимир Геннадьевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Африки РАН, исследователь Центра военных исследований (CIMES) Стелленбошского университета (ЮАР).

Юртаев Владимир Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, директор НОЦ африканских исследований РУДН.

CONTENTS

<i>Kirabaev N.S.</i> Preface	5
------------------------------------	---

DEVELOPMENT AND POLITICS

<i>Shubin V.G.</i> “Comrade Mzvai”	9
<i>Sledzevsky I.V.</i> Postcolonial African States: Crisis Development Trends	36
<i>Ivanov P.V.</i> Deliberate Inaction of the World Community as a Catalyst for the Emergence of Genocide	75
<i>Khazanov A.M.</i> The Discussion of the Question about the Destiny of the Former Italian Somalia at UN Bodies and the Establishment of Italian Trusteeship	90
<i>Parkhomenko V.K.</i> AFRICOM against the Lord’s Resistance Army	111
<i>Idahosa Stephen Osaherumwen.</i> Libya’s Contemporary Instability and Its Effect on Regional Stability: Africa as a Case Study	126

ECONOMY AND STRATEGIC PARTNERSHIP

<i>Deich T.L.</i> China’s Contribution into Africa’s Transport Infrastructure	137
<i>Yurtaev V.I., Ndakissa Onkassa F.C.</i> The Diplomacy of Lesser African Countries: The Experience of Gabon	152
<i>Adebayo Kafilat Motunrayo.</i> Economic Community of West African States. Conflict Mediation and Resolution: A Case Study of Liberia Civil Wars	165

INTEGRATION AND FINANCES

<i>Usov V.A.</i> African Communities in Contemporary India: An Attempt at Classification	177
---	-----

MINERAL RAW MATERIAL RESOURCES

<i>Pichugin S.V.</i> The Mineral Raw Material Base of the Kingdom of Morocco and the Possible Areas of Bilateral Cooperation	191
--	-----

PORTRAIT OF AN AFRICAN LEADER

<i>Prokopenko L.Ya.</i> The Image of the First Lady as an Element of the Image of the Head of State (Countries of Africa)	218
--	-----

HISTORY AND RELIGION

<i>Gusarov V.I.</i> North Africa: the Springboard of Operation Husky in July-August 1943: Its Preparation, Implementation and Effects	244
---	-----

CULTURE AND EDUCATION

<i>Moseiko A.N., Kharitonova Ye.V.</i> Self-Determination and Identity in Contemporary Africa: Cultural and Civilizational Codes? (Towards Problem Statement)	269
---	-----

SUMMARY	325
---------------	-----

ABOUT AUTHORS	334
---------------------	-----

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кирабаев Н.С.</i> Предисловие	5
--	---

РАЗВИТИЕ И ПОЛИТИКА

<i>Шубин В.Г.</i> «Товарищ Мзвай»	9
<i>Следзевский И.В.</i> Постколониальные африканские государства: кризисные тенденции развития	36
<i>Иванов П.В.</i> Осознанное бездействие мирового сообщества как катализатор при возникновении геноцида	75
<i>Хазанов А.М.</i> Обсуждение вопроса о судьбе бывшего итальянского Сомали в организациях ООН и установление итальянской опеки	90
<i>Пархоменко В.К.</i> АФРИКОМ против Армии Сопротивления Господа	111
<i>Идахоса Стефен Осахерумвен.</i> Современная нестабильность в Ливии и ее влияние на региональную стабильность (на примере Африки) (на английском языке)	126

ЭКОНОМИКА И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

<i>Дейч Т.Л.</i> Вклад Китая в транспортную инфраструктуру Африки	137
<i>Юртаев В.И., Ндакисса Онкасса Ф.К.</i> Дипломатия малых африканских стран: опыт Габона	152

<i>Адебайо Кафилат Мотунрайо. Экономическое сообщество западноафриканских государств: посредничество и разрешение конфликтов (на примере гражданских войн в Либерии) (на английском языке)</i>	165
--	-----

ИНТЕГРАЦИЯ И ФИНАНСЫ

<i>Усов В.А. Африканские общины в современной Индии: попытка классификации</i>	177
--	-----

МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВЫЕ РЕСУРСЫ

<i>Пичугин С.В. Минерально-сырьевая база Королевства Марокко и возможные направления двустороннего сотрудничества</i>	191
---	-----

ПОРТРЕТ АФРИКАНСКОГО ЛИДЕРА

<i>Прокопенко Л.Я. Имидж первой леди как элемент имиджа главы государства (страны Африки)</i>	218
---	-----

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

<i>Гусаров В.И. Северная Африка – трамплин операции «Хаски» в июле-августе 1943 года: подготовка, проведение, последствия</i>	244
---	-----

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

<i>Мосейко А.Н., Харитонова Е.В. Самоопределение и идентичность в современной Африке: культурные и цивилизационные коды? (К постановке проблемы)</i>	269
--	-----

РЕЗЮМЕ	315
SUMMARY	325
НАШИ АВТОРЫ	334

Научное издание

Е Ж Е Г О Д Н И К

**АФРИКА:
УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ
И ДИПЛОМАТИЯ ДИАЛОГА**

2017

*Редактор И.Л. Панкратова
Технический редактор Н.А. Ясько
Компьютерная верстка Н.А. Ясько
Дизайн обложки М.В. Рогова, Ю.Н. Ефремова*

Подписано в печать 14.04.2017 г. Формат 60×84/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 20,0. Тираж 500 экз. Заказ 613.

Российский университет дружбы народов
117923, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
117923, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41

Для заметок

Для заметок
